

П. Миф

КИТАЙСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ

Сборник статей

П. Миф

Китайской Революции

Сборник статей

2024

<https://dbarabe.yolasite.com/>

Содержание

Характер и движущие силы китайской революции.	4
Спорные вопросы китайской революции.	32
1. Империализм и китайская революция.	34
2. Перегруппировка классов.	43
3. О теории перманентной революции.	56
VI съезд китайской коммунистической партии.	63
1. Некоторые предварительные замечания.	63
2. Этапы революции.	68
3. Объективные причины поражения.	71
4. Оппортунистическое руководство КПК.	79
5. Августовская конференция и ноябрьский пленум.	83
6. Оценка современной полосы.	86
7. Генеральная линия — борьба за массы.	90
8. Определение характера революции.	93
9. Опасность путчистских уклонов.	99
10. Неправильные отношения партии к классу и внутри партии.	104
11. Опасность возрождения оппортунизма.	105
Аграрный вопрос на VI съезде коммунистической партии Китая.	110
I. Аграрная программа.	110
II. Решения по вопросу о крестьянском движении.	127
Ближайшие задачи китайской коммунистической партии. .	134
Крестьянский вопрос в Китае.	159
Кризис китайской реакции и новый революционный подъем.	179
Борьба за гегемонию пролетариата в колониальный революции.	190

Характер и движущие силы китайской революции.

(*Большевик*, 1927 г., № 1, стр. 12—26.)

«А Индия и Китай кипят. Это — свыше 700 миллионов человек. Это с добавлением окрестных и вполне подобных им азиатских стран, — бо бывшая половина населения земли. Там надвигается, не держимо и все быстрее надвигается, 1905 год, с тем существенным и громадным отличием, что в 1905 г. революция в России могла еще пройти (по крайней мере, сначала) изолированно, т.-е. не втягивая сразу в революцию другие страны. А растущая а Индии и в та революция уже сейчас втягивается в революционную борьбу, в революционное движение, в международную революцию». (Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 74).

Современный этап китайской революции является продолжением и завершением. на основе нового соотношения классовых сил и в новой международной обстановке революции 1911 года. Он имеет своими задачами осуществление двух основных целей: свергнуть империалистическое господство и освободить страну от чудовищных остатков полуфеодального прошлого, отягощенного его превращением в «колониальную систему хозяйства». Эти задачи связаны друг с другом, ибо основной экономической базой империализма в Китае является господство помещиков, джентри, ростовщиков в деревне при команде реакционнейшего посреднического

компрадорского капитала, опирающихся на вооруженную силу военных феодалов новейшей формации и типа— китайских милитарюгов. Все это составляет сущность «колониальной системы хозяйства».

Мы не хотели бы быть понятыми таким образом, что говорим о Китае, как о колониальной стране. Всем известно, что Китай, в полном смысле этого слова, не является колонией, а полуколоннальной, зависимой страной. Мы употребляем термин «колониальная система хозяйства» в несколько другом смысле. Этим мы хотим очертить основное содержание китайской экономики, хотим наметить те нити, которые связывают последнюю с иностранным капиталом и позволяют ему господствовать над всей страной. (Указание на „колониальную систему хозяйства“, представляющую собой „полное овладение производством“ иностранным купеческим капиталом (что заменяется для данной эпохи финансовым капиталом), мы находим у К. Маркса в 1 ч. III тома, стр. 307, изд. 1907 г.)

В самом деле, нельзя представлять империализм, как какую-то надстройку, имеющую свои корни только вне и не имеющую своих экономических позиций внутри самого Китая. Нельзя представлять себе господство над Китаем иностранного капитала, без учета того, что это господство осуществляется с помощью крупного посреднического, торгового китайского капитала, и что оно выражается в подчинении всего производства страны, промышленного и сельскохозяйственного, этому торгово-компрадорскому капиталу и через него иностранному финансовому капиталу. При беглом т китайской экономики полностью подтвердится наша мысль. самом деле, возьмем китайскую промышленность. Господство иностранного капитала, захват им всех экономических командных высот

выражается не только в том, что большая доля капиталов, вложенных в эту промышленность, принадлежит иностранцам, но и, главным образом, в подсобном, подчиненном характере всей китайской промышленности. В Китае развивается каменноугольная промышленность, но добытый уголь вывозится за границу. В Китае добывается железная руда, но она почти полностью уплывает в Японию. И если иностранцы или, в меньшей мере, торговая китайская буржуазия вкладывают свои капиталы в те или другие предприятия, продукция которых не экспортируется, то только для экономии издержек по производству и импорту тех или иных товаров.

Такую же картину мы имеем и в сельском хозяйстве Китая. Китайский крестьянин сеет хлопок, который полностью перепадает в руки инсетранной конторы, имеющей монопольное праео по закупке хлопка. Китайский крестьянин возделывает табак, чай, или шелк с тем, чтобы через скупщика и компрадоров всея его товарная продукция попадала в-руки иностранного капитала к капитал овладевает экономикой сельского хозяйства Китая с помощью компрадорской буржуазии и через посредство командующего елоя китайской деревни, — помещиков, ретовщиков, джентри и скупщиков, нередко выступающих в едином лице. Основная масса китайского крестьянства опутана, тонкой паутиной этих эксплуататорских элементов. Трехсогмиллионное крестьянство, представляющее широко» поле для наживы иностранного капитала, влачит жалкое существование и задыхается в узких рамках колониальной эксплуатации. Сельскохозяйственная экономика, являющаяся основой китайского хозяйства переживает хронический кризис. Она Не может развиваться при существующей системе колониального грабежа. Господство иностранного капитала

в Китае, выражающееся в форме колониальной системы хозяйства, чрезвычайно задерживает рост производительных сил этой страны. В этом кроется экономическая пружина нарастающей революции. Поэтому действительное уничтожение господства империалистов над Китаем совершенно немыслимо без полной ликвидации этой его глубочайшей экономической и социальной базы в Китае.

С другой стороны, ошибочно было бы представление о возможности действительного демократического переустройства китайского общества, что должно явиться в результате уничтожения землевладения джентри и помещиков, господства отсталых форм ростовщичества, посреднической торговли и политического гнета милитаристов и бюрократов, — без одновременной полной ликвидации империалистического господства. Это обстоятельство и накладывает своеобразные черты на характер китайской революции.

Китайская революция для того, чтобы быть победоносной, не может поэтому ограничиваться задачами только внутреннего (революционная демократизация страны) или только внешнего (борьба с империализмом) характера. С точки зрения внутренних тенденций развития, заложенных в китайской революции на данном историческом этапе, она является и не может не являться революцией буржуазно-демократической, очищающей путь для свободного и быстрого развития производительных сил, сейчас задыхающихся под тяжестью остатков средневековых производственных отношений и империалистической кабалы.

Но китайская демократическая революция не может не втягиваться в революционную борьбу, в революционное движение, в международную революцию» (Ленин), будучи неотъемлемой частью последней уже в силу своего антиимпериалистического характера. Это существенным образом отличает китайскую революцию от классических буржуазных национально-освободительных движений западно-европейских стран прошлого столетия. Это совершенно понятно, так как эти национально-освободительные движения в Нидерландах и Италии, национально-освободительные движения в Германии и в других странах происходили, как известно, в эпоху буржуазных революций. Несмотря на некоторые общие черты, международная обстановка китайской революции значительно отличает ее и от революции 1905 г. в России, центром которой было именно разрешение задач внутреннего порядка и в особенности аграрного вопроса («Аграрный вопрос составляет основу буржуазной революции в России и обуславливает национальную особенность этой революции»). (См. Ленин, том IX, стр. 614).

Национальной же особенностью китайской революции является переизетение задач освобождения страны от империалистичеекой кабалы и от пережитков полуфеодального прошлого.

Антиимпериалистический характер китайской революции, при наличии еще ряда важнейших моментов, характеризующих международную ее обстановку, позволяет ставить вопрос с возможным дальнейшим этапе, наступающем велед за первым, — этапе перерастания демократической революции в революцию содиалистическую.

Международная обстановка китайской революции, накладывающая на нее особый отпечаток, характеризуется в основном с ющими моментами:

Во-первых, китайская революция происходит в эпоху империализма и пролетарских революций, при общем кризисе капиталистической системы. Это находит свое выражение в росте прслетарегого движения в передовых промышленно-развитых странах и колониальных движениях, которые, несомненно, уеилятся в частности и в связи с дальнейшим развитием китайской революции.

Во-вторых, китайская национальная революция развивается в условиях, когда на одной шестой мировой суши существует, растет и укрепляется Союз Советских Социалистических Республик — руководитель борьбы против международного империализма. Этот фактор усиливается в связи с географической близостью нашего трудового союза республик с территорией Китая. На протяжении тысяч верст ни одна страна не отделяет нас барьером от революционного Китая. Этот момент, бесспорно, имеет и будет иметь немаловажное значение.

В-третьих, Китай отличается от большинства колониальных и зависимых стран тем, что он не подвергся полному захвату и порабощению одной какой-либо империалистической державой. Это не Индия, которая целиком находится в руках английского империализма, это не Индонезия, закабаленная голландехим капиталом, где освободительная борьба в связи с этим значительно затрудняется. Китайской революции помогает конкуренция империалистических держав в Китае между собой, ослабляющая позиции иностранного капитала в этой стране. Китайской революции приходится даже на первом

этапе бороться против могущественнейшего, вооруженного: до зубов врага — иностранного капитала. Победа национальной революции во многом определится ее международной политикой. Перед китайской революцией стоит задача, как можно лучшего и искусного использования противоречий между отдельными империалистическими странами, лавирования, временных компромиссов с одной страной с целью вытеснения другой империалистической державы.

Все эти условия благоприятствуют победе и углублению китайской революции, но не делят обязанности быстрых успехов. Лишь соотношение сил, как оно сложится в результате первой стадии революции, может решить вопрос о темпе перерастания национальной революции в революцию социалистическую.

Здесь мы приближаемся к вопросу о движущих силах китайской революции, приобретающему исключительное значение. Тут же оговоримся, что и с этой стороны перспективы китайской революции не должны внушать особых опасений, что эти перспективы значительно благоприятнее, к примеру, нежели революции турецкой (1919—1922 гг.), на опыте которой не трудно уяснить всеобразие движущих сил китайской революции.

В Турции к началу национальной революции еще не было рабочего класса, могущего возглавить движение. Общее число рабочих не достигало 100 тыс. человек, при чем индустриальных рабочих, работающих на крупных предприятиях, насчитывалось не больше 10000 человек. Организаций пролетариата либо: совершенно не существовало, либо они приближались по своему характеру к средневековым. Понятно, что и мощного, влиятельного

коммунистического авангарда турецкий пролетариат не имел. Но мало того. малочисленный пролетариат сосредоточен был в 2-х центрах — в Константинополе и Смирне, т.-е. как раз в тех городах, которые были оккупированы английскими и греческими войсками. Он очутился, в плену у этих вБИск, по другую сторону фронта и поэтому никакого фактически участия в национально-освободительном движении не принял. Руководство движением перешло в мы национальной буржуазии. Другую картину мы имеем в Китае. Китайский пролетариат и с количественной и с качественной стороны превосходит турецкий. Общее количество рабочих в Китае превышает 5000000 человек, из них не менее: 2 млн. заняты в крупной промышленности. К этому добавляется армия в 8000000 рабочих ремесленных и кустарных предприятий и не меньшая армия батраков. Китайский пролетариат обладает крепкими, растущими профессиональными организациями и, хотя не многочисленной, но образцовой коммунистической партией. Китайский пролетариат имеет уже значительный опыт классовой борьбы. Все это заставляет нас думать, что рабочий Лаос итая представляет собой достаточную ферментирующую силу, чтобы объединять, организовывать и направлять широкие трудящиеся массы в борьбе с иностранным капиталом и его базой внутри Китая. И, действительно, в Китае рабочий класс выдвинулся в последних боях на передовые позиции бойцов за освобождение и сейчас, в особенности в шанхайских и поеледующих событиях, находится на путях дальнейшего завоевания и укрепления своей: гегемонии.

Что касается буржуазии, то она, напуганная рабочим движением и нарастанием гражданской войны в деревне, потрясающими основы экономического, строя и политического порядка, ие в состоянии осуществить задач

решительной демократизации страны, а тем самым и уничтожения основной экономической базы империализма. Это неизбежно приводит ее на путь соглашения с иностранным капиталом с целью подавления массового движения, грозящего ее экономическим и политическим интересам. На этом вопросе нужно остановиться несколько подробнее. Понятно, какое огромное значение имеет правильное решение этого вопроса. Определение роли китайской буржуазии в национально-революционном движении — задача чрезвычайно важная. И вот, пользуясь сравнением с нашим 1905 годом, мы приходим к выводу, что национальная китайская буржуазия значительно слабее, чем русская перед 1905 годом. Чем это объясняется? Многими причинами, из которых главнейшие заключаются в следующем: в рядах китайской буржуазии главнейшее господствующее место занимает крупная торговая, компрадорская буржуазия, которая благодаря экономической связи с империализмом, находится не в лагере революции, а полностью на стороне иностранного капитала. Сила же промышленной буржуазии Китая измеряется тем, что основные командные высоты промышленности, железные дороги, банки, крупнейшие предприятия находятся в распоряжении иностранного капитала; национальный промышленный капитал в Китае чрезвычайно не велик. Имперялистическими странами вложено в Китае свыше миллиарда золотых рублей (1092000000) в железнодорожное строительство, благодаря чему около 8004 всей: железнодорожной сети. находятся в руках и под контролем чужеземного капитала. Почти миллиард золотых рублей брошено в Китай в качестве основного капитала для банковской деятельности. В то же время чисто китайские банки являются фактически меняльными конторами, находящимися под командой крупноторгового, посреднического капитала;

железорудные предприятия в Китае почти целиком принадлежат японскому: капиталу или находятся в полной финансовой зависимости от него. Девять главнейших судостроительных доков и механических заводов-в руках англичан. Не лучше положение каменноугольной, химической, электрической текстильной промышленности. Если китайский национальный капитал просачивается в ту или другую отрасль хозяйства, как скажем, к примеру, в каменноугольную в размере 50000000 рублей, то зачастую он выступает не самостоятельно, а участвует в смешанных предприятиях, связывая свою судьбу с интересами иностранного капитала. Если же мы иррижем во внимание вообще подсобный характер китайской промышленности, о чем мы уже говорили раньше если иррижем во внимание, что китайская промышленная буржуазия чрезвычайно молода, что она только недавно начала, вылупляться (особенно во время мировой войны и послевоенного кризиса, когда ослабли мировые экономические связи) из рядов крупной торговой буржуазии и чиновничьей аристократии, еще тысячью нитей связана с компрадорской, а через нее и с иностранной буржуазией, — если мы иррижем все это во внимание, для нас станет ясной, во-первых, относительная экономическая и политическая слабость китайской буржуазии, во-вторых, ее готовность на компромисс с империализмом за счет интересов национально-освободительного движения. Исторический опыт, поведение китайской буржуазии в моменты решительных схвалок, имевших место, полностью подтгерждают наш выгуд. Пуще всего китайская буржуазия начинает бояться пролетарского движения. Все больше она колеблется в сторону соглашения с иностранным капиталом. Все чаще она, пользуясь удобным предлогод, предает интересы национальной революции.

Сказанным выше мы вовсе не отрицаем, во-первых, возможности частичного использования буржуазии в освободительной борьбе. Конечно, известные противоречия между различными группами китайской буржуазии и тем или другим инокапиталом существуют. И эти противоречия могут быть использованы. В частности, вполне мыслимо использование тех групп китайской буржуазии, которые связаны с японским капиталом в борьбе против английского империализма, или той части китайской буржуазии, которая ориентируется на Америку — в борьбе с английским или японским капиталом. Но это не изменяет нашего основного вывода, что китайская революция не может победить под главенством, под руководством китайской буржуазии.

Во-вторых, относительную слабость китайской буржуазии не нужно понимать так, что она сама охотно и спокойно уступит пролетариату место гегемсна в движениит, что она, благодаря экономической слабости и недостаточному политическому весу, должна быть совершенно сброшена со счетов. Нет, далеко не так. Действительность свидетельствует об обратном: китайская буржуазия все активнее проявляет себя на политической арене, все ней добивается овладеть национальным движением.

И эта опасность пока-что решительно не парализована. Усугубляется это положение тремя моментами. Во-первых, тем, что некоторые слои буржуазии, наиболее прогрессивная, наиболее национальная (если можно так выразиться) часть буржуазии, идут еще вместе с революцией. Бесспорно, что эти буржуазные слои, добившиеь на гребле революционной волны уступок от иностранного капитала, постараются закрепить свои

позиции, не стремясь радикально разрешить задач революции. Во-вторых, в руках этих буржуазных элементов пока еще находится большая часть революционной армии, особенно в лице начальников многочисленных воинских частей, примкнувших к кантонскому ядру. И если армия является мощным орудием революции, то ее бгромнейшее преимущество китайской революции может повернуться против последней, если пролетариату не удастся распространить свое политическое руководство на народно-революционную армию. В-третьих, эти буржуазные элементы располагают влиянием на значительные массы мелкой буржуазии, не успевшей еще убедиться в половинчатости и соглашательстве либеральствующей буржуазии. И пока эти три момента остаются в силе, до тех пор сохраняется угроза овладения буржуазным руководством национально-освободительного движения.

Как раз последние годы больше всего характеризуются соревнованием, и все более ожесточенным, между китайской буржуазией и пролетариатом в борьбе за гегемонию. И если массовое движение рабочего класса, крестьянства и полупролетарских элементов города имеет тенденцию развиваться под руководством пролетариата и его коммунистического авангарда, то, с другой стороны, буржуазные элементы пока еще сохраняют частично, руководящее положение и в национальном правительстве и в революционных армиях. Поэтому, как благоприятно ни складываются условия в Китае, там далеко еще не решен окончательно вопрос о победе пролетарской тенденции в национально-освободительном движении. Ошибочно было бы предполагать, что китайская буржуазия совершенно не в силах возглавить и тем самым обкорнать национальную революцию. Экономическая слабость и недостаточный

политический вес китайской буржуазии могут быть восполнены поддержкой со стороны одной либо другой империалистической державы. Осуществление подобной тенденции возможно лишь при условии обоюдных компромиссов и при сохранении фактического господствующего положения иностранного капитала. Понятно методы его проникновения и господства будут видоизменены. От грубых хищнических приемов он перейдет к внешне пацифистским; по американскому типу, более совершенным, но не менее опасным методам хозяйственного закабаления Китая.

Конечно, в международном отношении. такая победа такой буржуазной тенденции в китайской революции не явилась бы фактором разложения империализма, а привела бы к укреплению общих позиций империализма. Соревнование между китайской буржуазией и пролетариатом-в. борьбе за гегемонию лежит сейчас в центре китайской революции и имеет глубочайшее международное значение.

Быть же гегемоном и для буржуазии, и для пролетариата — означает особенно: важную задачу: обеспечить свое влияние на крестьянство и городскую мелкую буржуазию и руководство ИМИ; включая все массовые организации, где крестьянство и городская мелкая буржуазия участвуют.

Как же проявили себя эти общественные силы на арене открытой борьбы? Для ответа на, этот вопрос, попытаемся подвести итоги и учесть опыт событий в Китае, по крайней мере; за последний год,

Эти события свидетельствуют о все большем развитии национально-революционного движения. Но это

нарастание революции не идет равномерно. Если первые месяцы 1926 г. могут быть характеризованы временным спадом революционной волны, временным затишьем, то вторая половина года проходит под знаком нового подема национальной революции течение весны и большей части лета 1926 года все вышѐ поднимается волна реакции, угрожающая затопить все достигнутые раньше завоевания, освободительного движения. Велед за окончанием шанхайской забастовки, подавленной в конечном счете силами реакционных милитаристов, стачечное рабочее движение заметно осла бевает. Вторая и третья народные армии терпят поражение и подвергаются окончательному разгрому. При чем, что. чрезвычайно важно, благодаря политической неоформленности крестьян: своего движения и в результате неправильной политики 2-й народной армии по отношению в.крестьянству, контрреволюционным элементам удастся использовать крестьянское движение в своих интересах. Крестьянские греаиа Хэнаньской про-Пей-Фу разбить 2-ю народ-ную армию и затем окончательно ее добивают. В этот же промежутков времени терпит поражение Го-Сун-Лин, восставший против Манчжурского сатрапа Чжан-Цзо-Лина. Первая народная армия Фын-Юй-Сяна очищает Тянь-Тзин, а затем отступает от Пекина и Калгана далеко на запад, во внутреннюю Монголию. Наконец, в самом Кантоне, в этом центре антиимпериалистического движения, в результате переворота 20 марта, происходит передвижка вправо в рядах национального кантонского правительства, выразившаяся в отстранении от руководства левого крыла Гоминдана.

Обективно это сыграло на руку реакционным элементам. Певорот 20-го марта как бы открыл шлюзы реакции на местах. стороны помещиков, джентри, ,ростовщиков

началось общее наступление на крестьянские союзы. В обстановке обостренной социальной борьбы нейтралитет нового национального правительства объективно помогал реакционным силам на местах громить крестьянское движение провинции Гуандунь. Итак, в первой половине 1926 года по всем линиям идет временное отступление национальной революции, временное торжество реакции.

Начиная с июля — августа 1926 года, политическая ситуация в Китае резко меняется. И это новое нарастание национальной революции находит свое выражение в многочисленных фактах; квантунская народно-революционная армия победоносно продвигается на север, очищая все большую территорию Китая от всех милитаристических приспешников империализма. К Кантону присоединяется ряд провинций с многомиллионными массами крестьянства. Национальное правительство укрепляется в Уханском районе, являющемся крупнейшим индустриальным-центром с многочисленным пролетариатом. Реакционный милитарист У-Ней-Фу ставленник английского империализма — подвергается полному разгрому: Серьезное поражение наносится не менее феодалным силам Сун-Чуан-Фана. Возобновившийся рост стачечного движения значительно подкрепляет национально-освободительную борьбу. Особенно успешно протекают забастовки на шанхайских и ханькоусских предприятиях, принадлежащих иностранному капиталу. Армия Фын-Юй-Сяна, передохнувшая и подкрепленная новыми силами, переходит в наступление. Реорганизованная 9-я народная армия под начальством одного из лучших гоминдановских вождей Ю-Ю-Жена вытесняет союзников. У-Пей-Фу и Шенься, угрозив с тыла основным силам У-Пей-Фу провинции Хэнань. Разлившееся мощной волной

крестьянское движение в значительной мере способствует успеху северного похода кантонской армии. Не менее показательным является рост партийных, профессиональных и крестьянских организаций. Профессиональные организации в Китае достигают 1200 т. членов. Правда, нужно оговориться, что ряд профорганизаций, расположенных на севере, подавленные реакцией не в состоянии проводить заметной работы. Крестьянские союзы одной только Гуандунской провинции превысили 1000000 членов, в Хунаньской провинции к настоящему времени насчитывается 600000 членов крестьянского союза, в Убейской число членов приближается к 500000 человек. Не менее ощутительных результатов достигает рост революционных партий. Китайская коммунистическая партия за 38 прошедших лет вчетверо увеличивает свой состав, а количество членов Гоминдана переваливает за 800000 человек.

Развитие общей революционной обстановки находит свое отражение также и в политических настроениях внутри Гоминдана. Именно под этим углом зрения следует рассматривать настойчивое требование, оформившееся в соответствующем постановлении последнего пленума ЦК Гоминдана, о возвращении лидера левого крыла Ван-Чин-Вей к руководящей партийной и государственной работе. Под этим же углом зрения следует понимать проведенную в последнее время реорганизацию кантонского провинциального правительства, при которой были сняты с работы все антикрестьянские элементы. Разрыв витайско-бельгийского договора реакционным пекинским правительством, пытающимся поддаться под общий антиимпериалистический фон и облачатся в освободительную тогу, также свидетельствует о глубине переживаемого революционного периода.

Подводя итоги событиям за истекший год в Китае, необходимо подчеркнуть и подробнее остановиться на чрезвычайно хаавто дальнейшей классовой дифференциация движения, ат анализ этих событий был бы совершенно не полон, если бы мы не отметили перегруппировки борющихся сил Китая за свою национальную независимость. И здесь. раньше всего следует, указать на выдвижение пролетариата на политическую арену современного Китая, как наиболее организованной и последовательно революционной силы. Уже успешно проведенная вабастовка гонгконгеких моряков в 1922 году и затопленная в крови стачка на Пекин-Ханькоусской железной дороге в 1923 г. были первыми ласточками, предопределившими неизбежное. перэрастание экономической борьбы. рабочего класса в политическую борьбу против империалистического угнетения. Шанхайская стачечная волна прошлого года, выдвинувшая героический, китайекий пролетариат на передовые позиции, подняла самое обвэбодительное движение на высшую ступень. В напряженной антиимнериалистической борьбе возрождающегося Китая также огромвейшее значение имела 16-месячная гонгконгекая забастовка. Именно эта забастовка сделала Кантон центром антиимпериалистянесого движения. Именно эта забастовка подорвала силу и престиж английского имп. Борьба этой 100-тысячной армии гонгконгеких стачечников приковала внимание всего мира. Стачечные пикеты; окружавшие Кантон, предохранили последний от проникновения империалистического влияния. Эта же стачка завершилась повышением таможенных пошлин, проведенным кантонским правительством. Не меньшее значение имеет развивающаяся в настоящее время класеовая борьба китайского пролетариата.

На ряду с этим, к тому же процессу классовой дифференциации движения нужно отнести нарастание элементов гражданской войны в китайской деревне, в форме все обостряющейся борьбы крестьянских вооруженных организаций «Красных Пик» и отрядов крестьянских союзов против союза помещиков, джентри и милитаристов, пользующихся своими вооруженными отрядами миньтуаней. И если раньше крестьянское движение либо вовсе не поддержало знаменитой шанхайской забастовки, либо частично играло объективно контрреволюционную роль, что видно было в помощи, оказанной «Красными Пиками» генералу У-Пей-Фу, — то сейчас крестьянское движение, обнаруживающее тягу к руководству пролетариата и его коммунистического авангарда, идет по пути создания более политически оформленных организаций — крестьянских союзов. Крестьянское движение либо непосредственно помогает кантонской армии, либо косвенно — своей борьбой против джентри, помещиков и милитаристов, являющихся проводниками экономического и политического влияния иностранного капитала.

Не менее важные процессы исходят в лагере китайской буржуазии. Общий процесс дифференциации ры сил в результате дальнейшего углубления антиимпериалистической борьбы, нашел себе место и в рядах китайской буржуазии. В этом отношении чрезвычайно показательным является откол городской мелкой буржуазии и средней купеческой Шанхая и Кантона от крупной буржуазии, выразившийся в выступлении этих элементов из общих торговых палат в Шанхае и в Кантоне и в объединении их в соответствующие организации в обоих этих городах. Кантон и Шанхай, как центры экономической и политической жизни страны, могут быть сравнимы по

своему значению с Ленинградом и Москвой. Раскол в рядах организованной буржуазии в этих двух центрах сигнализирует общее размежевание буржуазии во всей стране. Безусловно это находится в связи с колебаниями крупной китайской буржуазии, которая чем дальше, тем больше скатывается на путь соглашения с иностранным капиталом. Первые же обещания или незначительные уступки иностранного капитала, в роде таможенной конференции, находят доброжелательный отклик в среде крупной китайской буржуазии и порождают стремление путем компромисса сговориться с империализмом. Более революционно настроенная городская мелкая буржуазия вынуждена рвать с компромиссной крупной буржуазией, примыкать к пролетариату в его борьбе против гоеподетва иностранного капитала.

Вместе с тем нужно еще остановиться на ослаблении роли студенчества в движении, бывшего раньше носителем идей национального освобождения. Конечно, это не дает права предполагать, что революционная молодежь и в том числе студенческая не будет и дальше одним из главнейших факторов революционного движения. Ни в какой мере не следует прзумеждать роль молодежи. Но по мере выдвижения пролетариата, как передового руководящего отряда, понятно, что относительно уменьшается фоль, выполнявшаяся раньше китайским студенчеством. Этот процесс, выражающийся также в отходе буржуазных слоев студенчества от революционной борьбы, в отколе этих элементов бт общестуденческих организаций, несомненно, свидетельствует о происходящей в Китае глубокой дифференцировке, классовых сил движения.

Помимо того, истекшие события характеризуются консолидацией всех разнородных, раньше между собой

враждовавших, милитаристических клик, пытающихся объединенными силами противодействовать национально-революционному движению. Передначальное соглашение У-Пей-Фу с Чжан-Цзо-Лином для борьбы с Фын-Юй-Сянем: сейчас превратилось в общий союз всех реакционных милитаристов под: общим начальством Чжан-Цзо-Лина. Одновременно, Фын-Юй-Сян и ряд других передовых военачальников примкнули к Кантону. Два лагеря противостоят сейчас друг другу — Север и Юг, реакционный Мукден и революционный Кантон. Эта консолидация милитаристических сил говорит с соглашении стоящих за спиной этих реакционных милитаристов империалистических держав, объединяющихся перед угрозой кантонских успехов, грозящих сорвать господствующее положение иностранного капитала.

Картина дополняется новыми происками империалистических держав, пытающихся и пацифистскими средствами овладеть национальным движением. Путем заигрывания и мнимой под: держки борющихся масс Китая пытаются они оседлать китайскую революцию. Это находит свое отражение в изменившемся отношении империалистической прессы Японии, Америки и даже Англии к национально-революционному правительству. Понятно, что эта фальшивая игра ни в коей мере не должна усыпить бдительность китайских революционеров и коммунистов других стран. Конечно, эти происки не снимают с порядка дья угрозы интервенции в Китай, тем более, что эта интервенция фактически осуществляется действием на китайской арене продажных милитаристов — ставленников иностранного капитала.

Но эти факты в общей связи с отмеченными нами. выше моментами говорят © консолидации враждебных сил китайской революции, о быстро идущем процессе вовлечения: широких масс в антиимпериалистическое движение, о расширении его из чистгородского явления, каким оно было ранее, в действительно могучее народное движение, захватывающее основные трудящиеся массы города и деревни. Тем самым революционно-освободительное движение переводится на высшую ступень своего развития. Это придает ему большую силу и способствует успешному его завершению.

Значение этих фактов не трудно проследить при самом беглом ознакомлении с историей последних лет национально-освободительного движения в Китае. Еще недавно когда основной. движущей силой была буржуазия и когда оно замыкалось в узком кругу буржуазной и мелкобуржуазной интелли генции, это движение постепенно выдыхалось. Тогда ни пролетариат, ни широчайшие массы крестьянства участия в нем не принимали. Национально-освободительное движение уперлось в тупик, в виду отсутствия широкой базы, отсутствия тех сил, на которые оно могло бы опереться. Вторая фаза движения наступает с того момента, когда мелкая буржуазия спачала в городе, особенно в лице студенчества, а затем постепенно и сельская, вовлекается в национально-революционное движение и когда под знаменами смертельной борьбы с империализмом выдвигается самый решительный, самый последовательно-революционный класс — пролетариат. Эта передвижка социальной базы и в первую очередь выдвигание. пролетариата на передовые посты, приводит к постепенному отходу буржуазии от роли движущего, водящего фактора. Процесс этот достаточно ярко виден по

тем фактам, которые нами, были приведены выше. Китайская национальная революция стоит перед третьей фазой, перед оформлением и упрочением революционного блока пролетариата и революционной мелкой буржуазии. В этой дальнейшей дифференциации классовых сил национально-революционного движения — в основном внутренний смысл событий истекшего года. В дальнейшем нарастании и углублении революции их главное значение.

* * *

Откладывая тактические вопросы для специального освещения, отметим здесь, что основными задачами китайского пролетариата и его коммунистического авангарда на данном историческом этапе являются:

Во-первых, разоблачение половинчатости, соглашательства, буржуазии и изоляция ее от влияния на пролетариат и мелкобуржуазные массы города и деревни.

Во-вторых, беззаветная борьба за свою гегемонию в освободительном движении, за перетягивание на свою сторону всех действительно революционных элементов буржуазной демократии и в первую очередь крестьянства; борьба за распространение своего идейно-политического руководства, на все вооруженные силы революции.

В-третьих, последовательное осуществление демократических преобразований, полная ликвидация господства империализма, облегчая этим дальнейшую организацию своих сил и развитие классовой борьбы, что в свою очередь должно ускорить переход революции на новую высшую стадию ее развития.

В-четвертых, установление теснейшего союза, с международным пролетарским движением и в первую очередь, с его цитаделью Союзом Советских Социалистических Республик.

Если победа пролетарской тенденции означает жесточайший удар по империализму, то условием осуществления гегемонии пролетариата в китайской революции, является создание революционного блока пролетариата и широчайших слоев революционной городской и сельской мелкой буржуазии. Эта задача, уровни тов. Сталиным следующим образом: «В странах, в роде Египта или Китая, где национальная буржуазия уже раскололась на революционную и соглашательскую партии, но где соглашательская часть буржуазии не может еще спаяться с империализмом, коммунисты уже не могут ставить себе целью образование единого национального фронта против империализма.

От политики единого национального фронта, коммунисты должны рейти в таких странах в политике революционного блока рабочих и мелкой буржуазии». (И. Сталин, «Вопросы ленинизма», стр. 264).

У рабочего класса Китая и его коммунистического авангарда не должно быть никаких иллюзий насчет единого всеохватывающего национального фронта. Представление о том, что все классы китайского общества способны и будут бороться против империализма, такое представление вредно и может только дезориентировать рабочий класс. Такой уклон, в условиях нарастающего революционного движения в Китае и представлял бы большую опасность. Уклон, со слов тов. Сталина, заключающийся в «недооценке революционных возможностей и в переоценке

идей единого всеохватывающего национального фронта в колониях и зависимых странах, независимо от состояния и степени развития этих стран. Это есть уклон вправо, чреватый опасностью принижения революционного движения и растворения коммунистических элементов в общем хоре буржуазных националистов». (Там же, стр. 267.)

Китайская революция на ее буржуазно-демократическом этапе будет развиваться без крупной буржуазии и скорее вопреки ее соглашательским тенденциям. Эта характерная черта, эта особенность выступит, очевидно, еще яснее, ярче и рельефнее в китайской революции, нежели в нашей революции 1905 года. Силой революции будет пролетариат и революционная мелкая буржуазия при организующей, руководящей роли рабочего класса. Мелкая буржуазия городов и в первую очередь кустари и ремесленники, составляющие большинство населения китайских городов, разоряемые империализмом и настроенные явно враждебно к гнету иностранного капитала, будут бесспорно в рядах сражающихся против империалистической кабалы.

Рабочий класс, подвергающийся двойному гнету, также бесспорно будет на передовых позициях антиимпериалистической борьбы.

То, что революция в Китае пока-что, сразу же не является социалистической, не может и nebude притуплять активности рабочего класса, не может привести его к отказу от решительной борьбы. Еще тов. Ленин говорил, что «буржуазная революция в высшей степени выгодна пролетариату. Буржуазная революция безусловно необходима в интересах пролетариата. Чем сильнее и решительнее, чем последовательнее будет буржуазная

революция, тем обеспеченнее будет борьба пролетариата, с буржуазией за социализм». Эти слова тем более справедливы по отношению к Китаю, где буржуазная революция, по своему характеру является антиимпериалистической.

Огромнейшим резервуаром революционной энергии является китайское крестьянство. Резкое малоземелье, арендная и ростовщическая кабала, чрезвычайная, непосильная тяжесть налогового бремени милитаристического государства, усиливающееся разорение крестьян вследствие господства иностранного капитала, в стране, — все это быстро революционизирует широчайшие массы крестьянства и неизбежно толкает его на борьбу против империализма и против экономических и политических проводников его влияния.

Революционный блок этих элементов будет все тверже оформляться по мере углубления национально-революционной борьбы.

Но национальная революция в Китае выдвигает на очередь еще и вопрос о власти. Победоносная революция немыслима без революционной власти. Насильственное, революционное свержение господства империализма невозможно без революционного правительства, которое должно возглавить национальную революцию на теперешнем этапе. Нужно ведь не только бить, но добить и «отбить попытки врага вернуть потерянное».

Каков же характер должен быть революционной власти и революционного правительства в Китае? Раньше всего эта революционная власть должна быть по своему характеру антиимпериалистической. Антиимпериалистической —

потому, что это — основная задача освободительной борьбы, основная особенность и основная цель китайской революции на данном этапе. В остальном это революционное правительство должно напоминать проокировавшуюся большевиками власть в революции 1905 года. Революционное правительство в Китае должно быть сложением сил пролетариата и крестьянства.

Тов. Ленин применительно к нашему 1905 году писал:

«Мы все говорим о завоевании Республики. Чтоб завоевать ее на деле, необходимо, чтобы мы стали «вместе бить» самодержавие, — мы, т.-е. революционный народ, пролетариат и крестьянство. Но этого еще недостаточно. Недостаточно даже «вместе добить» самодержавие, т.-е. совершенно свергнуть самодержавное правительство. Необходимо еще «вместе отбить» неизбежно предстоящие отчаянные попытки восстановить свергнутое самодержавие. Это «вместе отбить», примененное к революционной эпохе, есть не что иное, как революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, есть участие пролетариата, в революционном правительстве» (Ленин, т. VI, стр. 209.).

Ленинская формула революционного правительства применима к Китаю с той поправкой, что эта диктатура пролетариата, и крестьянства должна быть антиимпериалистической. Поэтому форма революционной власти в Китае должна выразиться в антиимпериалистической диктатуре рабочего класса и крестьянства. Антиимпериалистической — потому, что такова основная задача, революции. Диктатуры — потому, что эта власть будет не столько устанавливать порядок, сколько организовывать, жесточайшую войну, ибо борьба с

империализмом не легкая, не мирная и не быстро осуществимая задача. Рабочего класса — потому, что китайская революция может восторжествовать, может быть победоносной лишь под гегемонией пролетариата. Крестьянства — потому, что оно является мощным резервом революционной энергии, потому, что только у него есть по отношению к пролетариату «прочная общность экономических интересов на все время революции».

Задача китайского пролетариата на путях утверждения своей гегемонии—добиться организации революционной власти по этому принципу.

Этим самым предопределяется необходимость участия пролетариата в революционном правительстве. Уже перед 1905 годом Лениным была Доказана принципиальная допустимость участия рабочего класса во временном революционном правительстве. Еще тогда Ленин, в противовес меньшевикам, поучал, что нельзя ешеивать участие социалистов в буржуазном правительстве мирного, нормального времени, когда это правительство на деле, фактически охраняет империалистическую буржуазию от рабочего класса, — с участием в революционном правительстве, когда это участие обеспечивают наиболее решительное, наиболее последовательное осуществление задач революции. Но мало того, в своей брошюре «Две тактики социал-демократии в демократической революции» Ленин писал: «Великие вопросы политической свободы и классовой борьбы решает, в последнем счете, только сила, и мы должны заботиться о подготовке, организации этой силы и об активном, не только оборонительном, но и наступательном уп лении ее. Долгая эпоха политической реакции, царящей в Европе почти беспрерывно со времени Парижской Коммуны, слишком

сроднила нас с мыслью о действии только «низу», слишком приучила нас наблюдать борьбу только оборонительную. Мы вступили теперь, несомненно, в новую эпоху; начался период политических потрясений и революций. В такой период, какой переживается Россией; непозволительно ограничиваться старым шаблоном. Надо пропагандировать идею о действии сверху, надо готовиться к самым энергичным наступательным действиям, надо изучать условия и формы таких действий» (Ленин, т. VI, стр. 315.).

И эти слова Ленина более чем справедливы по отношению к китайской революции, которая развивается в исключительных международных условиях. Эпоха империализма и «политических потрясений», эпоха, когда существует Союз Советских Социалистических Республик, обязывает китайский пролетариат организовать силы, наступательно их употреблять, решительно действовать не только «с низу», но и «сверху». Будем надеяться, что китайскому пролетариату удастся выполнить эти всемирной исторической важности задачи.

Спорные вопросы китайской революции.

(*Большевик*, 1928 г., № 3—4, стр. 108—122.)

Быстрая смена обстановки при исключительном своеобразии китайской революции неизбежно порождает различные оценки переживаемой полос и китайской революции, различные взгляды на тактические задачи китайской коммунистической партии. Вот по поводу этих спорных вопросов нам и хотелось бы обменяться мнениями. При чем мы ни в какой мере не претендуем на дачу исчерпывающих ответов по всем этим вопросам. Мы ставим своей задачей лишь постановку главнейших из них, полагая, что уже обнаженная их постановка будет способствовать правильному разрешению этих вопросов происходящим пленумом Коминтерна.

Китайский вопрос подвергся широкому обсуждению перед пленумом ИККИ на специальных китайских совещаниях, материалы которых и послужат главным образом для настоящей статьи. Предварительно оговариваемся, что очень мало внимания мы уделим разбору той точки зрения, которая, переоценивая консолидацию сил реакции, недооценивая сохранение революционной ситуации, выдвигала задачей борьбу за легальные требования, за демократическое самоуправление и т. д., фактически скатываясь к снятию лозунга советов в Китае. Эта точка зрения, пропитанная в достаточной мере затхлым запахом оппортунизма, не нашла сторонников при предварительном обсуждении китайского вопроса в ИККИ.

Поэтому мы преимущественно остановимся на разборе другой системы взглядов, получившей большее распространение, нашедшей значительное количество сторонников и защищаемой с большою настойчивостью. Тем более мы считаем необходимым это сделать, что представители этих взглядов переносят обсуждение спорных вопросов (правда, как позже увидимся, в значительно видоизмененных формах) из ,эких залов ИККИ на страницы «Большевика».

Схематически эти взгляды, которые мы подробнее будем ниже разбирать, можно представить в следующем виде. Тт. исходят из экономического кризиса, переживаемого сейчас Китаем, и констатируют наличие непосредственной революционной ситуации. Поскольку же нет никаких признаков консолидации реакции и поскольку буржуазия никакой политической силы представляет, то этим снимается возможность какого-либо компромиссного пути и облегчается борьба трудящихся масс. Поэтому товарищи считают, что в Китае мы стоим перед перманентной революцией и неизбежным немедленным восстанием пролетариата и крестьянства. Но так как пролетариату придется бороться против буржуазии, то революция приобретает сразу же социалистический характер.

В следующих строках мы укажем, что мы считаем верным, а что неправильным в этой постановке вопроса. Но мы не можем ограничиться только критическими или полемическими замечаниями. Нам хотелось бы, насколько это возможно, дать цельное представление о новом этапе китайской революции, хотя бы бегло подытожить весь богатейший опыт классовой борьбы и уже попутно останавливаться на спорных вопросах, частью выдвинутых антье тов. Ломинадзе.

1. Империализм и китайская революция.

Разрешение всех тактических задач связано с оценкой общего положения, переживаемого Китаем. Так же бесспорно, что «ключ к пониманию характера всякой исторической полосы лежит прежде всего в соотношении классов». Для научного обоснования политики безусловно обязательен учет соотношения классов и конкретных особенностей каждого исторического момента. Но было бы абсолютно неверным замыкать наш анализ учетом соотношения классовых сил только китайского общества. Китайская революция — колониальная, антиимпериалистическая революция. Давая оценку теперешней ее полосе, мы не можем умолчать о силах мировой буржуазии, находящихся и вне Китая, а также действующих и внутри Китая.

Китайскую революцию мы рассматриваем как часть мировой пролетарской революции, штурмующей твердыни империализма. Какое же соотношение сил сложилось по этой линии в результате последних событий в Китае? Укрепились ли или ослабли позиции империализма в результате последнего года? Этот вопрос мы не можем обойти, так как для каждого ясно, что именно иностранный капитал является организующей силой всей китайской реакции.

«Относительно слабая китайская буржуазия, — говорится в резолюции УШ пленума ИККИ, — не могла бы создать крупной угрозы для китайских революционных масс, если бы она прямо и косвенно не поддерживалась иностранными интервенционистами. Эти последние концентрируют свою вооруженную силу, блокируют порты, изолируют центры революции, финансируют

контрреволюционные армии, пытаются разлагать армию революции, оказывают непрерывное дипломатическое давление, поддерживают буржуазных заговорщиков на территории революционного правительства, организуют саботаж производства, торговли и кредитов со стороны иностранной и туземной буржуазии и т. д., и т. п. Особенно нужно отметить бешеные усилия империалистов, направленные на организацию разгрома рабочих и коммунистов. на подавление крестьянского движения и на изоляцию СССР».

Империализм является вдохновителем и организатором всей китайской реакции Мы знаем, какие трудности приходится испытывать китайской революции. поскольку она выступает против чрезвычайно мощного, вооруженного 10 зубов мирового империализма, а силы последнего в Китае, его экономическую и политическую мощь мы скорее были склонны недоучитывать, чем переоценивать. Понятно поэтому, что наш анализ мы должны начать с оценки тех изменений, которые произошли в международных условиях китайской революции. Ведь китайская революция потерпела, хотя кратковременное, но серьезное поражение. Укрепило ли это положение империализма? Дало ли это такой перевес сил иностранного капитала, когда вопрос о непосредственно-революционной ситуации в Китае должен быть снят с порядка дня на ближайшее время.

Даже самый поверхностный анализ приводит нас к выводу, что, несмотря на наше поражение, империализм в целом очень немного выиграл, скорее свои позиции ослабил, еще больше углубил свои противоречия, несколько не сняв с порядка дня революционной ситуации в Китае.

Обратимся к некоторым материалам. Известно, что внешняя торговля Китая за 1927 год сократилась, по сравнению с предыдущим годом, несколько больше чем на 25%. Опубликованные цифры о сборах морских таможен устанавливают, что в 1927 году таможенной было взыскано 9.677.000 фунтов стерлингов против 12.165.000 £ стерл. за 1926 год. Разница эта еще больше возрастает, если принять во внимание падение цен на серебро за год, примерно, на 10%. Далее, что еще более примечательно, экспорт товаров из Китая остался почти на прошлогоднем уровне; следовательно, снижение общего оборота внешней торговли идет почти исключительно за счет импорта, за счет ввоза в Китай иностранных товаров, при чем ввоз оборудования несколько превысил прошлогодний, а снижение ввоза преимущественно падает на готовые хлопчатобумажные ткани и другие изделия. Итак, первый вывод, который мы можем сделать, сводится к тому, что, несмотря на претерпеваемые китайской революцией частичные поражения, нисколько не облегчилось положение империализма, нисколько не ослабла проблема рынков для мирового капитала. А проблема рынков, как всем известно, для мирового капитала является наиболее острой и одной из основных проблем в переживаемый нами момент.

Особенно катастрофически это отражается на Англии. Экономическое ее положение очень резко ухудшается. Сжатие китайского рынка для Англии сказывается особенно остро. Правда, частичные поражения революции дали ей возможность вернуть концессию в Ханькоу, принудить нац. прав. к разрыву отношений с СССР. Но это не должно создавать у нас иллюзии об упрочении позиций Англии в Китае. Указанные нами внешнеполитические завоевания покоятся на все более подгнивающей

экономической базе. Этим и объясняется, что Англия в поисках выхода прибегает к крайним мерам, все громче и настойчивее выдвигая план широкой интервенции в Китае. Уже в самом этом плане следует усматривать не проявление силы, а проявление все большей слабости английского империализма.

Вот почему мы можем считать, что наш основной враг— империализм в целом (и особенно Англия, игравшая главенствующую роль в деле империалистического закабаления Китая), не только не усилил своих позиций в Китае, но еще больше их расшатал и ослабил. Мы можем считать, что международные условия, если брать их в целом, не дают пока основания констатировать усиления, укрепления, роста стабильности иностранного капитала в Китае, на долгие годы отсрочивающего китайскую революцию.

Но этот процесс не идет односторонне. Международные условия китайской революции также поставлены под законы диалектического, противоречивого развития. Если мы в праве считать, что силы империализма в целом (и особенно Англии) идут к упадку, то это не значит, что решительно все империалистические страны катятся в Китае по этой наклонной плоскости, Экономические материалы, и в первую очередь сведения о внешнем торговом обороте, дают нам рост и другой тенденции. Для настоящего года является чрезвычайно характерным, что Америка увеличила свою торговлю с Китаем (кстати сказать, это единственная крупная страна, давшая прирост в торговом обороте за 1927 год) и заняла первое место по удельному весу в общем обороте внешней торговли Китая. Если к этому прибавить возрастающее очень заметно вложение американского капитала в японские предприятия

и банки; то мы сможем сделать следующие небезынтересные Вы воды: во-первых, противоречия между американским и японским капиталом, являвшиеся раньше основными на Тихом океане, начали ослабевать, и все настоятельнее сказываются противоречия между Америкой и Японией, с одной стороны, и Англией—с другой; во-вторых, мы стоим перед более активной и агрессивной политикой` Америки в Китае, которая (что не исключено). будет и дальше выступать координированно с Японией. Нарастание этой, уже наметившейся тенденции, с одной стороны, свидетельствует о росте противоречий внутри империализма. Но, с другой стороны, нарастание этой тенденции, чем дальше, все больше, будет усложнять революционную борьбу в Китае, создавая вместо дряхлеющей Англии более сильных и полнокровных, более гибких врагов китайской революции.

Под углом зрения этих двух тенденций, нам кажется, и следует подходить к разрешению многих вопросов китайской революции. С одной стороны, мы наблюдаем ослабление империалистических сил, главным образом, сказывающееся на позиции Англии в Китае. Эта тенденция бесспорно облегчает нашу борьбу, усиливает неустойчивость позиции империализма и сохраняет революционную ситуацию. Но мы не должны закрывать глаза на тенденцию обратного порядка, на растущую активность американского капитала на Дальнем Востоке, в том числе и в Китае. В этом отношении поддержка Америкой Чан Кай-Ши является знаменательной. Согласие американского капитала на значительное увеличение таможенных пошлин нанкинским правительством, предоставление займа, предоставление нескольких миллионов долларов за прекращение забастовки на «Бритиш Американ Тобакко Компани», — все эти факты

говорят о первых более решительных шагах американского капитала на китайской политической арене. С другой стороны, необходимость для Японии уже сейчас связывать свою империалистическую политику в Китае с интересами Америки, привлечение американского капитала в совместное с Японией железнодорожное дело в Манчжурии, наконец, блок Чан Кай-Ши с Фын Юй-Сяном и пропуск японцами войск Фын Юй-Сяна в провинцию Шань-дун, — все это отражает еще окончательно не оформившуюся, но бесспорно наметившуюся американскую империалистическую тенденцию, выступающую не вопреки, а пока что в согласии с интересами японского капитала.

Политика американского капитала, понятно, будет несколько отличаться от методов английского закабаления Китая. Имея на своей стороне колоссальный экономический перевес, не заинтересованная в такой мере, как Англия, в полном сохранении всех привилегий империалистов, в полном порабощении Китая, Америка, не изменяя сущности империалистической политики, все же внешне сможет обставить свое господство несколько иначе, чем Англия, сможет пойти на некоторые уступочки китайской буржуазии, сможет открыть некоторые клапаны, маленькие отдушины, правда, для мучительно медленного, но все-таки развития капитализма в Китае. Американский капитал, взяв в известной мере на буксир национальную буржуазию (отведя ей, понятно, подчиненную роль), сомкнувшись с зажиточными, верхушечными слоями китайской деревни, может втянуть Китай на «компромиссный» путь. на путь капиталистического развития. Правда, этот путь возможен лишь в обстановке сколько-нибудь длительного поражения революции, но это — вопрос особый, говорящий о вероятности, а не о возможности этого пути. Эта тенденция

превращения Китая в колонию американско-японского капитала при главенстве Америки не может означать прекращения капиталистического развития в Китае. Такая тенденция, наоборот, предполагает развитие капитализма в Китае, но мучительно медленное, ценой жесточайшего разорения и вымирания трудящихся масс, и в первую очередь деревенской бедноты и городских кустарей. С другой стороны, эта тенденция не означает сколько-нибудь радикального реформирования китайской экономики, решительной ломки средневековья, разрешения аграрной проблемы, смягчения противоречий, улучшения положения масс и притупления революционной борьбы. Нет. Этот путь будет усиливать, еще более резко обострять противоречия, подымать новые полчища трудящихся Китая на борьбу за советский путь—единственно способный радикально разрешить все противоречия китайского общества и единственно открывающий путь для прогресса и благосостояния масс.

Но тем не менее развитие империалистической тенденции (при главенстве Америки), этот единственно мыслимый для Китая «компромиссный» путь, не исключено. Подобно тов. Ломинадзе от него нельзя просто отмахиваться. «Нет никаких элементов для компромиссного пути в Китае», — пишет тов. Ломинадзе, хотя несколькими строками ниже поправляет себя, что этот «путь не исключен, он возможен, но он мало вероятен». В этом вопросе не должно быть путаницы. Нельзя произвольно упрощать этот вопрос.

Тов. Ломинадзе, отрицая возможность компромиссного пути, мотивирует это двумя соображениями: во-первых, тем, что перед Китаем перспектива либо полного превращения в колониальную добычу, либо решительной

победы революции. Но ведь превращение Китая в колонию или укрепление империалистической тенденции, именно и означает лиственный возможный компромиссный путь. Во-вторых, тов. Ломинадзе отрицает компромиссный путь ссылкой на Ленина. Ленин «о возможности победы компромиссного пути ставил вопрос лишь тогда, когда этот путь обозначался уже в действительности». Но ведь никто не утверждает возможность победы компромиссного пути в Китае; кроме того, нельзя полагать, что этот путь совершенно не обозначился в действительности. Первые шаги американской империалистической тенденции мы уже наблюдаем. Этих шагов достаточно, чтобы этот путь не исключать Поэтому мы целиком присоединяемся к мнению тов. Бухарина, высказанному на китайском совещании, что нельзя считать компромиссный путь развития исключенным для Китая. Это неправильная, не ленинская постановка вопроса. Надо ставить вопрос так: какой путь победит — компромиссный или революционный, решит лишь борьба. Победу революционного пути нужно считать наиболее вероятной, но это не значит, что компромиссный путь совершенно исключен.

В чем весь смысл спора по этому вопросу, какие политические выводы напраиваются в результате всей этой постановки вопроса? Выводы следующие. Несмотря на то, что американская тенденция начала только обозначаться, наша борьба в Китае уже сейчас находится в более трудных и усложнённых условиях. Несмотря на то, что империализм в целом не бился значительного упрочения своих позиций, мы уже сейчас не можем только со старыми силами вести против него борьбу. Перед нами задача: во-влекать огромнейшие массы, которые раньше пока еще стояли в стороне, мобилизовать значительно больше сил, чем те, которыми мы раньше располагаем готовить

значительно большей мощности, чем раньше, натиск на империализм, и на те силы реакции, которые им вдохновляются.

Отрицание возможности компромиссного пути, это— упрощение обстановки; это — теория, как будто снимающая обостреннейшую и ожесточеннейшую борьбу с врагом исключительной силы и мощности. Мы вне конкуренции, враг наш слаб и немощен, победа лежит уже в нашем кармане и почему неизбежно приводит отрицание компромиссного пути. «Это — революционный фатализм, это — преуменьшение великих опасностей, стоящих в Китае перед партией и перед рабочим классом».—говорил тов. Бухарин Мы полагаем, что ближайший период в Китае будет заполнен неслыханно чалряженной борьбой между советской и империалистической тенденциями или чем успехи американско-империалистического пути не приведут к экончательному торжеству капитализма, а лишь будут обострять борьбу в то время советская тенденция может достигнуть полной победы. В конечном счете, разумеется, революция, советский путь победит. Но исход борьбы будет решать вопрос о сроках этой победы. Наша задача — победить какому но раньше, приблизить этот «конечный счет», а для этого быте би непроилительным недооценивать врага, было бы непростительным отмахиваться от необходимости мобилизовать все силы революции, все силы не только китайских трудящихся масс, но и всего Коммунистического Интернационала а людей твительно решительного, действий: тельное успешного натиска на империализм.

2. Перегруппировка классов.

что условия борьбы для нас значительно усложнились, что борьба трудящихся масс Китая затруднилась, что силы наших врагов в Китае возросли, следовательно, наша атака, наш штурм реакции может быть успешен лишь при условии, что мы выведем в бой большие силы, чем располагали раньше, — в этом нас убеждает рассмотрение и внутреннего положения Китая, классовая перегруппировка и соотношение классовых сил, сложившиеся внутри китайского общества.

Последний год китайской революции характеризуется генеральной размежёнкой всех классов китайского общества. И первое, что должно быть отмечено, это — перебежка национальной буржуазии в лагерь помещичье-милитаристской реакции. Перспективы освободительного движения могут быть нами осознаны лишь после анализа нового фактора китайской общественной жизни, учета буржуазно-помещичьего блока, созданного и направленно на разгром массового движения.

Еще VIII пленум ИККИ указывает, что перебежка буржуазии, ряд буржуазных контрреволюционных переворотов «знаменует собой частичное поражение китайской революции и определенный прирост сил контрреволюционного блока». Иначе на этот вопрос отвечает тов. Ломинадзе: «Ни о какой консолидации буржуазно-помещичьей контрреволюции в Китае не может быть и речи. Этих явлений в Китае нет даже в тенденции. Переход национальной буржуазии в лагерь иностранного капитала и помещичье-милитаристской реакции не сплотил и не укрепил этого лагеря, а лишь ускорил процесс его разложения и распада. В политике, не как в арифметике:

простое сложение сил не всегда дает большую сумму, не всегда означает их приращение. С точки зрения арифметики силы реакции выросли после того, как на их сторону перешла буржуазия, а силы революционного лагеря соответственно убавились. С точки зрения марксистской диалектики дело обстоит иначе». По-нашему, нельзя этот вопрос упрощать и своему революционному нетерпению подчинять марксистский анализ. В самом деле, раньше против империализма и помещичье-милитаристской реакции боролись пролетариат, крестьянство, городская мелкая буржуазия плюс национальная буржуазия. А после измены буржуазии, пролетариат и крестьянство ведут борьбу против объединенных сил империализма, национальной буржуазии и помещичье-милитаристской реакции. Даже простая арифметика, которой марксисту вовсе нельзя пренебрегать, говорит о приросте сил реакции и об усложнении борьбы для рабочих и крестьян. Но дело не исчерпывается здесь только простой арифметикой. Ведь национальная буржуазия не просто отшатывалась, не просто перебежала в лагерь реакции. Она ведь при всяком своем переходе наносила серьезные удары рабочему и крестьянскому движению. Так, перебежка Чан Кай-ши и Ли Ти-сина в апреле 1927 г. сопровождалась разгромом центров рабоче-крестьянского движения, подавлением масс, дезорганизацией революционных сил, расстройством рядов коммунистической партии. Так было и в Шанхае, и в Кантоне, и в ряде провинций. Измена левого гоминдана вовсе не означала, что буржуазия и крупная, и средняя, и значительные слои городской мелкой буржуазии просто покинули лагерь революции, приговаривая: «Братцы, рабочие и крестьяне! Мы уходим от вас, а вы сами как-нибудь развивайте революцию. Мы же со стороны будем за вами наблюдать». Этот далеко не арифметический переход национальной буржуазии не позволяет лам играть словами,

не позволяет недооценивать сил наших врагов и размеров нашего поражения. Только тщательно изучив опыт, использовав уроки поражения, мы можем подготовить успешное и победоносное выступление трудящихся масс.

Никто, конечно, не отрицает, что участие буржуазии в революции сдерживало ее размах, что в результате ее отхода мы имеем неизмеримо более революционный блок пролетариата и крестьянства. Никто, конечно не отрицал, что помещичье-буржуазный блок обостряет еще больше борьбу, подымает новые массы трудящихся Китая и со своей стороны способствует сплочению сил революции. Никто, наконец, не утверждает, что лагерь реакции (включающий империалистов, буржуазию и помещиков) стал более монолитным. Понятно, не в этом спор. Товарищи, которые переносят этот вопрос в эту плоскость, только замазывают разногласия. Спорным вопросом является вопрос, имеем ли мы усиление лагеря реакции по сравнению с прошлым, труднее ли сейчас нам бороться против объединенных сил реакции, чем раньше. Мы отвечаем на этот вопрос утвердительно.

Тов. Ломинадзе смущает, как же тогда можно говорить о дроблении буржуазно-помещичьего блока. Это как будто бы противоречит понятию консолидации и укрепления реакции. На самом деле в этом нет ничего удивительного. Перед лицом растущей рабоче-крестьянской революции реакция выступает объединенными силами, сообщая она громит рабоче-крестьянское движение. Но реакция не монолитна. Перед лицом других задач сказываются классовые и милитаристические интересы отдельных разноречивых элементов реакции. Организующая сила реакции— империализм. Но ведь и империализм — не однородное тело. Разные империалистические страны

сплачивают реакцию, когда им угрожает колониальная революция, но вместе с тем они стремятся сохранить свои особые позиции. Этим объясняется в частности военно-политическая обстановка, сложившаяся сейчас в Китае.

С одной стороны, на политической арене действует так называемая гуансийская группировка (Бай Сун-чи и Ли Тисин), которая связана с английским капиталом и представляет преимущественно интересы крупной торговой, компрадорской буржуазии и китайских помещиков. С другой стороны, мы имеем блок Чан Кай-ши и Фын Юй-сяна, связанный с американским и японским капиталом и представляющий главным образом интересы промышленно-капиталистических кругов Китая. Не только не исключена, а наоборот, вполне вероятно острая борьба между этими двумя группами за сферы влияния. И чем слабее будет сказываться и угрожает опасность революции, тем резче будут выступать наружу противоречия между этими милитаристическими группировками. Но чем сильнее будет развиваться революция, тем дальше (на второй план) будут отходить их противоречия тем более объединено будут выступать силы реакции против революционных масс. Этого недоучитывать нельзя. Нельзя считать, что дорога революции в Китае усеяна розами, что у врагов китайской революции полный развал загнивание и что китайский пролетариат шапками их может закидать.

А тов. Ломинадзе во всей своей статье именно и пытается доказать, что дело революции в Китае—очень простая, несложная вещь. На 20 страницах он вращается вокруг вопроса о китайской буржуазии, всячески ее разоружая и доказывая, что она никакой политической силы не представляет, что она еще не оформилась даже как класс.

Эта теория не нова. Напрасно тов. Ломинадзе иронизирует над тов. Лозовским, удивляясь, что тов. Лозовский только в Китае услышал эту теорию, когда фактически, мол, этой теории придерживался Коминтерн. Это неверно. Коминтерн никогда не отрицал наличия буржуазии в Китае, а констатировал ее относительную слабость, ее революционную непоследовательность, предсказывая неизбежный переход ее на сторону реакции. А вот в Китае существовала совершенно другая теория, о которой упоминал тов. Лозовский и которую полагалось бы знать и тов. Ломинадзе. Теория эта целиком отрицала существование китайской буржуазии и говорила о «естественной роли» гегемонии пролетариата. Буржуазии в Китае нет, бороться за гегемонию пролетариату не с кем. Пролетариат «естественно» будет гегемоном. Надо только выждать, когда история к этому нас подсядет. Эта теория, принадлежащая тов. Чен Ду-сю и тов. Пын Шу-чжи, т.-е. двум прежним фактическим руководителям китайской коммунистической партии и вдохновителям всей правой оппортунистической линии прежнего руководства, была не случайна. Она притупляла борьбу, затушевывала классовые противоречия внутри революционного лагеря и приводила к тому, что эта «несуществующая» буржуазия (которая была умнее уже тем, что знала, что она существует) главенствовала в революционном движении. Именно эта теория лежит в основе всех оппортунистических ошибок прежнего руководства киткомпартии. В Кантоне нет буржуазии — поэтому руководители компартии не готовили массы к борьбе, а бросали лозунг нейтрализации Ли Ти-сива. В Шанхае нет буржуазии — уж не потому ли руководители компартии не подымали масс на борьбу против наметившегося реакционного переворота Чан Кай-ши в полной уверенности, что Чан Кай-ши не выступит против масс и тем более не отнимет у них оружия. Эта

недооценка как наличия буржуазии, так и ее сил, ее контрреволюционности приводила к бесчисленным поражениям революции даже там, где соотношение сил было далеко не в пользу реакции.

Своим выступлением на XV съезде с той же теорией тов. Ломинадзе протянул руку бывшему оппортунистическому руководству. «Буржуазия в Китае, — говорил тов. Ломинадзе, оказалась совершенно незрелым выкидышем истории. Достаточно было ей отойти от единого революционного фронта, достаточно было ей перейти в лагерь контрреволюционеров, как она сама распалась и не представляет единой политической силы ни в какой мере. Ее отдельные группы и группировки находятся под пятой, под командой отдельных милитаристов». И дальше на вопрос тов. Сталина — «А что осталось от буржуазии?», Ломинадзе отвечает: «От буржуазии остались отдельные буржуа».

Позже, в последующих документах и выступлениях Тов. Ломинадзе, не отказываясь по существу от этой точки зрения, пытается лишнее завуалировать звонкими, ничего не говорящими фразами. И в «воем докладе, и в заключительном слове, как и в выше напечатанной статье, тов. Ломинадзе кружится вокруг этого вопроса не решаясь обнажить, внести ясность в этот вопрос, а лишь замаскировывает свою точку зрения. Вместе с тем, этот вопрос имеет очень большое значение. Вся его статья пересыпана утверждениями, что «буржуазия вынуждена была капитулировать», что «она является самым незрелым и запоздалым классом китайского общества», что «она не успела еще фиксироваться как самостоятельный класс китайского общества», что «ее капитуляция означала величайшее историческое банкротство национальной

буржуазии, обрекающее ее на социально-политическое вырождение и загнивание», что «победа буржуазно-помещичьей контрреволюции была в то же время историческим поражением для самой национальной буржуазии, поражением, отрезающим ей всякие пути дальнейшего развития», наконец, что «рольне, как самостоятельной политической силы, становится все меньше и в лагере реакции и во всей общественной жизни Китая», что «ни тени самостоятельности у китайской буржуазии не осталось».

Так за стеной всех этих определений тов. Ломинадзе пытается смягчить и подправить свою точку зрения по этому чрезвычайно важному вопросу, только в одном месте, да и то в примечании, как бы вскользь говорит, что по вопросу о буржуазии он «и в настоящей статье защищает ту же самую точку зрения, что и в речи на съезде». Это дает нам право подвергнуть разбору взгляд тов. Ломинадзе на китайскую буржуазию, как он выражен был им на XV съезде.

«Революция застала китайскую буржуазию на такой ступени развития, когда она не успела еще фиксироваться как самостоятельный класс китайского общества». Нас несколько удивляет это бездоказательное утверждение. Тов. Ломинадзе, очевидно, не склонен отрицать участие национальной китайской буржуазии в революции. А это участие становится для нас непонятным, если отрицать ее наличие, как класса. Ведь в революцию буржуазия не была втянута бессознательно, на поводу других общественных сил. Ведь в революции она принимала не простое участие, а играла руководящую роль, не только не уступая гегемонии пролетариату, но отсекая пролетариат все время, как опасного конкурента. Вспомните реакционный

переворот 20 марта 1926 года в Кантоне. Наконец, буржуазия, не потеряв свою классовую голову, непонятно почему пошла на блок с помещиками. Ведь у нас в России во время и после революции 1905 года буржуазия переметнулась под крылышко помещичьего самодержавия. Однако, Ленин не усматривал в этом политической смерти русской буржуазии. Ленин писал: «Либеральная буржуазия связана слишком тесными экономическими нитями с поместным землевладением, их интересы слишком переплетены взаимно так, что для первой безопасным и желательным представляется лишь реформирование последнего, отнюдь не уничтожение его. Лучше самое медленное, даже незаметно медленное реформирование чем уничтожение, — так рассуждает подавляющее большинство либеральных буржуа, — и при данном экономическом и политическом положении России этот класс рассуждать иначе не может». (Ленин, XI том, 2 ч., стр. 470).

В другом месте Ленин писал, что «либерал боится движения масс, тормозит его и сознательно зачищает известные при том главнейшие, учреждения средневековья ради того, чтобы иметь опору против массы, в особенности против рабочих». (Ленин, т. XII, ч. 1, стр. 121). Как видно из приведенных нами цитат, Ленин вовсе не усматривал, подобно тов. Ломинадзе, политическую смерть буржуазии из одного только факта перебежки ее в лагерь помещичьей контрреволюции. Наоборот, Ленин именно в этом видел проявление сознательной политики класса, который в интересах именно своего класса поступал подобным образом. И в Китае переход буржуазии на сторону контрреволюции лишь подтверждает ее классовую прозорливость. Будучи не в силах сама справиться с нарастающей революцией, буржуазия отдана защиту своих

интересов и своих привилегий объединенному блоку помещиков и милитаристов. Этим она облегчала задачу разгрома массового движения, представляющего для нее неизмеримо большую опасность, чем сохранение империалистической кабалы и средневековья в Китае.

Снимая с политических счетов китайскую буржуазию, тов. Ломинадзе совершает уже ту ошибку, что недооценивает всех трудностей предстоящей революционной борьбы в Китае. И если раньше такая теория приводила к скатыванию коммунистической партии в оппортунистическое болото, то теперь она может привести к маленьким наскокам с недостаточными силами, вместо мощного организованного натиска трудящихся на реакцию.

Упрощенство тов. Ломинадзе в этом вопросе не дает ему возможности поставить правильно и такой вопрос, как вопросе об использовании противоречий в лагере реакции. Не лишне вспомнить, что писал по поводу этой проблемы Ленин:

«Победить более могущественного противника можно только при величайшем напряжении сил и при обязательном, самом тщательном, самом заботливом, осторожном, умелом использовании как всякой, хотя бы малейшей, «трещины» между врагами, всякой противоположности интересов между буржуазией разных стран, между разными группами или вилами буржуазии внутри отдельных стран, — так и всякой, хотя бы малейшей возможности получить себе массового союзника, пусть также временного, шаткого, непрочного, ненадежного, условного. Кто этого не понял, тот не понял ни трана в марксизме и в научном, современном, социализме вообще.

Кто не доказал практически, на довольно значительном промежутке времени и в довольно разнообразных политических положениях, своего умения применять эту истину на деле, тот не научился еще помогать революционному классу в его борьбе за освобождение всего трудящегося человечества от эксплуатации. И сказанное относится одинаково к периоду до и после завоевания политической власти пролетариатом» (Ленин, т. XVII, стр. 159).

Ленинская тактика требует от нас использования всяких противоречий в лагере реакции и в рядах буржуазии, требует от нас не только не стирания классовых граней в действующих об единенных силах реакции, но, с другой стороны, требует величайшего, максимального напряжения наших сил для победы над более могущественным врагом. Этой задаче противоречит теория, отрицающая наличие буржуазии, отрицающая всякий ее политический вес, ее силы и ее известную, весьма относительную, самостоятельность. Тем более опасна эта теория для Китая, где мы сталкиваемся с серьезнейшим противником и где перед нами стоит задача познать к борьбе новые многомиллионные массы трудящихся, стоящих пока в стороне, взрыхлить новые пласты революционной энергии, перетянуть к на столбовую дорогу революции значительные кадры городской бедноты, люмпен-пролетариата, крестьянства, еще в подавляющем большинстве сохраняющих нейтральное положение, либо частично находящихся под влиянием буржуазии. На XV съезде нам приходилось уже выдвигать эту задачу, которая вызвала со стороны тов. Ломинадзе непростительное искажение и непонятную критику. Мы констатировали тогда, что еще широкие массы люмпен-пролетариата, городской мелкой буржуазии, городской бедноты и значительные прослойки

китайского крестьянства не втянуты в революцию, что они частью находятся под влиянием буржуазных элементов, и что наша задача — изолировать буржуазию от этих близких пролетариату социальных сил, что наша задача — завоевать на свою сторону, поднять под руководством пролетариата широчайшие массы трудящихся. Опыт революционного движения в Китае полностью подтверждает нашу мысль. Миллионы люмпен-пролетариев находятся на службе у буржуазии и помещиков, составляют наемную армию, с помощью которой реакция громит наши силы. Буржуазии удастся вести за собой еще очень значительные кадры городской мелкой буржуазии и городской бедноты. Больше того, даже в рядах пролетариат сказывается ее влияние. Лоянские рабочие на коленях выслушивают речь Фын Юй-сяна. Тысяча кантонских механиков с оружием в руках выступает против советского Кантона. Все это является далеко еще, к сожалению, не единичным подтверждением нашей мысли. Мы были свидетелями, как по указке китайской буржуазии началась и закончилась забастовка на английско-американской табачной компании. Да и все далеко еще не изжитые оппортунистические ошибки киткомпартии свидетельствуют о буржуазном влиянии даже на коммунистический авангард китайского пролетариата. Наконец, тот факт, что революционная коммунистическая армия во время своего похода из Нанчана в Сватоу, проделав тысячевёрстный путь, во всех деревнях находила лишь заброшенные дома и больных стариков и старух, тот факт, что реакционным элементам удалось представить китайскому крестьянству коммунистическую армию как некое чудовище, от которого крестьяне в у жабе разбегались, говорит нам, что перед нами еще непочатый край революционной работы: прояснения сознания трудящихся масс, отрыва социально

близких нам элементов от влияния реакции, мобилизации действительно широчайших масс для революционных битв.

От этой задачи колоссальной важности тов. Ломинадзе отмахивается с присущим ему опять-таки упрощенством. Тов. Ломинадзе приписывает мне тот взгляд, что будто бы я считаю, что еще продолжается борьба за гегемонию в революции между пролетариатом и буржуазией, и поучает меня, что буржуазия стала контрреволюционной, и что эта борьба за гегемонию характеризовала прежний этап китайской революции. Исказив мою мысль, он без особого труда доказывает мое искажение революционной действительности. На самом деле, у меня шла речь не о беззаветной борьбе с буржуазией за гегемонию пролетариата в революции, а о беззаветной борьбе за руководство пролетариатом широчайшими массами трудящихся, социально близкими нам элементами, в значительной мере стоящими в стороне пока еще от революционной борьбы, либо частично находящимися под влиянием буржуазно-помещичьего блока.

И тот самый факт, что тов. Ломинадзе эту задачу замаял, скомкали отделался лишь ироническими замечаниями, а не выдвинул со всей кричащей настойчивостью, является чрезвычайно показательным. Коммунистическому Интернационалу совершенно понятно, что буржуазия в Китае стала антинациональным фактором, что она не только не способна продолжать борьбу за национальную независимость Китая, но что она полностью и целиком предала национальные интересы мировому империализму. Но если это понятно нам, то это далеко не значит, что широчайшие массы трудящихся Китая полностью осознают изменническую роль китайской буржуазии и нив какой мере и ни в каких формах не поддаются влиянию

буржуазии. Смешно было бы полагать, что буржуазия, отказываясь на деле, откажется на словах от националистической пропаганды, от использования этого канала своего влияния на массы. Достаточно указать, что борьба против СССР проводится под лозунгом «Борьбы против советского империализма». Достаточно указать, что все контрреволюционные перевороты и наскоки на компартию проводятся под лозунгами борьбы против изменников национальной революции, под лозунгами сунятсеновского национализма и гоминдановской программы независимости Китая. Понятно, что между жизнью и этими лозунгами — пропасть. Но это понятно нам, но далеко еще не понятно всем тем элементам, без участия которых революция не победит.

Тов. Ломинадзе приводят в замешательство слова Чан Кай-ши или другого контрреволюционного прохвоста, брошенные ими для внешнего обращения, о том, что нанкинские заправилы не будут продолжать старыми методами борьбы против господства иностранного капитала. В этом тов. Ломинадзе склонен усмотреть отказ китайской национальной буржуазии от политики воздействия на массы с помощью националистической пропаганды. Было бы детски наивным так упрощенно представлять себе положение. Китайская буржуазия вывеской демократизма обманывала и будет обманывать массы в целях борьбы с подлинно революционным освободительным движением. Наша задача— сделать это ясным для всех близких нам социальных элементов, разоблачать хитрое политиканство буржуазии, срывать с нее маску мнимого национализма, этим самым привлекая в лагерь революции новые толщи трудящихся масс.

На этом мы кончим по вопросу о буржуазии. Подведем итоги анализу соотношения классовых сил, сложившегося к настоящему времени в Китае. Совершенно бесспорно, что последний год революции поднял на борьбу, организовал и революционизировал огромные массы рабочих и крестьян. Также бесспорно, что эти массы получили блестящий урок революционной тактики революционной борьбы. Но наряду с этими достижениями, наряду с огромнейшими завоеваниями трудящихся масс в результате истекших месяцев революции мы обязаны отметить и очень существенные прорехи, являющиеся в результате частичных поражений революции, обязаны отметить известный рост сил реакции, известную консолидацию контрреволюционного лагеря. Учитывая этот двусторонний процесс, мы не можем не прийти к выводу о необходимости активной работы коммунистического авангарда китайского пролетариата в деле умножения своих сил, подтягивания резервов, привлечения новых бойцов в ряды передовых шеренг, атакующих позиции китайской реакции,

3. О теории перманентной революции.

Мы переходим к одному из наиболее серьезных вопросов: к оценке современной ситуации в Китае. Экономический кризис буквально раздирает китайское сельское хозяйство. Жесточайшую депрессию переживает китайская промышленность. Финансовый паралич сказывается с каждым днем все сильнее. Транспорт и особенно железные дороги почти бездействуют. Гражданская борьба, как и милитаристические войны, еще больше обостряет кризис всей экономической жизни в Китае. Буржуазно-помещичий блок не вносит пока что никакого оздоровления, а еще большее расстройство в

экономику Китая. Пульс политической жизни продолжает напряженно биться. Классовая борьба рабочих и крестьян, несмотря на все поражения, не ослабевает, продолжая выливаться то в том, то в другом месте в открытые вооруженные столкновения. Борьба продолжается. Взрывы революционной борьбы продолжают все напряженней проявляться. Все это заставляет нас считать, что в ряде главных провинций Китая, в провинциях наибольшего размаха революционного движения, сохраняется непосредственно революционная ситуация. Поэтому вопрос о характере нарастающей революции в Китае имеет для нас далеко не академический характер, так как от решения этого вопроса зависит на мечение задач революции, основных лозунгов, основной линии во всей нашей тактике.

Ноябрьский пленум Центрального Комитета китайской коммунистической партии констатирует неизбежность перманентной революции в Китае. Этот термин любовно подхватывает тов. Ломинадзе в своих выступлениях на китайских совещаниях при ИККИ. Понятно, что термин перманентной революции, выдвинутый еще Марксом, не имеет ничего общего с троцкистской интерпретацией этой теории. Но, с другой стороны, именно учение Ленина о перерастании буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую является единственно правильным развитием, единственно верной конкретизацией теории Маркса для тех стран, которые стоят перед необходимостью уничтожения средневековых пережитков и феодальных институтов в эпоху общего краха капитализма. Поэтому нас несколько поразило, когда товарищ Ломинадзе вопрос о перерастании революции применительно к Китаю заменяет более общей постановкой — теорией перманентной революции. Ленинское учение о

перерастании буржуазно-демократической революции является более острым оружием в руках революционных тактиков. Оно дает ясное понимание характера и задач различных этапов революции, оно дает ключ к правильной классово-выдержанной политике. Выдвигая сейчас теорию перманентной революции, мы как бы делаем шаг назад в деле теоретического осмысливания китайской революции. Понятно, что наш выигрыш в данном случае не велик. А если принять во внимание, что наша предыдущая борьба с троцкизмом в основном велась против троцкистской перманентной теории и что с этим термином связана долгиелетняя наша внутрипартийная борьба, то казалось бы, что без особой нужды не стоит щеголять этой терминологией. Но мы очень скоро получаем разгадку в вопросе о том, зачем товарищам понадобилось заменить ленинское учение о перерастании более общей постановкой о перманентной революции. Эта более общая постановка вопроса о революции дает товарищам большую свободу в их теоретических построениях. А эта «свобода» приводит их к выводу о том, что буржуазно-демократический этап в Китае завершён, что революция в Китае уже переросла буржуазно-демократический этап и что мы уже стоим в Китае перед революцией социалистического характера.

Об этом, как и по другим вопросам, в несколько замаскированном виде, пишет тов. Ломинадзе и в своей статье. «Таким образом, по своему политическому содержанию китайская революция уже сегодня выходит за рамки буржуазно-демократического переворота и неизбежно делает первые шаги по пути социалистического переворота». Более точно и более обнажённо эта точка зрения была высказана на китайских совещаниях ИККИ. Там говорилось, что китайская революция уже переросла буржуазно-демократический этап, что она уже сейчас

приобрела социалистический характер «Теперь, — говорилось там, — мы имеем дело с рабоче-крестьянской революцией, которую, если ставить вопрос о ее форме, о содержании и о классовых движущих силах, ни в коем случае нельзя назвать буржуазно-демократической». И дальше: «Революция в Китае сейчас уже не носит буржуазно-демократического характера». В этом вопросе погрешности против ленинизма сказываются особенные выпукло, и нам не трудно будет показать как неверность этой точки зрения, так и противоречия, в которые с неизбежностью впадают авторы этих взглядов.

Устанавливая отличие буржуазно-демократической от социалистической революции, Ленин писал, что «именно большевики строго учли различие буржуазно-демократической революции от социалистической: доведя до конца первую, они открывали дверь для перехода ко второй. Это — единственно революционная и единственно марксистская политика».

Бесчисленное количество раз Ленин устанавливал отличие одной от другой. «В союзе пролетариата с крестьянством вообще и обнаруживается буржуазный характер революции, ибо крестьянство вообще есть мелкие производители, стоящие на почве товарного производства. Далее, добавляли тогда же большевики, пролетариат присоединяет к себе весь полупролетариат (всех эксплуатируемых и трудящихся), нейтрализуем: среднее крестьянство, ниспровергает буржуазию: в этом состоит социалистическая революция в отличие от буржуазно-демократической». (Ленин, т. XV, стр. 504).

Мы видим, что Ленин решающее значение, при установлении отличительных признаков этих двух

революций, придавал вопросу о крестьянстве. «Да, революция наша буржуазная, пока мы идем вместе с крестьянством, как целым». А как же на этот вопрос отвечает тов. Ломинадзе, устанавливающий уже социалистический характер китайской революции? В одном из ответственных документов он пишет, что «капиталистическая прослойка крестьянства не проявляет себя еще, как активно контрреволюционная сила», что «крестьянское движение пока направлено в первую очередь против помещика, джентри, милитаристов и ростовщика», и что, «крестьянство выступает в революции еще, как политическое целое». Это несоответствие взглядов на крестьянство и на характер революции достаточно бьет против попыток пересмотреть прежние решения Коминтерна о характере и о задачах китайской революции, базирующиеся на ленинском учении о перерастании.

Тов. Ломинадзе попадает и в другое противоречие, когда в своей статье пишет, что «единственной формой, в которой может совершиться перерастание демократической диктатуры пролетариата и крестьянства в социалистическую диктатуру пролетариата, является власть советов». Это совершенно верное утверждение, в корне противоречит утверждениям тов. Ломинадзе о том, что революция уже переросла в Китае в социалистическую. В Китае нет еще власти советов, этой единственной формы, в которой может совершиться перерастание демократического этапа в социалистический. Как же можно соглашаться с тов. Ломинадзе, что это перерастание уже произошло? Ленин писал, что «Советы между прочим, потому именно представляют из себя неизмеримо более высокую форму и тип демократизма, что, объединяет и втягивая в политику массу рабочих и крестьян, они дают самый близкий к «народу», самый чуткий барометр

развития и роста политической, классовой зрелости масс». (Ленин, т. XV, стр. 509). Вот почему только создание советов даст возможность практического осуществления перепастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. А между буржуазно-демократической и социалистической революцией нельзя поставить искусственную китайскую стену, учил нас Ленин, — «отделить их друг от друга чем-либо иным, кроме степени подготовки пролетариата и степени объединения его с деревенской беднотой, есть величайшее извращение марксизма, опошление его, замена берализмом». Именно потому, что советы в Китае втянут в политику массу рабочих и крестьян, мобилизуют все силы революции, они этим самым создадут предпосылки для успешного перерастания демократической и окончательного торжества социалистической революции.

Вся теория Ломинадзе построена на том, что нам нельзя ограничиться задачей только парализовать неустойчивость буржуазии и что мы вынуждены с первых же шагов подавлять ее сопротивление. Но вопрос заключается не в этом. Выдвигая перспективу некапиталистического развития Китая, Коминтерн не выдвигает перед китайской революцией на первый план с первых же шагов задачу ниспровергать капитализм в Китае. А если бы действительно буржуазно-демократический этап был в Китае уже завершён, то лозунги ниспровержения капитализма должны были бы быть выставлены. и вокруг них нужно было бы объединять колонны трудящихся масс, борющихся в рядах китайской революции.

Вот почему мы не видим никаких оснований для пересмотра прежних решений пленумов ИККИ, устанавливающих, что китайская революция носит на

первом этапе буржуазно-демократический характер и имеет тенденцию перерастания в революцию социалистическую. (Кетаги сказать кажем на недопустимое кружение т. Ломинадзе в этом вопросе на мёртвой же странице своей статьи Начав того, что «Коминтерн в основном верно определил общие задачи, характер и тенденции развитие китайской революции». что правильность основных оценок и решений Коминтерна подтверждена неемх оЛОМ китайской революции, тов. Ломинадзе несколькими строками ниже заявляет. что сновйй этап китайской революции ставит по новому, иначе, чем раньше, не только тактические задачи, но и такие общие проблемы, как напр, вопросе о характере и перспективах китайской революции».)

Именно поэтому мы считаем, что на ближайшем этапе основным содержанием революции, главнейшими ее лозунгами должно быть: уничтожение империалистической кабалы, конфискация земли и установление советской власти. Эти лозунги не означают отказа от борьбы на следующем этапе за ниспровержение капитализма. Конечно, нет. И только борьба, сегодняшняя и последующая, решит, насколько нам удастся продвинуться вперед к революции социалистической.

VI съезд китайской коммунистической партии.

(*Коммунистический Интернационал*, 1928 г., № 39—40, стр. 9—27.)

1. Некоторые предварительные замечания.

Нами сейчас получены некоторые документы о происхождении несколько месяцев тому назад в Китае VI съезда комм. партии. Эти документы еще не полны, всей картины с года они не рисуют, но позволяют уже сейчас известить некоторые итоги этого исторического съезда, позволяют уже сейчас подвергнуть обсуждению основные решения, вынесенные на этом съезде.

Съезд собрался в условиях, когда торжествовала реакция, когда главнейшие завоевания революции были ликвидированы, когда массовое движение оказалось подавленным, когда значительно укрепилась позиция туземных иопповых классов, когда ряды китайской коммунистической партии, в результате многочисленных ударов реакции, значительно поредели, когда в ряде мест коммунистические организации под верлились почти тайному разгрому.

Эти условия не могли не наложить свой отпечаток на работу съезда. Но все-таки, несмотря на эту обстановку поражения революции, в самом факте VI съезда, как и в ходе его работ, мы видим уже бесспорное

доказательств живучести китайского рабочего класса и его коммунистического авангарда. Под жестокими ударами реакции, в условиях неслыханного террора, в обстановке глухого подполья прошла работа VI с'езде, давшего ответы на все злободневные вопросы освободительной борьбы в Китае. Проблемы китайской революции подвергаясь живому и всестороннему обсуждению. В этом обсуждении приняло участие большое количество представителей и разных углов огромной страны. На этом с'езде критическая переверка- всего опыта истекшей полосы революции происходила при максимальном; соблюдении принципов внутрипартийной демократии; и в этом живом обсуждении всех вопросов, стоящих в порядке дня, особенно отрядно отметить активность рабочих делегатов, присутствовавших на с'езде. На предыдущих с'ездах коммунистической партии количество рабочих измерялось единицами. На этом же с'езде было свыше 60% рабочих, и эти рабочие не были только зрителями, простыми слушателями — нет, они принимали самое активное участие в обсуждении проработки и вынесении тех или иных решений. Для китайской компартия сейчас характерен рост рабочего ядра, сам активность, рост рабочих руководящих кадров, повышение удельного веса, рабочих элементов в руководстве партии. Все это нашло свое выражение в ходе работ VI с'езда.

На с'езде подвергся детальному обсуждению целый ряд вопросов. Был заслушан доклад представителя Исполкома Коминтерна о между народном положении и о задачах китайской компартии, Заслушаны были отчеты Центрального Комитета партии и комсомола, доклад делегации о решениях IX пленума ИККИ по китайскому вопросу. По этим первым четырем докладам были открыты общие, довольно продолжительные прения, в результате

которых была выработана и принята общая политическая резолюция. Затем, внимание съезда было привлечено к обсуждению вопросов профессионального движения, к разрешению аграрного вопроса и вопроса о крестьянском движении. Организационная работа и военная работа партии подверглись специальному разбору. Помимо того была развернута работа ряда комиссий по вопросам партийного строительства, в результате деятельности которых съездом были приняты резолюции по женскому движению, агитационно-пропагандистской работе и по работе партии в советских районах.

Тщательной переработке и переделке подвергся также и устав партии. Вызвало это неясностью многих формулировок в старом уставе, неточностью и известным несоответствием их практике организационного строения партии. В этом отношении прежний устав, начиная с первого своего пункта, отдалечиваясь от своей непригодности. Так, принятом VI съездом уставе партии первый параграф гласит, что: «Членом партии считается всякий, признающий программу и устав партии и желающий честно служить для партии, независимо от его пола и национальности». Отсутствие в этом параграфе требований от членов партии работать одной из партийных организаций чрезвычайно роднило эту формулировку с предложенной Мартовым на II съезде РСДРП. Понятно, что в прежнем виде партия не могла сохранить свой устав и должна была переработать его в духе примерного устава Коминтерна.

VI съезд принял также решение по поводу программы партии. Фактически до сих пор партия жила без программы. Единственный проект программы был принят еще на III съезде, и то лишь за основу, и подлежал допозданию

обсуждению. Да и этот проект хромал на обе ноги. Как в теоретической, так и в практической части этот проект программы обнаруживал явные недостатки. Два-три примера подтверждают нашу мысль. Так этот проект, указывая, что предстоящая национальная революция в Китае «не может не носить буржуазный характер», не подчеркивает ее демократический характер и неправильно решает вопрос бошовых задач пролетариата в этой революции. «В настоящее время, — читаем мы в этом проекте, — важные промышленные предприятия находятся, в большинстве случаев, в руках иностранных капиталистов, милитаристов и бюрократов, и поэтому непосредственными воротами крестьянства являются иностранные державы, туземные милитаристы и бюрократы, так что китайский пролетариат должен, прежде всего, принять энергичное участие и оказать поддержку национальной революции, пробуждать крестьянство, объединяться с ним для воздействия на буржуазию и доведения революции до конца, т.-е. до установления истинной народной демократии».

Прежний проект совершенно обходит вопрос о гегемонии пролетариата в нарастающей революции, ограничиваясь лишь следующим указанием насчет роли рабочего класса: «Китайский пролетариат должен примкнуть к национальной революции для того, чтобы научиться объединять свои силы и завоевать себе положение в политической борьбе». Понятно, что такая установка приводила к урезанным, далеко не радикальным требованиям в практической части программы. Совершенно отсутствует задача полного уничтожения господства иностранного капитала, так же как и задача коренного решения аграрного вопроса, ликвидация помещичьего землевладения и прочих феодальных

институтов. Вместо этого мы читаем лишь требования об «ограничении развития иностранных предприятий и банков», требования о «проведении в жизнь законов по ограничению арендной платы и признания за арендаторами права объединения в союзы». Ясно, что партия с такой программой существовать не могла, что она под подобными требованиями не сумела бы мобилизовать широчайшие массы трудящихся в борьбе против империализма и внутренней реакции. Отмеченные нам недостатки статки прежнего проекта программы об'являют необходимость постановки этого вопроса, на VI съезде. Но VI съезд был не подготовлен к принятию программы партии. Поэтому было вынесено решение, поручающее вновь избранному Центральному Комитету подготовить проект программы коммунистической партии Китая с тем чтобы его после предварительного обсуждения местными организациями, можно было поставить на рассмотрение и утверждение, на VII съезде. Принятие недавно закончившимся VI конгрессом программы Коминтерна значительно облегчает задачу разработки программы для китайской партии. Вряд ли можно надеяться, что теперешнему Центральному Комитету КПК удастся выполнить поручение, данное ему VI съезде.

Касаясь специальных решений, вынесенных на VI съезде, вам хотелось бы указать на постановление съезда, связанное с Кантонским восстанием. VI съезд постановил день 11 декабря праздновать, как годовщину героического Кантонского восстания. «Кантонское восстание является делом, в который китайский пролетариат и его союзники — бедняцкое крестьянство и солдаты — попытались своей собственной кровью, силами, руками и храбростью свергнуть все злые силы и учредить новую собственную власть — советскую власть... Это величайший акт в революционной истории пролетариата всего мира.

Вследствие этого, не только коммунистическая партия Китая, но и коммунистическая партии других стран должны щюодновать эту годовщину и изучать уроки Кантонского восстания.

2. Этапы революции.

После этих предварительных замечаний шерейде» к иквивнейшим вопросам, служививигим предметом обсуждений ига VI с'езде (коммунистической партии Китая. Нам уже приходилось указывать, что с'езде ообраагоя в условиях, роза» отличных от тех, которыми характеризовались предыдущие годы осщубодителюной борьбы в Китае. Понятпо, что комму-нистгческая партия Китая должна была перестраивать свою работу, приспособабливаясь к новым условиям. И первая же задача, которая стояла перед китайскими коммунистами я, следовательно, перед VI с'езде, заключалась в том, чтобы переварить весь богатейший опыт истекшей классовой борьбы, учесть и осознать все уроки первого тура китайской революции, насыщенного событиями огромной важности. Этот трезвый анализ должен был помочь партии подготовить свои силы к новым решительным схваткам. Обратимся же к этому опыту и посмотрим, какие главнейшие уроки извлекла китайская партия из классовых битв пройденной полосы о свободител ьного движотия.

Процесс китайской революции можно рассматривать как процесс борьбы пролетариата за гегемонию. Но в этом процессе были разные периоды, отличающиеся один от другого в евши с тем, что равные слои и классы китайского общества принимали различное участие в ходе революции. С'езд наметил тлавнейшие вехи, шашяейшие поворотные пункты революции. В меру развития китайской революции

происходили перегруппировки классовые сил, накладывают свой отпечаток и определяющие характер отдельных ее этапов. Следуя установившемуся в китайской литературе делению, VI съезд отметил 3 главных периода китайской революции: Кантонский, Уханский и советский. С точки зрения классового содержания каждый из этих периодов определялся наличием в лагере революции тех или иных классов китайского общества.

В самом деле, Кантонский период, открывшийся мощным революционным подъемом, характеризовался созданием в борьбе против империализма широкого, единого, общенационального революционного фронта, включавшего, наряду с пролетариатом и крестьянством, также и национальную китайскую буржуазию. В этот период революция достигла значительных успехов. Победоносно развивалась Северная экспедиция, подрывались и ослаблялись позиции империализма, бурно развивалось массовое движение рабочих и крестьян. И в то же время, в рамках единого фронта, происходила глухая, все обостряющаяся борьба между пролетариатом и буржуазией за гегемонию в национально-освободительном движении. В меру развития крестьянского движения, с меру роста организованности и сознательности китайского пролетариата, в меру обострения антиимпериалистической борьбы усиливались трения и углублялись противоречия между составными элементами широкого революционного фронта. Как известно, дифференциация классовых сил, сопровождавшая развитие южнокитайской революции, отбрасывала китайскую буржуазию в контрреволюционный лагерь империализма.

Взрывной изменой и перебежкой буржуазии, единый национальный фронт уступил место более

революционному, по своему характеру, блоку рабочих, крестьян и городской мелкой и средней буржуазии. Революция от своего первого, Кантонского, периода перешла ко второму — Уханскому, лево-гоминдановскому. Но вновь образовавшийся в Ухане революционный центр просуществовал недолго. Находясь под прямым давлением соединенных сил империализма, туземной буржуазии и китайского милитаризма, Уханский центр, возглавляемый далеко не пролетарскими элементами, обнаруживал все больше колебаний в сторону реакции. С первого момента своего возникновения он оказывал сопротивление развитию аграрной революции, а со времени реакционного переворота Сю Ке-чена в Чанша Уханский центр взял под свою защиту реакционных переворотчиков и вступил в открытую борьбу против рабоче-крестьянских масс.

Как известно, Нанчанское восстание потерпело поражение. В основном его поражение определялось перевесом сил на стороне реакции. Но не малую роль сыграла также ошибочная тактика руководителей движения. Отсутствовала ясная политическая программа Нанчанского восстания, Основным смыслом этого похода должен был служить поддержка крестьян в деле плебейского осуществления радикальной аграрной революции. Однако руководителями движения были выброшены значительно урезанные аграрные лозунги, и даже эти урезанные лозунги в районах действия нанчанской армии проводились весьма нерешительно. Не была установлена прочная связь восставших воинских частей с крестьянским движением. Это находило свое выражение в весьма слабых попытках поднять и вооружить крестьянские массы. Но пути следования нанчанской армии не разрушался в корне старый аппарат политической власти и взамен его не создавались органы власти трудящихся.

Одновременно ряд уже чисто военно-стратегических ошибок дополнял эту цепь суб'ективных причин поражения Нанчанского восстания.

И в результате Нанчанское восстание — эта попытка еще под лево-гоминдановский знаменем продолжить революцию — окончилось неудачей. Этим восстанием завершился второй, лево-гоминдановский период китайской революции. Третий период начался Кантонским восстанием, проходившим под лозунгом советов. Впервые в огромнейшей полуколониальной стране знамя советов стало лозунгом практического действия. В этом всемирно-историческое значение героической попытки кантонских пролетариев утвердить знамя советов. Но Кантонское восстание не открывало новой полосы под'ома китайской революции. Наоборот, оно происходило в условиях общего поражения, отступления революционных сил, в условиях снижения революционной волны. Кантонское восстание было, как правильно отмечено в решениях с'езда, арьергардным боем отступающей революции. Вслед за Кантонским поражением революция была загнана в глухое подполье. Поражение самоотверженных кантонских пролетариев еще больше окрылило реакцию, консолидировало те силы, укрепила ее позиции. Этот — непродолжительный третий период завершился первый тур китайской революции.

3. Об'ективные причины поражения.

На данной исторической полосе великая историческая схватка Миллионных масс со своими поработителями кончилась не в пользу трудящихся. Невольно напрашивается вопрос, — почему же, несмотря на первоначальные успехи несмотря на бурный,

безостановочный начальный свой рост, китайская революция все же потерпела поражение? Изучая уроки китайской революции, VI съезд не мог обойти молчанием этот вопрос. Он указал на ряд трудностей объективного порядка, преодолеть которые ни тайская революция казалась не в состоянии на пройденном этапе.

Отмечая пять главнейших причин объективного порядка поражения китайской революции, VI съезд, в первую очередь, подчеркнул могущество основного врага китайской революции — международного империализма. Силы этого врага в Китае мы скорее способны недооценить, чем переоценить. Империализм обладает могучими рычагами своего экономического и политического влияния в Китае. Иностранные банки, промышленные и торговые предприятия держат в своих руках всю финансовую, хозяйственную жизнь этой огромной страны. Господство иностранного капитала распространяется на всю экономику Китая. Годами империализм создавал и укреплял свои позиции внутри этой страны. Командующие классы китайского общества он превратил в проводников своей политики, вспомогательную силу своего господства. Армия, морской и воздушный флот держатся империалистами всегда наготове для защиты своих привилегий. И международный империализм не замедлил использовать всю свою экономическую и политическую мощь для подавления китайской революции. Именно империализм был вдохновителем и организатором всех реакционных сил. Путем заигрывания и незначительных уступок национальной буржуазии, он раскалывал единый революционный фронт. Ни на минуту он не прекращал своей политики подкупа китайских милитаристов. Организовывая экономическую блокаду, оказывая прямое давление на борющиеся классы с помощью своих

вооруженных сил, бросая на чашу весов свою экономическую и политическую мощь, —империализм создавал одно из серьезнейших затруднений для победоносного развития китайской революции. Неблагоприятный исход первого тура китайской революции в значительной мере явился результатом перевеса сил на стороне международного империализма.

К этому добавлялось следующее немаловажное обстоятельство. Хотя международный империализм не представлял собой однородного тела, хотя не прекращали действовать противоречия интересов отдельных империалистических стран, но перед лицом китайской революции империализм в основном выступил единым фронтом. Его силы не были расколоты, не были ослаблены взаимной грызней. Эти неблагоприятные моменты в международных условиях, в которых приходилось развиваться китайской революции, не могли не повлиять на исход героической борьбы китайских трудящихся масс.

Мы подчеркиваем этот момент, чтобы лишний раз подтвердить, какую огромную роль во всякой революции играет международный фактор. Вспомним опыт нашей революции 1905 года. Ленин неоднократно указывал, что одной из причин поражения революции 1905 года является поддержка, оказанная иностранным капиталом русскому царизму. «Черносотенное правительство царя не могло удержаться после декабря 1905 г. не может держаться и теперь без помощи всемирного капитала международной буржуазии в виде займов. И буржуазия всего мира дает миллиардные займы явно ему банкроту, царю, не только потому, что ее прельщают, как всякого ростовщика, высоким барышом, но и потому, что буржуазия сознает свою заинтересованность в победе старого порядка над

революцией в России, ибо во главе этой революции идет пролетариат» (Ленин, XI т., ч. 1, стр. 12.). И в другой статье, подводя беглые итоги нашей революции 1905 г. Ленин писал, что: «Когда в начале XX века японская война и революция 1905 года нанесли сильнейшие удары царизму, международная буржуазия бросилась на помощь ему, поддержала, его миллиардными займами, приложила все усилия для локализации революционного пожара, для восстановления «порядка» в России... буржуазия Европы помогла царизму в его борьбе с революцией».(Ленин, XI т., ч. 1, стр. 268—269.)

Обратимся теперь к опыту нашей победоносной Октябрьской революции. Нетрудно убедиться, что китайская революция лишена была целого ряда преимуществ, которыми отличалась наша революция 1917 г. Ленин подчеркивал, что пролетарская революция в России имела «возможность использовать на известное время смертельную борьбу двух всемирных могущественных групп империалистических хищников, как вые группы не могли соединиться против советского врага». (Ленин, XVII т., стр. 153.) В «Детской болезни левизны», откуда взята приводимая наш цитата, Ленин бросает прозорливую мысль, нашедшую свое подтверждение в последних китайских событиях, что благоприятные международные условия, характерные для нашей Октябрьской революции, вряд ли повторимы.

Китайская революция развертывалась не только не в условиях мировой войны, когда взаимная борьба ослабляла силы империализма, но она происходила даже не в условиях послевоенного кризиса, когда международный капитал с трудом залечивал свои раны. Китайская революция разыгралась в условиях, когда положение мирового

капитализма, было значительно прочнее и устойчивее и когда он всей своей мощью смог ополчиться против китайской революции.

Но могуществом соединенных сил международного империализма не исчерпывались объективные, трудности, стоявшие на пути победоносного завершения китайской революции. Необходимо отметить целый ряд факторов внутреннего порядка, в свою очередь сыгравших немаловажную роль. Вслед за с'ездом, укажем хотя бы на такое обстоятельство как на наличие на первых стадиях освободительного движения в едином революционном фронте национальной буржуазии. Участие китайской буржуазии в революционной борьбе против империализма не может не быть признано положительным фактом. В борьбе против могущественного, вооруженного до зубов мирового империализма китайский пролетариат должен был использовать до конца, пускай даже весьма, относительную и крошечную, революционность национальной буржуазии. Вместе с тем самый факт участия буржуазии в революционной борьбе не мог не таить в себе неизбежного ее откола от революции, неизбежной ее перебежки в лагерь реакции. А это объективно должно было привести к временному расстройству революционных сил, к временному ослаблению революционной позиции. В момент наиболее обострения революционной борьбы, революционного шквала, перебежка буржуазии консолидировала реакцию, давая дополнительное подкрепление соединенным силам международного империализма.

Конечно, дифференциация классовых сил в последнем счете привела к созданию более революционного блока пролетариата и крестьянства. Временные попутчики

революции не будут теперь тормозить и ослаблять революционный натиск. В этом бесспорный выигрыш революции. Генеральная размежевка классов — уже произошла. Но в свое время наличие буржуазии в революционном лагере при ее тормозящей, а потом и изменнической роли, не могло не создать осложнений об'ективного порядка в деле успешного развития китайской революции.

К числу подобного рода трудностей должна быть отнесена также революционная неустойчивость и другой группы попутчиков — городской, средней и мелкой буржуазии. Колебания этой группы имели не менее важное значение. Одной из особенностей Китая является связь городской, средней и значительных слоев мелкой буржуазии, с землевла дением при одновременной связи этих элементов в порядке посредничества и экономической агентуры с империалистами иностранного капитала. И понятно, что подъем крестьянского движения, углубление аграрной революции — так же, как и обострение антиимпериалистического движения — отшатывал эти слои от революции в лагерь феодально- буржуазной реакции. К этому добавлялось усиление рабочего движения и повышение требований китайского пролетариата. В своем докладе представитель Центрального Комитета КПК приводил ряд примеров, когда рабочие, в меру развития классовой борьбы, повышали требования, предъявляя к предпринимателям мелких мастерских и магазинов. Были случаи, когда ремесленники требовали увеличения заработной платы в 16 раз. Многие удивлялись этим, казалось, повышенным требованиям. Но зарплата была, столь низка, что если бы даже удалось увеличить ее в 16 раз, то рабочие все же получали бы лишь несколько долларов в месяц. Рабочие должны были вести борьбу за

повышение материального уровня своего положения. Но в то же время купцы и мелкие предприниматели благодаря этой настойчивости ремесленников, закрывали лавки, магазины, мастерские. В критические революционные дни, в наиболее острые моменты, эти процессы, происходившие в среде городской мелкой и средней буржуазии, неми нуемо сказывались неблагоприятно на ходе освободительной борьбы

Так складывалась об'ективная обстановка в связи с особой ролью, которую играла китайская национальная и мелкая буржуазия в период наиболее острых революционных потрясений. Обратимся теперь к военному фактору, играющему исключительную роль во всей политической жизни Китая. Специфической чертой китайского милитаризма является особый наемный характер армии. Командный состав этой армии — выходцы из помещичьего класса. Солдатский состав рекрутировался из люмпен-пролетарских масс, порвавших связь с производственным процессом и слабо связанных с пролетариатом и крестьянством. Эта армия служила послушным орудием в руках китайской реакции, и наличие ее позволило контрреволюции одерживать не одну победу над революционными силами. В ряде мест обладание армией давало реакции значительный во многом решающий, перевес вооруженных сил. Это четвертая причина поражения, отмеченная в решениях VI съезда.

Наконец, пятый момент заключался в неравномерности развития китайской революции. Известно, что и в нашей революции 1905 года неравномерность была одной из основных причин ее поражения. В 1905 году русский рабочий класс был разбит раньше, чем успели выступить мощные крестьянские подкрепления. Разгромив пере

довые, отряды рабочего класса, царим повернул свою силу против крестьян, и уже без особого труда подавил крестьянские, несколько запоздавшие волнения. В Китае неравномерность развития революционного движения сказывалась и территориально и политически с точки зрения участия разных классов в освободительной борьбе. В практике революционного движения в Китае за последние годы мы находим многочисленные примеры, свидетельствующие об этой неравномерности. В тот момент, когда в Шанхае пролетариат выявил высшую ступень своей политической зрелости и провел победоносное вооруженное восстание, в это же время рабочий класс других центров значительно уступал, в своей классовой сознательности и организованности, а крестьянство только пробуждалось к политической борьбе. С другой стороны, когда широкой волной разливался революционный подъем в южных провинциях и когда в этих местах крестьяне изгоняли помещиков и джентри, конфисковывали земли, создавали свою власть, в Центральном и особенно, в Северном Китае крестьянство не всюду еще решалось выдвигать даже такие умеренные лозунги, как снижение арендной платы и уменьшение налогового бремени. Эта неравномерность революционного движения ослабляла силы революции и облегчала реакцию подавления массового движения.

Этим исчерпываются главнейшие пять объективных причин поражения китайской революции. Их можно было бы дополнить причинами второстепенного характера. В таком случае можно было бы указать на особую роль географического фактора, когда последний, в известных случаях, помогал, а, в большинстве случаев, ослаблял позиции революции. Раздробленность Китая, отсутствие путей сообщения, отсутствие централизованной власти

способствовало известной распыленности революционного движения, и эти же моменты облегчали реакции возможность разгрома крестьян и борющихся рабочих отдельными отрядами. Можно было бы также указать на иедистаточпую численность недостаточную организованность и на известную молодость рабочего класса в Китае. Но все эти моменты, и смысле своего значения и настоятельности, значительно, уступают тем первым пяти причинам, которые были нами выше развиты.

4. Оппортунистическое руководство КПК.

Несмотря на то, что эти причины играли исключительно важную, роль, VI с'езд в своих решениях подчеркивает, что «все трудности об'ективного порядка не предопре деляли с неизбежностью поражения китайской революции. VI с'езд китайской Компартии признает, что решающей причиной поражения явилась оппортунистическая позиция, занятая тогдашним руководством коммунистического авангарда китайского пролетариата». Представитель Коминтерна в своем докладе попытался выявить главнейшие и крупнейшие проявления оппортунизма. Он свел это к трем направлениям, к трем основным недостаткам, свидетельствовавшим об оппортунистическом отклонении от правильной большевистской линии. С этой характеристикой соглашались все товарищи, выступавшие в прениях. Как на первое проявление оппортунизма, представителем Коминтерна было указано на недостаточную самостоятельность коммунистической партии. В чем должна была выражаться эта самостоятельность? В ясности политической позиции, в особом политическом лице партии, в особых требованиях, лозунгах и методах борьбы, которые выделяли бы и отличали бы коммунистическую партию от других

политических организаций. Самостоятельность коммунистической партии предполагала занятие ею критической позиции по отношению к своим попутчикам, временным союзникам. Компартия должна была вести беспощадную критику колебаний союзников. Она должна была, то всей решительностью разоблачать своего соперника, если он остался вливался на полдороге. Она должна была вести решительную борьбу против союзника, если он делал шаги или отходил в сторону от общих целей. Все эти задачи были далеки от практики коммунистической партии Китая. Пренебрежение этими задачами сказывалось во всей деятельности руководства коммунистической партии Китая. Этот первый крупнейший недостаток уже сам по себе обрекал революцию на известное поражение. Во-вторых, оппортунизм сказывался в непонимании переходов от-одного этапа к другому и понимании необходимости соответствующих изменений в политической линии и в тактических лозунгах. Руководство партии должно было предусмотреть неизбежную перегруппировку классовых сил, должно было активно готовиться к переломному моменту, предвидя, что сегодняшний союзник завтра станет нашим врагом. Противник не только не должен был застать нас врасплох, но мы должны были так подготовиться и расставить свои силы, чтобы оказать решительный отпор реакционным поползновениям, предпринимая, по возможности, исход борьбы в нашу пользу. Руководство китайской компартии, не выполнявшее этих элементарных и необходимых задач, обрекало на поражение героическую борьбу рабочих и крестьян.

Третье проявление оппортунизма связано с тем, что тогдашние руководители китайской компартии не способствовали развитию массового движения, а во многих

случаях тормозили его. Представителем Коминтерна в этой связи был поставлен вопрос: «Если нужно было выбирать между тем, чтобы дать появиться известной трещине в так называемом, общенациональном блоке, или трещине между нашей партией и мас совым рабоче-крестьянским движением, то что для нас опаснее, что для нас лучше?». Понятно, что Самая крепкая «пора китайской компартии, — это массы; попятно, что самая важная задача, это — собирание масс, вовлечение их в движение, развитие, а не торможение широкого массового движепия. И попятно, что больше всего нужно было опасаться появления трещин между компартией и массами.

В этой связи нам хотелось бы напомнить две очень важные цитаты из Ленина, которые до сих пор не приводились в нашей литературе, в которых, с чисто ленинской гениальной прозорливостью, устанавливается тактическая линия, которую должен про водить рабочий класс еще на буржуазно-демократическом этапе революции. Говоря о тактике русского пролетариата в революции 1905 года, Ленин писал, что рабочий класс «ни на минуту не должен забывать особых задач рабочего класса и против Милюкова, и против Сун Ят-сена». И дальше Ленин указывал на задачу преодолеть «тяготейте к тому, чтобы рабочие при построении новой России плелись за Милюковыми, а не вели за собой наших маленьких Сун Ят-сенов вопреки Милюковым» (Ленин, т. XII, ч. 1, стр. 289.). Другая цитата заимствуется памп из работы Ленина «Пролетарская революция и рене гат Каутский». Вот что Ленин писал в этой брошюре по интересующему нас вопросу: «Буржуазия стрэзшвдя «оворшть горкш ш юе Государства- по-буржуадному, рефор мистски, а не революционно, сохраняя, но возможности, и монархию, и помещичье землевладение и т. и. Пролетариат дожен взети

буржуазно-демократическую революцию до ее конца, не давая себя «связать» реформизмом буржуазии». (Ленин, т. XV, стр. 503.)

Нетрудно убедиться даже при омерзительнейшем апатизме, что выдвинутые Лениным положения предусматривают тактическую линию, которую руководство китайской компартии должно было отстаивать с первых же шагов китайской революции. Рабочий класс не должен был связывать себя реформизмом буржуазии. Рабочий класс не должен был притуплять классовую борьбу в угоду неправильно понимаемому единому национальному фронту. Рабочий класс не должен был плестись в хвосте за Чан Кай-ши, Ван Цзин-веем и другими китайскими Милюковыми, а должен был вести за собой маленьких Оуи Ят-сешж, мелкую буржуазию шкотов и деревень, вопреки этим Милюковым. Рабочий класс, возглавляя мелкую буржуазию и участвуя в едином общенациональном революционном фронте, ни на одну минуту не должен был забывать своих особых самостоятельных задач.

Эти указания Ленина не нашли своего применения в деятельности руководства китайской компартии. Совершенно правильно, с большевистской прямотой подчеркивается VI съездом, что: «Тогдашнее руководство компартии заменяло развитие аграрной революции и массового движения верхушечным комбинаторством замазывало и заглушало классовые противоречия, не завоевывало армии, не брало линии на вооружение рабочих и крестьян, не использовывало участия в органах власти в интересах масс, отказывалось тем самым на деле от гегемонии пролетариата». Принимая решение, направленное к ограничению массового движения, принимая решение о разоружении рабочих и крестьян,

тогдашнее руководство вместо борьбы капитулировало перед реакцией. Вот почему для нас становится понятным мнение VI съезда о том, что основной причиной поражения китайской революции является оппортунистическое, в критические дни граничащее с прямым предательством, руководство китайской коммунистической партии.

5. Августовская конференция и ноябрьский пленум.

Огромную роль в деле выпрямления большевистской линии, в деле преодоления прежней оппортунистической тактики сыграла августовская конференция КПК. Правда, а этой конференции еще в некоторой мере проявился лево-гоминдановский душок, некоторые лево-гоминдановские иллюзии. На этой конференции аграрный вопрос получил недостаточно радикальную постановку. Но это не умаляет значения этой исторической конференции, к основным решениям которой VI съезд киткомпартии целиком присоединился. Эта конференция знаменательна тем, что она сменила прежнее оппортунистическое руководство, что она внесла коренное изменение и исправление прежней оппортунистической линии, что эта конференция со всей четкостью признала и подчеркнула все допущенные раньше ошибки. На августовской конференции аграрная революция была выдвинута, как центральный лозунг, как основной стержень борьбы трудящихся масс. Августовская конференция взяла решительный курс на свержение реакционной власти, на подготовку и проведение вооруженных восстаний. Огромнейшей заслугой августовской конференции является принятие всех отмеченных нами решений: Прежняя оппортунистическая линия угрожала партии банкротством, крахом, политической смертью. Августовская конференция вывела

партию из оппортунистического болота. В деле большевизации партийных рядов августовская конференция будет занимать одно из наиболее видных мест.

Ноябрьский пленум ЦК, как правильно указано в решениях VI с'езда, продолжил дело большевизации партии. Он выдвинул, лозунг советов, как форму демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, Он углубил постановку аграрного вопроса. Наконец, он взял решительный курс на выдвижение на руководящую работу рабочих и крестьян. Но в то же время в работах ноябрьского пленума отмечаются и некоторые недостатки. Несмотря на то, что он выдвинул радикальные аграрные лозунги, в теоретической части аграрной программы он затруднил правильное разрешение аграрного вопроса, характеризуя господствующие формы отношений в Китае по типу азиатского способа производства, этим самым как бы снимая с порядка дня довлеющий над всей экономикой феодализм. Кроме того, ноябрьский пленум неправильно употребил термин перманентной революции. На этом пленуме существовало представление о том, что китайская революция развивается непрерывно вверх по восходящей линии. И этом сказывалась переоценка наших сил и недооценка сил наших противников. Такая установка способствовала оживлению и развитию путчистских тенденций, которые в то время начали обнаруживаться в ряде мест. Хотя ноябрьский пленум и указал на необходимость координированных и подготовленных вооруженных выступлений, но он не осудил со всей силой и решительностью путчистских тенденций.

После ноябрьского пленума работа Центрального Комитета киткомпартии до VI с'езда характеризовалась тем,

что ЦК не повернул со всей решительностью весь курс политики партии в сторону завоевания масс, развития антиимпериалистической борьбы. Центральный Комитет не развил достаточной деятельности для преодоления путчистских настроений, не развил достаточной борьбы против методов принуждения, которые проявлялись по отношению к рабочему классу в ряде местных организаций. Кантонское восстание было арьергардным боем в условиях общего отступления революции. Это не было в достаточной степени и своевременно оценено руководством кнткомпартии. Когда вслед за Кантонским поражением выяснилось, что реакция укрепила свои позиции и что революция загнана в подполье, нужно было от тактики непосредственных вооруженных выступлений круто повернуть к кропотливой повседневной работе по завоеванию широчайших масс. Нужно было перейти к некоторой обороне, к организованному отступлению. Нужно было, как любил в подобных случаях говорить Ленин, отступить для того, чтобы затем разбежаться и сделать еще больший прыжок вперед. В этом отношении VI съезд подчеркнул, что хотя руководители кнткомпартии выступали против неподготовленных восстаний, выдвигали перед собой задачу развития и расширения антиимпериалистического движения, намечали перед собой борьбу с путчистскими тенденциями, но все меры, предпринятые в этом направлении, оказались явно недостаточными. Руководящие товарищи, как отмечается в резолюции VI съезда, не оценивали правильно степени поражения китайской революции, не оценивали правильно обстановку, сложившейся после кантонского восстания; они переоценивали некоторые успехи крестьянского движения и в известной мере сражались теми настроениями, которые шли из очагов крестьянской

партизанской борьбы и которые не могли характеризовать общего положения освободительной борьбы в Китае.

6. Оценка современной полосы.

Перейдем теперь к оценке современного положения. Смысл этого вопроса сводился к тому, чтобы решить, продолжается ли и сейчас революционный под'ем в Китае, продолжается ли и сейчас подниматься вверх волна революционного движения, или же мы вступили в несколько иной, но своему характеру, период. Известно, как на этот вопрос отвечал IX пленум Исполкома Коминтерна. В решениях этого пленума указывалось, что прежний иод'ем революции закончился, новый еще не начался, что китайская революция переживает перевальный, промежуточный период между прежним и новым под'емом.

Сначала не все делегаты VI с'езда соглашались с этой оценкой. Один из присутствовавших на с'езде комсомольцев, затрагивая в своей речи этот вопрос, говорил: «Мы можем определенно сказать, что сейчас уже происходит процесс под'ема революционной волны, она непрерывно идет вверх, но она не достигла еще полного под'ема. Но мы, конечно, не должны ждать полного под'ема, а должны бороться и сейчас».

Среди присутствовавших на с'езде находились товарищи, отвечавшие, примерно, в том же духе на этот вопрос. Делегат из Хубея пытался найти ответ в размежевке понятий под'ем и волна. Он говорил: «Какая разница между под'емом и волной? По моему мнению, волна может быть и без ветра, а иод'ем не может быть без ветра». И дальше, этот хубейский рабочий, отмечая отсутствие революционного ветра в Китае, приходил к выводу, что мы Сейчас

переживаем не под'ем, а стоим лишь перед фактом революционной волны.

Вначале работы с'езда некоторые товарищи, представлявшие, правда, собой исключение, проявили большую путаницу в оценке современной полосы и повели по неправильному руслу свои рассуждения по этому вопросу. Вместо анализа обстановки, вместо изучения фактического положения дел в Китае, они стали анализировать понятие, — что такое под'ем, что такое вал, что такое волна, какая разница между волной, нисходящей и восходящей, что такое зыбь и т. д., пытаясь в этих словесных отличиях найти правильное определение переживаемой полосы революционного движения в Китае. Эти товарищи пытались подменить анализ современного положения в Китае словесной, ничего не говорящей шелухой.

Но большинство делегатов, а иод конец прений, решительно все, заняли правильную позицию в этом сугубо важном вопросе. С'езд принял решение, что «первая волна рабоче-крестьянских движений, шедших, в значительной мере, под руководством кнткомпартии, закончилась тягчайшими поражениями рабочих и крестьян, ослаблением их революционных организаций (профессиональных и крестьянских союзов, партии), физическим истреблением значительной части кадрового состава рабочего и крестьянского авангарда. Настоящее положение в основном характеризуется отсутствием революционного под'ема сколько-нибудь широких масс китайского народа». И с'езд не мог дать другой оценки. Правда, в силу неравномерности революционного движения. ; некоторых местах развивается довольно серьезная партизанская борьба, но это не характеризует

общего положения. В основу оценки современной полосы был положен анализ общей обстановки Китая. А положение в большинстве мест, особенно в рабочих центрах, свидетельствует сейчас о том, что массы сейчас придавлены и к активному участию в революционном движении не могут быть привлечены. Революционное движение ютится, укрывается сейчас в отдельных местах. В этом нельзя усматривать признак под'ема революции. Напротив, по всему фронту революции пришлось отступить, отдав в руки реакции завоеванные прежде позиции.

Но если сейчас нет под'ема, то неизбежность нового взлета революционной волны вызывается целым рядом причин. До сих пор не разрешены противоречия, породившие китайскую революцию. Международный империализм не желает и не может отказаться от каких-либо своих привилегий, потому что это означало бы подрыв и уничтожение всей системы империалистической эксплуатации. Помимо того, Китай не только не выходит из экономического кризиса, раздирающего сейчас китайское народное хозяйство, но в ближайшее время трудность выхода из этого кризиса будет усиливаться. Буржуазия не в состоянии реформистским путем разрешить аграрный вопрос, и тем самым она не в состоянии ослабить одну из основных пружин, вызывающих революционные потрясения. Положение масс не только не улучшается, но чем дальше, тем все-в большей мере ухудшается. Ускорился и усилился процесс разорения крестьян. Пауперизированное крестьянство все в меньшей степени находит приложение своим силам в промышленности. Материальное положение рабочих ухудшается, растет безработица. Благодаря этому, со стороны крестьянства и китайского пролетариата растет и подготавливается новый

революционный взрыв. Захватнические действия международных империалистов будут и дальше все в большей мере подогревать революционное настроение. Наконец, междоусобица и внутренняя распря между различными группами милитаристов неизбежно приведет к ослаблению лагеря реакции и облегчит прорыв революционных сил.

Некоторые первые симптомы нового под'ема VI с'езд отметил как уже проявляющиеся в настоящее время. С'езд указал на развитие антиимпериалистического движения, — в связи с оккупацией части Шаньдунской провинции Японией. С'езд, Далее, указал на известное развитие стачечного движения в Шанхае, на рост забастовочной волны, что особенно показательно в Кантоне, несмотря на понесенное там недавно поражение. С'езд, наконец, обратил внимание на солдатские бунты, происходящие сейчас в армии милитаристов и отличающиеся по своему характеру от нрежипх солдатских выступлений. В китайской армии, благодаря невыплате жалованья, благодаря тяжелым условиям, солдаты неоднократно поднимали восстания против командного состава. Теперь же влияние аграрной революции и крестьянской партизанской борьбы переносится на солдатскую массу. Происходит известная смычка между солдатскими массами и крестьянской беднотой. В меру развития аграрной революции отмечается ряд случаев выступления солдат против своего командного состава и переход их на сторону борющихся крестьянских масс.

Указав на перечисленные нами частичные признаки будущего под'ема революционного движения в Китае, VI с'езд в то же время предостерегает партию от их переоценки, подчеркнув большую опасность, связанную с

расширительным толкованием »тих симптомов. Последние не дают еще картины действительного под'ема революции. Количество масс, участвующих как в аитияионском движении, так и в стачечной борьбе, еще незначительно и, — что особенно важно, — рабочий класс не вышел еще к. полосы депрессии. А наступление нового под'ема в Китае будет характеризоваться выступлением, в первую очередь, китайского пролетариата на арену политической борьбы.

7. Генеральная линия — борьба за массы.

Давая такую оценку теперешней полосе революционного движения в Китае, VI с'езд должен был присоединиться к решениям IX пленума, устанавливающего для киткомнартни в качестве генеральной линии борьбу за массы. «Генеральной линией партии в этом новом периоде, когда первая волна революции закончилась рядом тяжелых поражений, а новая еще не наступила, когда силы контрреволюции еще превышали силы рабочего класса и крестьянства, — генеральной линией партии является борьба за массы. Выполнение этой линии требует от партии напряжения всех сил в деле сплочения, собирания, об'единения пролетариата вокруг основных лозунгов партии, огромнейшей организационной работы по укреплению революционных профессиональных и крестьянских союзов, максимальной приспособленности к ведению повседневной будничной экономической и политической работы в массах пролетариата и крестьянства, наконец, интенсивной работы по раз'яснению пролетариату опыта встекшего периода революции».

Компартия не должна обольщать себя предыдущими успехами массового движения. В деле завоевания масс мы не можем признать вполне благополучным существующее

в настоящее время положение. Делегат из восточных провинций в своей речи рассказывает, что до сих пор еще огромная часть трудящихся масс верит в Гоминдан. Они ждут прихода войск Чан Кай-шан, предполагая, что последний может их спасти от угнетения северных милитаристов. Незначительная часть верит еще в северных милитаристов, старается поддержать их в борьбе, пытается облегчить им победу над южанами. «Такие рабочие боятся компартии, как зверя; они говорят, что компартия пропагандирует социализацию женщин и т. д.».

И этот же товарищ сообщает, что в восточных провинциях многие рабочие выражали надежду на Чжан Цзо-липа что шеледний создаст «мог» фабрик и заводов, так что разоряющиеся крестьяне смогут получить на этих предприятиях работу; «рабочие на боятся, боятся требований которые мы выставляем для тех, они раибенаются, когда, мы пытаемся взять в свои руки руководство движением».

Еще в большей мере не в пользу чжагтртчио крестьян в этих трех восточных провинциях. «Насчет крестьянства. нечего и говорить, штука что, если промышленные рабочие так отстали, то крестьяне еще с большим трудом иодаются нашей революционной агитации». Наш могут «укапать, что эта характеристика настроения труппы масс, не характерна для осело Китая, что она применима лишь отчасти к восточным провинциям, куда революционная волна, взбудоражившая весь Китай в 1925—1927 гг., еще не докатилась. Но мы могли бы привести не мало примеров, пояеригнутых нами на выступлениях делегатов от различных провинций, в свою очередь, свидетельствующих о необъятности серьезной. «ропотливой работы по завоеванию широчайших масс на

сторону компартии. Один из шанхайских товарищей указал на апрельскую забастовку в Шанхае, в которой принял участие «выше 10000 рабочих и в которой партия, запятая восстанием, не приняла руководящего участия. Тот же товарищ сослался на забастовку на японских текстильных предприятиях, охватившую «выше 20000 рабочих, которая протекала без участия и руководства коммунистической партии. Можно привести еще пример, когда во время выступления Фын Юй-сяна в Лояие крестьяне и рабочие слушали его речь, стоя на коленях. Наконец, и опыт нашего Нанчадакого похода, когда многие крестьяне целыми деревнями избегали перед вступлением водами коммунистической армии в «воя села, опасаясь этой армии, как чортова навождения. Все это говорит о том, что огромнейшие массы еще одурманены влиянием реакционных элементов, что они находятся еще под властью чуждой пашей партии идеологии, Китайская компартия, подготавливая силы для будущих острых столкновений с империализмом и китайской реакцией, подготавливаясь к борьбе против таких мскпущеспешых врагов, сумеет свалить господство международного империализма и китайской реакции только в том случае, если ей удастся поднять к борьбе колоссальные массы трудящихся Китая. Партия сейчас должна использовать каждый конфликт между рабочими и капиталистами, между крестьянами и помещиками, между солдатами и офицерами, обостряя и углубляя эти массовые столкновения и завоеывая на свою сторону широчайшие массы. Партия, должна возглавить антиимпернашггтическое движение, используя все случаи насилия международного гмлйриа.тшл для организации и мобилизации масс под своими знаменами.

8. Определение характера революции.

Эта генеральная линия партии том успешнее будет осуществляться, чем яснее для самой партии будут цели и перспективы оовободителмтого движения, чем яснее партия будет нрод'тавлять «дабе те пути, по которым можно достигнуть желанной нсбеды. Успешность борьбы за массы в значительной мере определяется тем, настолько правильно будет поводиться тактика партии, основанная на трезвой оценке обстановки, насколько будут соответствовать действительности лозунги партии. Китайская пословица говорит, что если слепой ведет слепого, то они оба попадают в яму. Лужи», чтобы киткомпардия пе шла с завязанными глазами, нужно, чтобы в определении своих задач во всем наирагае ни и своей практической работы она исходила нз правильного и трезвого анализа, обстановки. А это предполагает преододасийе и ивживапно имеющихся в партии ошибок и настроений, толкающих партию на вредный и губительный для нее путь. Большой заслугой VI с'езда является то, что оп указал на все опасные колебания и ошибки, предупредил партию от возможности сползания с классовых пролетарских рельс на рельсы кдасеово-чуждой нам идеологии.

Прежде всего, киткомпартня должна иметь правильное представление о характере революции, о характере теперешнего ее этапа. VI с'езд в этом вопросе нрисотаиннся к предыдущим решениям Исполкома Коминтерна, как известно определявшим теперешний этап китайской революции, как буржуавно-демокрагический. Но в та же время в этом большая заслуга VI с'езда, что он указал на ряд неправильных представлений о характере китайской революции, существующих у отдельных товарищей,

подметив в то же время причины, вызывающие эти неправильные предетаялеви».

Некоторые товарищи приходами ю неправильному определению характера китайской (революции, исходя из международных ее условий. Они «вдали, что тагкольку китайская революция является аптаимпемфм.алистичеювой и частью »-еведтш роддай- револлошш и поскольку международная реинпоцня является цролетаржой революцией то отпода ош приходили к выводу, что китайская революция уже на данном этапе носит на себе черты революции социалистической. В связи с этим в решениях с'езда подчеркивается необходимость различать характер китайской революцнн с точки зрения ее международных условий га данной и последующих стадиях ее развития. VI с'езд устанавливает, что — «Все большее международное значение приобретает китайская революция, являющаяся одним из главных звеньев общего мирового революционного процесса. Борьба китайских трудящихся масс, нашрувлеитая против империализма, против его экономмчеакюгд с иовгитического тоснодства, борьба за освобождение сотен миллионов китайских трудящихся от чудовищной колониальной каналы одновременно подрывает мощь империализма, оаиягивает его силы от СССР и рабочего класс передовых сараи капитализма, нблегчает тем самым успешное нродвижение вперед междунарииннй революции».

И если в первой, буржрзно-демовратической, фазе китайская революция играет роль вспомогательной силы международной социалистической революции, то при последующем развитии, во второй ее фазе, китайская социалистическая революция будет представлять штаюрествеиную ее составную часть.

Но если некоторые товарищи делают неправильные выводы о характере китайской революции из анализа ее международного положения и международного значения, то ряд других товарищей приходили иными путями к определению теперешнего этапа китайской революции, как революционной социалистической. Эти товарищи исходили из мелкобуржуазных иллюзий попыток под социализмом всеобщую и радикальную дележку, передел земли. Товарищам казалось, что еще и выдвигается лозунг передела земли то революция приобретает уже социалистический характер. В этом рассуждении неправильно. выдвигание для данной полосы освободительно-го движения требования жопфискации и передела всей земли. VI съезд выдвинул лозунг конфискации только помещичьей земли, полагая, что заострение борьбы юроств заппхМйой часто крестьянства на данной стадии неправильно, так как «стирает основное противоречие между крестьянством и помещичьим классом». На данном этапе перед компартией стоит задача натравливания крестьян против помещиков а не расслаивания крестьянства в борьбе между собой. Вот почему в качестве центрального лозунга крестьянского движения VI съезд выдвинул конфискацию всей помещичьей земли и передачи ее советам крестьянских депутатов. Но если, даже сейчас, был признан своевременным лозунг конфискации всей земли, то и тогда было бы неправильно, исходя из этого, определять характер китайской революции, как социалистической. Нельзя подменять социализм дележкой земли. Это смешение вытекает из предпочтения интересов крестьянства перед рабочим классом.

Перед китайской революцией сейчас не стоит задача конфискации и экспроприации или китайской буржуазии. На данном этапе задача сводится к тому, чтобы нагнать

империалистов, произвести действительное объединение страны, уничтожить, полши тыю ликвидировать помещичье землевладение, плебейским способом щоштгацрарийный переворот. Должна ли «оивпартим сейчас ставит перед собой задачу экспроприации буржуазии? Нет. С'езд отмечает, что компартия должна бороться сейчас против политической власти буржуазии, должна готовить свои силы к свержению этой власти, но экономически она не должна сейчас ставить перед собой задачу экспроприации всех фабрик и заводов, принадлежавших китайской национальной буржуазии. Вот почему современный этап мы не можем характеризовать как социалистический.

Третья группа ошибок в определешп характера китайской революции связана с неправильным пониманием теории перманентной революции. В руководящем партийном органе КПК, в журнале «Большевик», появилась некоторое время тому назад статья, доказывающая что китайская революция иаямдится уже сейчас в стадии перерастали из буржуазно-демократической в революцию социалистическую. В этой статье говорилось о том, что китайская революция, непрерывно развиваясь по восходящей линии, уже сейчас приближается по евоему характеру к революции социалистической. Эт вредное и опасное в китайских условиях течение, как правильно указал IX пленум ИККИ, не учитывает полуколониальный характер Китая и перепрыгивает через целую, моижет быть продолжительную, историческую полосу, когда вйимание борющихся масс должно быть приковано к уничтожению господства империализма и феодайных истатутов в Китае.

Но если с'езд правильно поступи в определении характера: китайской революции. исходя на конкретных задач сегодняшнего дня, то он не мог умолчать о

перспективе несрастания буржуазно-демократического этапа китайской революции в революцию социалистическую. Для марксистов обязательно, отвечая на вопросы сегодняшнего дня связывать эту с последующим развитием классовой борьбы. Вот почему правильны указания съезда на тенденции перерастания китайской революции. Целый ряд моментов облегчает этот процесс перерастания и способствует ускорению темпа этого перерастания. Еще в рамках буржуазно-демократического этапа на главе революции становится пролетариат, завоевывающий уже на этой стадии свою гегемонию. Кроме того, китайская революция развивается в период общего краха, общей гибели мировой капиталистической системы, что не может не облегчить ее развития. Наконец, китайская революция развивается при, наличии Союза Советских Социалистических Республик. Все эти моменты открывают возможность дальнейшего развития китайской революции по социалистическому пути, все эти моменты благоприятно скажутся на темпе перерастания буржуазно-демократического этапа в социалистический.

Процесс перерастания нужно пошамать, как диалектический процесс. Неправильно было бы представлять, что буржуазно-демократический и социалистический этапы разделены китайской стеной. Очевидно, мы будем подмечать переплетения в осуществлении задач того и другого этапа. По всей видимости еще в рамках буржуазно-демократического этапа некоторые мероприятия побеждающей демократичной диктатуры пролетариата и крестьянства будут включать в себе социалистические элементы. Так в речах на съезде по вопросу о конфискации фабрик и заводов у китайской буржуазии подчеркивалось, что нельзя механически проводить такое деление, что будто бы на

буржуазно-дсмо-кратичееком этане- китайский пролетариат не затронет ни одной фабрики и- приступит к их конфискации лишь при начале еоциалистачееког» этапа. речах указывалось, что революция не будет развиваться так схематически. В действительности. очевидно, захват таласты рабочим классом и крестьянством толкнет ощелыые фракции буржуазии к саботажу произто-детва. к бегству и прикрытию фабрик и заводов, к организации борьбы против революционной власти. В этих условиях пролетариат вынужден будет брать в свои руки брошенные предприятия, вынужден будет в последующей борьбе, против буржуазии подрывать ее экономическую миць ломать ее саботаж, конфисковывать принадлежащие ей фабрики и заводы. Наконец, в меру развития борьбы, пролетариату придется переходить к полной конфискации буржуазной собственности. Но сейчас задача конфискации фабрик и заводов, принадлежащих китайской буржуазии, гк может и не должна ставиться перед пролетариатом, как первоочередная задача.

На ряду с этим очевидно, что целый ряд задач буржуазно-демократического характера сможет найти свое радикальное, разрешение только при социалистической фазе гагга некой революции. Вот почему VI с'сад предостерегал от опасности схематического подхода к делению на этапы. Революция — это живое дело, это классовая борьба и от степени органианованпостн и сознательности китайского пролетариата будет в первую очередь зависеть разрешение вопроса о темпе и скорости перерастания буржуазно-демократического этапа в социалистический.

Исходя из определения теперешнего этапа китайской революции ясходя из основных ее задач, VI с'езд выдвинул

следующие 10 лозунгов, под которыми партия должна завоевывать массы:

- 1) Уничтожение господства империалистов.
- 2) Конфискация иностранных предприятий и банков.
- 3) Об'еднение страны при признании права каждой нации на самоопределение.
- 4) Свержение власти милитаристов и Гоминдана.
- 5) Установление власти советов рабочих и крестьянских и солдатских депутатов.
- 6) 8-часовой рабочий день, увеличения зарплаты, помощь безработным и социальное страхование.
- 7) Конфискация всей помещичьей земли. Пахотная земля — крестьянам.
- 8) Земля и труд — солдатам. Улучшение быта солдатских масс.
- 9) Уничтожение «сед правительственных одгаидаристаческш местных налогов и поборов. Единый подоходно-прогрессивный налог.
- 10) Союз с СССР и мировым пролетарским движением.

9. Опасность путчистских уклонов.

Отмечая, далее, вредные уклоны, которые могут иметь гибельные последствия для освободительной борьбы в Китае, VI с'езд указал, как на особенно опасные,

путчистские тенденции. Путчистские настроения находили свое распространение в ряде местных организаций, и поныне они не изжиты в отдельных прослойках коммунистической партии. Так, на VI съезде фуцзяньский делегат жаловался, что директива насчет осенних восстаний застала партийную организацию совершенно неподготовленной и обрекла на поражение ряд путчистских выступлений. Крестьянин из Хунаиской провинции привел пример несвоевременного вооруженного выступления, в результате которого реакционными войсками были убиты свыше 800 крестьян. Наконец, хубейский делегат сообщил, что директива о восстании проводилась механически, без учета обстановки и настроения масс. Руководящие товарищи этой провинции не только не поставили задачу организации масс, но решили вовсе прекратить работу профессиональных союзов. Они находили, что во время восстаний и подготовки к нему нужны (военные организации и не нужны профсоюзы. В результате без винтовок, без массы, горсточка товарищей вооружилась спичками и палками и нашла поджигать дома с полной уверенностью, что она выполняет свой долг перед рабоче-крестьянской революцией. Реакция без особого труда подавила эти волнения. В результате этого выступления, хубейской организации нанесен был урон, после которого она еще не оправилась.

Такие факты путчистских выступлений мы отмечаем в китайской практике и по сегодняшний день. В одной из комсомольских инструкций в провинции Цзянси писалось, что требования координированных, подготовленных вооруженных выступлений может исходить лишь от оппортунистов. В резолюции Гуаиду некоего провинциального комитета от 19 июня мы находим указание насчет необходимости активной подготовки и

начала восстания в разных районах этой провинции. В этой резолюции дается указание на необходимость «всеми силами возбуждать военные бунты; нужно особенно стараться возбуждать военные бунты в больших городах». Понятно, что эти директивы насчет восстаний не вытекают из трезвого учета обстановки из правильной оценки создавшегося в Китае положения. Вот почему решения VI съезда, подчеркивающие опасность путчистских тенденций, должны быть нами признаны совершенно правильными.

Отдельные делегаты пытались выяснить причины распространения в партии путчистских настроений. Так, один из чжнлнйских товарищей усматривал причину путчизма в том, что компартия находилась под влиянием крестьянских настроений. Если бы партии не развивалась в окружении крестьянских масс, а находилась Гид среди городских масс, то возможно, что путчизм не получил бы такого широкого распространения потому, что рабочие в городе все таки более сознательны и более осторожны». В некоторой мере эта характеристика правильна. Эти путчистские тенденции и настроения привносятся в ряды пролетариата не только из крестьянских масс, которые, отчаявшись в предыдущей борьбе, бросаются на самые рискованные выступления, но и люмпен-пролетарские массы заражают этой идеологией отдельные отряды коммунистической партии. VI съезд с достаточной четкостью показал, как теоретически оформляются путчистские тенденции и как они разрешаются на практике.

«Теоретически путчизм оформляется в идеологии непрерывных боевых выступлений инициативного меньшинства, штурмующего, подавляющего и превосходящего по силам противника в переоценке степени разложения и глубины противоречий внутри

контрреволюционного лагеря, в отрицании шеех необходимых условий для восстания, нежелания вести ежедневную подготовительную экономическую и политическую борьбу и в признании нецелесообразности борьбы за частичные лозунги. На практике путчизм вырождается в боевые выступления революционного меньшинства (преимущественно партийцев), исключительно опирающихся на военные части и имеющие заговорщический характер, в насильственное принуждение рабочих и крестьян к вооруженной борьбе, наконец, в разрозненные анархические террористические действия, ослабляющие позиции партии в массах и ведущие к расточению сил и физическому истреблению лучших элементов рабочего и коммунистического авангарда».

Путчистские тенденции представляют большую угрозу, сбивая киткомпартию правильных рельс на путь преждевременных, неподготовленных и обреченных на неудачу выступлений. Со всей решительностью партия должна преодолеть влияние деклассированных элементов, должна преодолеть эту идеологию, враждебную пролетарской дисциплине и организованности. Конечно, киткомпартия в революционной борьбе должна использовать люмпен-пролетарские массы, которые, благодаря своей численности и без «сходности своего положения, сыграют немаловажную роль. В связи с безостановочно растущим процессом разорения крестьянства, в связи с ростом безработицы количество этих ломпен-пролетарских масс возрастает с чудовищной быстротой. Эти массы представляют собой огромный резервуар революционной энергии, но ими нужно руководить, а не поддаваться их анархической идеологии. Пролетариат должен стать во главе их, а не плестись за ними в хвосте, он должен придать максимальную

организованность и классовую сознательность движению люмпен-пролетариев.

Перед китайской революцией стоит задача всемирно-исторического значения: она должна уничтожить феодализм и сломать такого могущественного врага, как международный империализм. Некоторые товарищи, выражая революционное нетерпение, думают, что эта задача решается чрезвычайно просто, — взял спичку и пару палыс — и империализм уничтожен, аграрная революция совершена. На самом деле ликвидации феодальных институтов в Китае, как и уничтожение империалистического господства, требует максимальной подготовленности, мобилизации широчайших масс, упорной борьбы, вовлечены в движение сотни миллионов китайских рабочих и крестьян. Только при этих условиях могут быть разрешены задачи китайской революции, только при этих условиях пролетариату и крестьянству удастся сломить господство своих классовых врагов.

Этим объясняется осуждение VI съездом путчистских тенденций. Партия должна готовиться к восстанию, другого выхода нет для решения противоречий между борющимися классами. Без революционного выступления, без вооруженного свержения реакционной власти ни одна из задач революции не может найти своего практического осуществления. Но в данных условиях во всекитайском масштабе партия должна ограничиться пропагандой лозунгов восстания, не превращая его до изменения общей обстановки в лозунг практического действия.

10. Неправильные отношения партии к классу и внутри партии.

Перейдем теперь к решениям с'езда, отмечавшим опасность неправильных отношений, которые установились в ряде мест как между партией и рабочим классом, так и внутри самой коммунистической партии. В этом отношении характерно выступление делегата из Хунанской провинции, указавшего в своей речи на наличие чрезвычайно существенных недостатков в отношениях, которые складываются внутри партии. Он говорил, что — «Если некоторые товарищи ошибались, то вышестоящие органы не хотели исправлять их ошибки, они просто казнили их, расстреливали. Приведу некоторые факты. В феврале после крупного восстания одна коммунистка, которая происходила из семьи крупного помещика, была расстреляна. Она была коммунисткой, настоящим нашим товарищем, и после Северной экспедиции она долго и хорошо работала в нашей провинции, являясь хорошим партийцем, и за то, что она принадлежала к оезю помещика, ее расстреляли». Дальше этот хупанский крестьянин рассказывал, как он получил приказ от райкома расстрелять еще двух партийцев. В ответ на его протесты секретарь райкома заявил, что ты боишься стрельбы? Если ты боишься, то ты сам являешься оппортунистом. Из материалов этого с'езда нам также известно, что некоторые фракционные разногласия в Сватовской организации товарищи пытались решать с помощью оружия, все «порше внутрипартийные разногласия пытались разрешить физическим истреблением» инакомыслящих. Понятно, что подобные взаимоотношения внутри коммунистической партии Китая недопустимы. Партия должна повышать свою боеспособность, она должна изживать склочность, элементы групповщины, она должна максимально

осуществлять принцип внутрипартийной демократии, должна практиковать коллективное обсуждение всех злободневных вопросов, и она ни в коем случае не должна допускать физической расправы над товарищами, допускающими невольные ошибки или отстаивающие по спорным вопросам особое мнение.

Съезд вместе с тем отметил необходимость изжития гоминдановского подхода к массе. Этот подход находит свое выражение в том, что партия командует, а не руководит массами, что она в ряде мест методы убеждения подменяет методами принуждения. Если гоминдан пытался командовать массами с тем, чтобы сдержать их движение, то нередки случаи, когда коммунисты, угрожая револьвером, вынуждают рабочих присоединиться к забастовке или принять участие в вооруженных выступлениях. Особенно заострен был этот вопрос в докладе представителя Исполкома Коминтерна. Он сигнализировал опасность отрыва партии от рабочего класса, опасность установления таких отношений, когда партия будет выступать в виде предпринимателя, а рабочий класс — в виде исполнителя. Подготовка к новому под'ему революции предполагает вовлечение в освободительное движение даже самых отсталых отрядов рабочих и крестьян. Партия должна проявить классовое самосознание, должна убеждать и подымать к борьбе трудящиеся массы. Применение методов приказа способно лишь затруднить осуществление линии партии на завоевание масс.

11. Опасность возрождения оппортунизма.

Указывая на необходимость преодоления путчистских тенденции и всякого рола уклонов, связанных с

неправильным пониманием характера теперешнего этапа китайской революции, в то же время VI съезд подчеркнул опасность некоторых рецидивов оппортунистического характера. Возможность возрождения в новых формах прежних оппортунистических колебаний вытекает из следующих двух моментов. С одной стороны, киткомиартия в борьбе против империализма заинтересована в вовлечении в эту борьбу самых широких слоев городской мелкой буржуазии. С другой стороны, как нам уже приходилось указывать, чтобы не стирать основное противоречие между крестьянством и помещичьим классом, партия считает несвоевременным сейчас заострять борьбу против зажиточной части крестьянства. В связи с этим возникает опасность, что партийная организация при столкновении между бедняками и кулаками — с одной стороны, либо при столкновении интересов рабочих и городской мелкой буржуазии окажется не на высоте своего положения и в угоду сохранения мелкой городской и сельской буржуазии в революционном лагере, ведущем борьбу против империализма и феодализма, вновь будет притуплять классовые требования рабочих и сельской бедноты, вновь будет заглушать и замазывать классовую борьбу. Вот почему VI съезд в своих решениях подчеркнул, что, несмотря на то, что пролетариат и крестьянство заинтересованы в вовлечении «в антиимпериалистическую борьбу мелкой (буржуазна, все же «в случае острых столкновений интересов рабочих и приказчиков с городской мелкой буржуазией, либо деревенской бедноты и середняков с интересами кулачества, — партии всегда должна предпочитать и отстаивать интересы трудящихся элементов против эксплуататорских слоев».

В последние дни опасность повторения оппортунистических ошибок стала более ощутимой. В

связи с приездом в Москву па конгресс Коминтерна руководящих товарищей, руководство киткомпартией было значительно ослаблено, и этим, очевидно, обгоняется, что в изданном недавно от имени ЦК КПК циркуляре № 54, в числе 17 лозунгов, мы встречаем требования с явно оппортунистическим душком. Во-первых, это — требование восстановления массового движения. Сама формулировка вопроса о восстановлении массового движения говорит о том, что этот лозунг, адресуется гоминдану. Массы движения не прекращают. Под давлением реакции изменились формы движения, широта движения, но оно не замерло. Гоминдан, действительно, запретил кассовое движение. Кьло бы целесообразно выдвинуть перед гоминданом неосуществимое для гоминдана требование возобновления массового движения, если бы нужно было лишний раз разоблачить гоминдан, как врага массового движения. Но гоминдан достаточно себя в этом отношении разоблачил. Выдвижение пород ним подобного требования способно лишь создавать иллюзии в рядах трудящихся масс о возможности развития массового движения под этидой гоминдана. Лозунг, связанный с развертыванием и известной легализацией массового движения нужно адресовать не гоминдану, а самим массам.

Второй лозунг идет под названием реализации политической власти массами. И дальше дается в циркуляре следующая его расшифровка: «деревенские, уездные, городские правительства выбираются рабочими, крестьянскими, солдатскими, купеческими, студенческими и бедняцкими делегатами». Очевидно, китайские товарищи, выдвигая в такой форме лозунг, связанный с организацией власти, хотели противопоставить разговорами нанкинских заправил о созыве национального собрания свое понимание демократической власти. Но они сняли лозунг советов, от

пропаганды которого мы не должны ни на минуту отказываться. Эта замена лозунга советов демократическими правительствами тем более опасна, что авторами этого циркуляра расширяется классовая база пропагандируемой власти. Сохраняя, очевидно, иллюзия единого национального фронта и не учитывая далеко ушедшей вперед дифференциации классовых сил, китайские товарищи предполагают организацию такой властп, которая представляла бы в интересах всех классов китайского общества.

В этом внутренний смысл забвения лозунга советов. В решениях VI с'езда партия должна была нолчнтть достаточное предостережение от неизбежных оппортунистических отклонений от правильной большевистской линии, вытекающих от непозволительного снятия лозунга советской власти.

Подведем теперь итоги основным задачам партии в деле преодоления вредных уклонов, как это было намечено решениями VI с'езда. Основная задача — борьба за массы. Эта задача тем скорее будет выполнена, чем быстрее киткомпартия излечится и преодолет ряд опасных тенденций и уклонов, влекущих партию с классовых пролетарских рельс под откос. Это предполагает существование ясного и точного представления о характере революции, о характере ее отдельных этапов; это предполагает правильную оценку теперешней полосы движения и вытекающих отсюда основных тактических задач. С другой стороны, борьба за массы тем успешнее будет реализоваться, чем скорее будут изжиты путчистские тенденции, чем скорее будет преодолен гоминдановский подход к рабоче-крестьянским массам. Партия должна зорко следить за тем, чтобы не повторялись прежние

оппортунистические ошибки, которые привели к тяжелым поражениям китайскую революцию.

Нам думается, что VI с'езд, выдвинувший все эти задачи, облегчил партия выполщение своей исторической миссии, и что партия, обогащенная всем опытом предшествующей классовой борьбы, вновь поведет китайский рабочий класс и крестьянство не от лбовой дороге революции к новым и решительным победам.

Аграрный вопрос на VI съезде коммунистической партии Китая.

(Коммунистический Интернационал, 1928 г., № 43, стр. 38—47.)

I. Аграрная программа.

С большим вниманием VI съезд должен был отнестись к решению аграрного вопроса. Основным стержнем китайской революции продолжала оставаться необходимость в радикальном преобразовании аграрных отношений. Крестьянская аграрная революция продолжала составлять основное содержание китайской революции. Но решения съезда по аграрному вопросу должны были опираться на ясное и отчетливое представление о социально-экономической структуре современного Китая. Определение задач рабочего класса в аграрной революции должно было вытекать из анализа экономических и политических путей, сдерживающих развитие производительных сил сельского хозяйства. Как раз в этом вопросе не было полной теоретической ясности. Напомним, что еще в 1912 году Ленин, в известной статье «Демократия и народничество в Китае», указал на феодализм, как на экономическую пружину, вызывающую китайскую революцию. Он писал: «Какая экономическая необходимость вызвала в одной из самых отсталых крестьянских стран Азии распространение самых передовых буржуазно-демократических программ по отношению к земле?»

Необходимость разрушения феодализма во всех его видах и проявлениях». (Леин, Собр. соч., т. XX, ч. 1, стр. 348.)

Подобная характеристика социально-экономической структуры Китая встречала возражение у ряда товарищей. Многие считали более приемлемым подведение этой структуры под тип «азиатского способа производства». Известно, что и в аграрной программе, принятой ноябрьским пленумом ЦК КПК и переданной на обсуждение местным организациям, общественно-хозяйственный строй Китая определялся как «азиатский способ производства». В этой программе мы читаем, что «известное стечение исторических обстоятельств привело к образованию общественного хозяйственного строя в Китае, который Маркс и Энгельс и вслед за ними Ленин называли «азиатским способом производства»... Удельные княжества и сословное землевладение в основном разрушаются в раннем периоде китайской истории (в III в. до Р. Х.) и после длительного периода анархии, после жесточайших классовых битв, окончательно складывается так называемый азиатский способ производства... Азиатскому способу производства придали большую внутреннюю устойчивость соединение земледелия с крестьянской домашней промышленностью (производство пряжи и ткачество)... Переход к новому способу производства, развитие производительных сил страны, переход земледелия на более высокую ступень техники упирается в настоящее время в пережитки этого строя».

Как видим из этой выдержки, ноябрьский пленум ЦК киткомпартии в теоретической части аграрной программы стал на точку зрения азиатского способа производства, считая, что задачи аграрной революции в Китае заключаются в уничтожении остатков этого строя. VI съезд

киткомпартии не согласился с этой характеристикой, находя ее ошибочной. Это заставляет нас несколько подробнее остановиться на разборе вопроса об «азиатском способе производства». По существу, мы должны ответить на следующие два вопроса. Во-первых, что из себя представляет «азиатский способ производства», как определенная социально-историческая категория с точки зрения нарксовой теории? Можно ли азиатский способ производства противопоставлять феодализму как самостоятельную экономическую формацию? Во-вторых, каков сейчас экономический строй в Китае? Какого рода социальные явления этого строя мы должны учитывать в первую очередь при выработке классовой стратегии киткомпартии.

Остановимся раньше на решении первого вопроса. Определяя и различая типы экономических структур, мы в первую очередь должны выяснить, каков тот тип эксплуатации, на котором строится система социальных взаимоотношений данной эпохи.

Необходимость такого подхода указывается неоднократно Марксом. Вот что мы находим по этому вопросу у автора *«Капитала»*:

«Та специфическая экономическая форма, в которой неоплаченный прибавочный труд высасывается из производителей, определяет отношение господства и подчинения, каковым оно вырастает непосредственно из самого производства...

Непосредственное отношение собственника условий производства к непосредственным производителям — отношение, всякая данная форма которого, есте- ственно,

соответствует определенной ступени развития способа труда, а потому и общественной производительной силе последнего — вот в чем мы всегда раскрываем самую глубокую тайну сокровенных основ всего общественного строя...

Это не препятствует тому, что один и тот же экономический базис — один и тот же со стороны главных условий, благодаря бесконечно различным эмпирическим обстоятельствам — естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д., может обнаружить в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возмозно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств» (Маркс, *Капитал*, т. III. ч. 2, стр. 320, русск. изд. 1928 г.).

Мы не даром привели такую громоздкую цитату. В ней особенно важна именно ее вторая половина. Она учит нас, при исследовании экономической формации, отделять «главные условия» от второстепенных, исследовать сперва общий экономический базис данной формации, а потом уже анализировать «эмпирически данные обстоятельства», определяющие ту или иную вариацию экономической структуры. Все эти дагии и общеизвестные вещи приходится повторять, поскольку некоторыми товарищами они основательно забываются.

К чему же обязывает этот Марксов подход? При исследовании капитализма мы в первую очередь должны рассматривать капиталистическую систему эксплуатации.

Если мы хотим исследовать азиатский способ производства или феодальный строй — одним словом, докапиталистические производственные отношения, — мы

в первую очередь должны рассматривать ту систему эксплуатации, которая существовала до наемного труда и в отличие от наемного труда.

В докапиталистическую эпоху, при господстве натурального хозяйства, основным объектом эксплуатации был крестьянин, самостоятельный владелец земли и орудий производства. Кстати отметим, что для определения характера эксплуатации безразлично, владел ли он индивидуально или входил в общину. «Эта самостоятельность (мелкого производителя) не уничтожается тем, что, как, напр., в Индии, эти мелкие крестьяне сдвигаются между собой в более или менее естественно выросшую общину; здесь идет речь только о самостоятельности по отношению к номинальному землевладельцу». (Там же., стр. 319.) По если в докапиталистическую эпоху объектом эксплуатации был крестьянин, то в качестве эксплуататора выступал юридический собственник земли, которой фактически владел крестьянин.

(Здесь, и в ряде других мест (в том числе и в цитатах из «Капитала») земельная собственность противопоставлена владельцу земли и крестьянин владетель земли не противопоставлен помещику собственнику земли. Со временем буржуазное право сознательно не различает строго понятия собственности на землю и владения землей.

Потому-то подобное противопоставление может вызвать некоторое недомыслие. Для того, чтобы это недомыслие не разразилось — достаточно вспомнить св

о е о б р а з и е с о ц и а л ь н ы х о т н о ш е н и й ф е о д а л и з м а и в ы р а с т а ю щ и х н а э т о м с о ц и а л ь н о м б а з и с е п р а в о в ы х п о н я т и й.

С р е д н е в е к о в а я ю р и с п р у д е н ц и я н е з н а л а н ы н е ш н е г о п о н я т и я з е м е л ь н о й с о б с т в е н н о с т и.

С а м ы й т е р м и н «с о б с т в е н н о с т ь» о б о з н а ч а л с я т е р м и н о м « d o m i n u m » (г о с п о д с т в о , в л а д е - н и е). Н а о д и н и т о т ж е з е м е л ь н ы й у ч а с т о к с у щ е с т в о в а л о д в а н р а в а с о б с т в е н н о с т и , п р а в а г о с п о д с т в а : 1) « d o m i n u m u t i l e » — п р а в о и с п о л ь з о в а н и я , п р а в о к р е с ь т ь я н и н а о б р а - б а т ы в а т ь э т у з е м л ю и 2) « d o m i n u m d i r e c t u m » — п р а в о с е н ь о р а , л е н н о е в л а д е н и е.

О с т а т к и э т о г о п о л о ж е н и я с о х р а н и л и с ь д о с и х п о р в К и т а е в в и д е т а к н а з ы в а е м о г о «с о в м е с т н о г о з е м л е в л а д е н и я» , п р и к о т о р о м п о м е щ и к в л а д е е т п о к и т а й с к о м у п р а в о - п о н я т и ю п о д п о ч в о й , а к р е с ь т ь я н и н — п л о д о р о д и е м п о в е р х н о с т и з е м л и . П о д о б н о е п р а в о с о б с т в е н н о с т и в К и т а е д а е т о с н о в а н и е п о м е щ и к у п о л у ч и т ь о б р о к с к р е с ь т ь я н В с е э т и ф а к т ы и д а в а л и о с н о в а н и е М а р к с у ч е т к о п р о т и в о п о с т а в л я т ь в л а д е н и е (Besitz) з е м л е й — с о б с т в е н н о с т и н а з е м л ю . (Grundeigentum).)

М а р к с т а к х а р а к т е р и з о в а л э т о т т и п э к с п л о а т а ц и и : «В о в с е х ф о р м а х , п р и к о т о р ы е н е п о с р е д с т в е н н ы й р а б о т а й о с т а е т с я «в л а д е л ь ц е м» с р е д с т в п р о и з в о д с т в а и у с л о в и й т р у д а... о т н о ш е н и е с о б с т в е н н о с т и н е о б х о д и м о б у д е т в ы с т у п а т ь , к а к н е п о с р e д с т в e n н о е о т н o ш e n и e г о с п o d c t v a п п о д ч и н е н и я , н е п o c p e d c t в e n н ы й п р o и з в o д и т е л ь , к а к н е с в o б o d н ы й.

Несвобода — которая от крепостничества с барщинным трудом может смягчаться до простого оброчного обязательства... Прибавочный труд для номинального землевладельца можно выжать, только внеэкономическим принуждением. (Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, стр. 319.)

Маркс еще уточняет свою характеристику этой системы эксплуатации, противопоставляя ее рабовладельческой. «Данная форма как раз том и отличается от рабского и плантаторского хозяйства, что раб работает при помощи чужих условий производства и несамоустойчиво». (Там же.)

Итак, экономический базис докапиталистической хозяйственной структуры — это «внеэкономическое» насильственное выколачивание прибавочного труда номинальным земельным собственником из самостоятельных производителей — крестьян. Но строй, который обеспечивает подобную систему эксплуатации, принято называть феодальным строем, а самую систему эксплуатации — феодальной системой эксплуатации. «Феодальная собственность... покоится на общественной организации, которой в качестве непосредственного производящего класса противопоставляются, однако, не рабы, как в древности, а мелкие крепостные крестьяне». (Архив Маркса и Энгельса, т. I, стр. 255.). Так обстоит дело с определением феодализма. Перейдем теперь к азиатскому способу производства.

Если азиатский способ производства является самостоятельной экономической формацией, наряду с капитализмом, феодализмом и античным хозяйством, то, очевидно, этой экономической формации должен соответствовать какой-то особый тип присвоения

прибавочного труда. Но тут-то мы натываемся на непреодолимое затруднение. Такого особого типа эксплуатации, соответствующего специально азиатскому способу производства, не существует в природе. Эксплуатация в азиатских деспотиях — это то же «внеэкономическое» выжимание прибавочного труда из отдельных крестьян-собственников или крестьянских общин, которым характеризуется феодализм.

Вот что пишет Маркс специально по этому поводу: «Итак, необходимы отношения личной зависимости, личная несвобода в какой бы то ни было степени, и прикрепления к земле в качестве придатка последнего, принадлежности в настоящем смысле этого слова. Если не частные земельные собственники, а государство непосредственно противостоит им. как это наблюдается в Азии, в качестве земельного собственника и вместе с тем суверена, то рента и налог совпадают, или, точнее, тогда не существует никакого налога, который был бы отличен от этой формы земельной ренты... Государство здесь — верховный собственник земли. Суверенитет здесь — земельная собственность, концентрированная в национальном масштабе. Но зато в этом случае не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и совместное владение и пользование землей (Маркс, там же, стр. 319.).

В этой гениальной формулировке охвачены и охарактеризованы все основные социальные отношения системы азиатского способа производства. Здесь, как и по всей главе об отработочной ренте, исчерпывающе показано, что «азиатский способ производства «не является самостоятельной» экономической формацией, что феодализм и «азиатский способ производства» имеют

«один и тот же, со стороны главных условий, экономический базис», и своеобразие азиатского способа производства заключается только в особой, своеобразной организации господствующего класса, и вытекающей отсюда особой своеобразной организации ленной земельной собственности.

Можно ли сделать из всего вышесказанного вывод, что «азиатского способа производства» вообще не существовало, что его не было в природе? Такой вывод был бы неправильным. Азиатский способ производства, конечно, существовал и, конечно, значительно отличался от того типа феодализма, который характерен для европейского средневековья. Его отличительные черты четко установлены Марксом в «Письмах об Индии». К числу признаков «азиатского способа производства» нужно отнести государственную собственность на землю, общинное владение землей и вытекающее отсюда отсутствие частной земельной собственности. Но с точки зрения системы эксплуатации все эти черты, присущие «азиатскому способу производства», являются второстепенными. Они могут быть лишь видовыми, а не родовыми отличиями внутри одного и того же родового понятия — понятия строя, основанного на ленной собственности и феодальной эксплуатации.

«Азиатский способ производства», выражаясь языком Маркса, был лишь одной из «бесконечных вариаций и градаций — проявлений одного и того же, со стороны главных условий, экономического базиса». Отсутствие частной земельной собственности — это второстепенное условие, это лишь следствие одной группы «бесконечно различных эмпирических обстоятельств», в данном случае — естественных и исторических условий. Главным же

признаком, характеризующим собой один и тот же экономический базис, является феодальный характер эксплуатации.

Отсутствие частной собственности на землю в Азии можно понять — «лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств» — но подобный анализ, в свою очередь, показывает всю условность и относительность этой основной отличительной черты «азиатского способа производства». В письме к Энгельсу от 14 июня 1853 г., в последнем письме из тех, в которых обсуждался вопрос об «азиатском способе производства», — Маркс писал: «Что же касается вопроса о собственности, то для английских писателей об Индии этот вопрос является еще предметом дискуссий.

Во всяком случае, в пересеченных плоскогорьях к югу от Кришны, кажется, существовала собственность на почву и недра. К тому же и на Яве, как замечает сэр Стамфорд Раффельс, бывший английский губернатор Явы, в его «History of Java» вся поверхность земли, из которой можно извлечь какой-нибудь доход — имеет сувереном самостоятельного помещика» (*Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx*, II 13., S. 421.). Таким образом здесь сам Маркс ставит под вопрос всеобщность правила об отсутствии частной земельной собственности и азиатского способа производства в азиатских странах. Но, каково бы ни было распространение «азиатского способа производства», нельзя его принципиально противопоставлять феодализму.

То, о чем писалось выше, — вовсе не является простым спором о словах. Для нас безразлично, называть ли азиатский способ производства вариацией феодализма, или и тот и другой способы производства считать вариацией

какого-нибудь третьего попятя. Для нас важно, что и феодализм и азиатский способ производства принадлежат к одной и той же экономической формации. Различия между «азиатским способом производства» и европейским феодализмом — это только видовые различия; их родовые признаки одинаковы — это один и тот же способ эксплуатации.

Таково решение первого поставленного нами вопроса. Решение этого вопроса имеет не только теоретическое, но и непосредственно-политическое значение. Для некоторых практических работников концепция «азиатского способа производства» служила шорами, которые мешали видеть истинные и основные социальные отношения исторического и современного Китая. Так в теоретическом разделе аграрной программы киткомпартии, принятой ноябрьским пленумом, прежде всего и больше всего, говорилось, что сельское хозяйство характеризуется решающим значением сознательного регулирования водоснабжения, необходимостью интенсивного удобрения, относительной незначительностью роли рабочего скота в сельском хозяйстве, полным отсутствием оставления земли под паром и преобладанием и огромной затратой ручного труда.

На последнем месте стояло, и меньше всего говорилось в этом проекте, о феодальной эксплуатации китайских крестьян.

Переходим теперь к решению второго вопроса. Он находится в ближайшей связи с первым. Находим ли мы при конкретном анализе китайской действительности какие-либо подтверждения существованию в настоящее время «азиатского способа производства»? Есть ли в современном Китае «азиатский способ производства»,

основанный на феодальной эксплуатации при государственной собственности на землю и общинной обработке земли? Такого строя в настоящее время в Китае нет и в помине. Общинная обработка земли и общинное владение землей исключается уже самой техникой китайского земледелия. Государственная собственность на землю данным давно распалась.

Эти два «эмпирически данных» обстоятельства, характеризовавших «азиатский способ производства», либо исчезли, либо видоизменились. Возникли новые «эмпирически данные» обстоятельства — возник новый состав, новая организация господствующего класса, сложная и богатая. Вместо эксплуатирующего государства и эксплуатируемых крестьян мы имеем в китайской действительности в лагере эксплуататоров — милитаристов, помещиков, джентри, тухао, купцов и ростовщиков, а в лагере эксплуатируемых — крестьян самостоятельных, крестьян полусамостоятельных, арендаторов и долговых рабов. Все это уже не покрывается общим определением «азиатского способа производства».

В сложном социальном переплете современной китайской действительности от «азиатского способа производства» осталась только одна черта — правда, самая важная черта, — это феодальная эксплуатация. При чем эта эксплуатация классом помещиков класса крестьян проходит в Китае в самой неприкрытой феодальной форме. Следует напомнить, что в Китае нет даже в точном смысле помещичьих хозяйств, а есть только крестьянские хозяйства и эксплуатирующие их помещики.

Политическая ориентировка киткомпартии в аграрном вопросе должна вытекать именно из этого основного

социального факта. Киткомпартия должна бороться против феодальной эксплуатации, выдвигая лозунг национализации земли, как наиболее радикальное и последовательное преодоление пережитков феодализма. Те, которые пытаются заменить лозунг борьбы с остатками феодализма лозунгом борьбы с остатками азиатского способа производства, путают и затемняют эту политическую ориентировку.

Путают потому, что вместо главного социального факта фиксируют в пиманпе партии на второстепенных и вдобавок, в действительности, несуществующих обстоятельствах.

Путают и потому, что признание существования и господства остатков азиатского способа производства в Китае противоречит лозунгу национализации земли— основному политическому лозунгу, поскольку при азиатском способе производства земля уже национализирована.

Ноябрьский пленум ЦК, ставший в аграрной программе на точку зрения «азиатского способа производства», пытался совершенно неосновательно опереться на Ленина.

В действительности, именно у Ленина мы находим указание на наличие в социальных отношениях Китая своеобразного вида феодальной эксплуатации. Вот что писал Ленин:

«И объективные условия Китая, отсталой, земледельческой, полуфеодальной страны, ставят на очередь дня в жизнь чуть не полумиллиардного народа лишь один определенный, исторически своеобразный вид этого угнетения и этой эксплуатации, именно феодализм.

Феодализм основывается на господстве земледельческого быта и патураль- ного хозяйства; источником феодальной эксплуатации китайского крестьянина было прикрепление его к земле в той или иной форме; политическими выразителями этой эксплуатации были феодалы, все вместе и каждый порознь с богдыханом, как главой системы. (Ленин, Собр. соч., т. XX, ч. 1, стр. 347.) В полном соответствии со взглядами основоположников марксизма. Леппп характеризует аграрные отношения в Китае, как феодальные, указывая на источник и выражение китайского феодализма. Приведенная нами формулировка Ленипа социаль- ных отпошений в Китае, свидетельствует о том. что его ни в каком случае нельзя причислять к сторонникам теории «азиатского способа производства». Наоборот, из всех работ Ленина, посвященных Китаю, мы можем получить точные указания на необходимость определять аграрные отношения в этой стране, как оспованные на феодальной эксплуатации. Вот почему нам станет понятным решение VI с'езда, осуждающее взгляды, вытекающие из иризнапия «азиатского способа производства».

В резолюции VI с'езда по аграрному вопросу мы читаем: «Попытка характеризовать современный социально-экономический строй Китая в целом и китайской деревни, в частности, как переходный строй от «азиатского способа производства» к капитализму, должна быть признана ошибочной, поскольку наиболее существенные черты «азиатского способа производства», во-первых, отсутствие частной собствен- ности на землю, во-вторых, руководство со стороны государства созданием крупных общественных сооружений (прежде всего, рациональной системы водоснабжения), т.-е. сооружений, представляющих материальное огповапне власти централизованного

правительства над мелкими производительными организациями — общинами и, наконец, в-третьих, прочное существование общинной системы, покоящейся на основе домашней связи между земледелием и промышленностью и прочее — все это и, в особенности, первое основное, противоречит действительности Китая».

Покончив вопрос об «азиатском способе производства» и о характеристике социальных отпошепей в Китае, перейдем теперь к решениям съезда, связанным с характером и направлением борьбы китайского крестьянства. Чудовищная экстенлоата- ция китайских крестьян складывается из малоземелья, из непомерно высокой арендной платы, из тяжелых и весьма обременительных милитаристических налогов, из высокого ростовщического процента. При чем вся эта эксплуатация сопровождается полным политическим бесправием китайского крестьянства. Пережитки феодальных отпошепей в деревне поддерживаются системой полуколониального угнетения Китая империализмом. Вот почему, хотя помещичье землевладение является наиболее мощной основой феодальных пережитков в экономическом и общественном строе Китая, все же борьба китайского крестьянства за землю связана с борьбой против империализма и господства милитаристов.

«Китайское крестьянство не может освободиться от помещичьей и ростовщической кабалы, от гнета бюрократически-феодальной системы и от ее главных представителей в деревне — джентри и тухао, не сокрушив гнета империализма и в то же время китайское крестьянство не может свергнуть империализм, не уничтожив помещичьей и ростовщической кабалы в деревне, не сломив до основания старый насковзь

прогнивший, чиновничий аппарат, не уничтожив помещиков, джентри и тухао, как носителей экономического и политического гнета в деревне». (Резолюция VI съезда по аграрному вопросу.).

Каковы же перспективы развития аграрных отношений в Китае? может ли капиталистическое развитие преодолеть остатки феодализма? И по какому пути пойдет, в таком случае, это капиталистическое развитие? Решение VI съезда указывает на малую вероятность так называемого «прусского пути», — превращения крупных феодальных или полуфеодальных помещичьих хозяйств в крупные капиталистические хозяйства, ибо, во-первых, в Китае преобладает мелкое помещичье землевладение, во-вторых, это землевладение не связано с ведением на нем помещичьего хозяйства.

Другой, теоретически возмозный путь развития, через применение крупного иностранного капитала, также был признан мало вероятным, поскольку он предполагал превращение Китая в колонию и полное подавление революционного движения рабочих и крестьян. В борьбе против феодальной эксплуатации китайское крестьянство становится союзником социалистического пролетариата, с другой стороны, своей борьбой против империализма оно включается в общую колониальную борьбу борцов международной пролетарской революции. Вот почему «победоносное завершение демократической революции в Китае и освобождение крестьянства от всех форм отсталых докапиталистических отношений в современной конкретной исторической обстановке должно послужить исходным пунктом не для капиталистического развития в дальнейшем, а первым шагом, первой ступенью к социализму». (Резолюция VI съезда по аграрному вопросу.).

Ставя перед собой задачу ликвидации всех пережитков средневековья в аграрном строе, киткомпартия согласно репепиям VI с'езда должна добиваться следующих мероприятий:

Во-первых, сверление власти помещиков, джентри и чиновников в деревне, разоружения вооруженных сил контрреволюции для вооружения крестьянства и установления в деревне власти советов крестьянских депутатов.

Во-вторых, немедленной отмены помещичьей собственности на землю без всякого- выкупа; захваченные земли поступают в распоряжение местных советов крестьянских депутатов для перераспределения их в пользование между безземельными и малоземельными крестьянами.

В-третьих, передачи родовых, храмовых, монастырских и других видов общественных земель, а также пустопорожных и пссчпых земель данного района в распоряжение советов крестьянских депутатов для перераспределения их между местными крестьянами в пользование.

Последующие решения VI с'езда по аграрному вопросу предусматривают создание земельных п колонизационных фондов, объявление всех ростовщических займов недействительными, отмену всех земельных и других кабальных договоров, отмену всех налогов и поборов, взимаемых милитаристами и местными властями, установление единого прогрессивного сельскохозяйственного налога. В этой же резолюции намечен целый ряд мероприятий, которые должны пойти по линии государственной помощи сельскому хозяйству. Эти мероприятия включают

землеустройство, улучшение и расширение оросительной системы, помощь в борьбе со стихийными бедствиями, организацию переселенчества, организацию дешевого кредита, организацию сбытовой и снабженческой кооперации, установление единой денежной системы и т. д.

На ряду с этим, VI съезд постановил, что: «При условии полной победы революции и установления прочной советской власти во всей стране или на решающих территориях страны, киткомпартия будет поддерживать стремление революционного крестьянства к отмене частной Собственности на землю и передаче всех земель в общую собственность всего народа, считая, что национализация земли является наиболее решительным и последовательным мероприятием, сметающим остатки феодализма в стране».

В заключение отметим решение VI съезда, в котором он поставил перед партией задачу неуклонно добиваться самостоятельной классовой организации сельского пролетариата, предостерегая его, как и всю деревенскую бедноту, от иллюзий мелкого производства, которое не в состоянии уничтожить нищету масс. Партия должна пропагандировать необходимость полного социалистического преобразования, единственно- способного положить конец всякого рода эксплуатации и нищеты трудящихся масс.

Таковы главнейшие решения VI съезда по аграрному вопросу.

II. Решения по вопросу о крестьянском движении.

Перейдем теперь к рассмотрению решений VI съезда киткомпартия по вопросу о крестьянском движении. Бели аграрная резолюция давала общую стратегическую

установку компартии по одному из кардинальнейших вопросов китайской революции, то обсуждение вопросов о крестьянском движении имело своей целью разрешение конкретных тактических задач, встававших перед партией в связи с новой полосой освободительного движения. Коммунистическая партия Китая должна была подытожить богатейший опыт крестьянской борьбы последних лет, должна была учесть все своеобразие развития крестьянского движения. За последние годы все сильнее завязывался клубок классовых противоречий в китайской деревне. Усиливался общеэкономический кризис, особенно болезненно сказывавшийся в сельском хозяйстве. Ускорился и принял угрожающие размеры процесс пауперизации крестьян. Не прекращающиеся милитаристические войны вконец ухудшали положение крестьянских масс.

В меру обострения классовых противоречий китайской деревни, все большие массы крестьян вовлекались в освободительную борьбу, все более ожесточенный характер приобретала эта борьба. Расширялась территория революционной борьбы, повышались крестьянские требования, заострялись лозунги движения. И даже измена Гоминдана, перебежка буржуазии в лагерь реакции, на первых порах не привели к снижению крестьянского движения. Напротив, крестьянское движение продолжало развертываться, достигая местами значительных успехов. В ряде районов крестьяне захватывали и делили помещичьи земли, истребляли джентри, учреждали советскую власть. Но к моменту VI съезда общая обстановка в Китае складывалась не в пользу дальнейшего развития крестьянского движения. Подавление реакцией рабочего движения, разгром революционных центров сдерживали размах крестьянской борьбы.

Крестьянское движение выливалось в распыленные, по своему характеру, партизанские выступления, при недостаточной организации крестьянских масс и при отсутствии централизованного руководства.

Углубление и развитие крестьянской борьбы проводило известную межу между различными социальными слоями китайской деревни. Правда, опыт крестьянского движения показывал, что в борьбе против империалистического гнета, в борьбе против феодальной эксплуатации, в борьбе против милитаристов и помещиков крестьянство в основном выступало единым фронтом. Но в ходе развития аграрной революции проявлялись классовые противоречия между сельской беднотой и зажиточными слоями китайской деревни. В связи с этим партия должна была решить вопрос об отношении рабочего класса к различным прослойкам китайского крестьянства. Тактическая линия компартии в решениях VI съезда получила следующую формулировку: «Основной враг — Помещики, тухао, дженгри; опора пролетариата в деревне — беднота; середняк — крепкий союзник». При этом отмечалась несвоевременность заострения борьбы на данной стадии против кулака, чтобы не стирать острого противоречия между крестьянством и помещичьим классом.

Читателей, знакомых с постановкой Лениным вопроса об отношении рабочего класса к крестьянству при буржуазно-демократическом этапе революции, может несколько удивить решение VI съезда КПК. Известно, что Ленин ставил вопрос о союзе со всем крестьянством в борьбе против помещиков. В Китае эта формула подвергается некоторому видоизменению, благодаря известным специфическим условиям. В России кулак выступал как носитель капиталистических отношений и

противопоставлялся помещицкому классу, строящему свою экономическую мощь на применении феодальной системы эксплуатации. В Китае же кулак в меньшей мере практикует капиталистическую форму эксплуатации и в большей мере выступает как представитель той же помещицкой феодальной системы эксплуатации. Китайский кулак — это в большинстве случаев маленький помещик, прибегающий еще к более кабальным, еще более жестоким формам эксплуатации основных масс китайского крестьянства. Этим объясняется необходимость видоизменения ленинской формулы применительно к китайским условиям.

Там, где кулачество уже исчерпало своих революционных возможностей, киткомпартия должна стремиться к вовлечению кулаков в обще-крестьянскую борьбу против милитаризма, помещиков и джентри. Там, где кулачество занимает колеблющуюся позицию, киткомпартия должна преследовать задачу нейтрализации зажиточных слоев, не заостряя против них борьбы. Наконец, компартия должна сочетать борьбу против милитаристов, помещиков и всех прочих представителей феодального мира с борьбой против кулака, где он уже сейчас выступает, как реакционная сила. Поскольку главной массой, основной силой аграрной революции являются крестьянская беднота и середнячество, киткомпартия должна добиваться прочного союза этих слоев китайской деревни с рабочим классом, обеспечивая за китайским пролетариатом руководящую роль.

Таковы решения по тактической линии компартии в связи с классовой дифференциацией в китайской деревне. Перейдем теперь к выяснению отношения партии к лозунгу об уравнительном переделе земли. Нам приходилось уже

указывать, что VI съезд в качестве очередной задачи выдвинул лозунг конфискации всей помещичьей земли и передачи ее советам крестьянских депутатов. При чем там же нами указы- валось, что уравнильный передел всей земли, в том числе и крестьянской, поскольку он может затронуть интересы широких слоев среднего крестьянства, особенно в районах преобладания мелкого крестьянского землевладения, не должен выдвигаться сей- час, как первоочередной лозунг. Вместе с тем, VI съезд ЦК компартии постановил, что «в тех случаях, когда за этот лозунг стоит большинство крестьянской массы, К должна поддерживать его, потому что этот лозунг вычищает самым основательным образом все феодальные пережитки и наносит удар всей системе частной собствен- ности». И тут же VI съезд подчеркнул необходимость критического отношения к этому лозунгу с тем, чтобы не поддерживать иллюзий мелкобуржуазного социализма, связанных с этим лозунгом.

Одним из вопросов, подвергшихся обсуждению VI съезда, был вопрос об отноше- нии партии к частичным требованиям крестьянства и об увязке этих требований с пропагандой аграрной программы КПК. VI съезд вынес решение, что «в районах со слабым движением и в районах, где кро гьянское движение потерпело временное поражение — партия должна поддерживать всевозможные частичные требования, выдви- гаемые крестьянством (например, снижение арендной платы, снижение ростовщического процента, борьба против налогов), одновременно стремясь к под'ему движения иа более высокую ступень».

VI съезд отметил, что успешность дальнейшего развития крестьянского движения в значительной мере упирается в

необходимость укрепления и расширения крестьянских союзов, способных сплотить миллионные массы крестьянства и подготовить эти массы к новому революционному под'ему. На ряду с мобилизацией широчайших масс крестьянства через крестьянские союзы, партия должна усилить свою работу в массовых крестьянских организациях типа Красных Пик и Больших Ножей, в большинстве случаев находящихся под влиянием помещиков и милитаристов и, в свою очередь, способных сыграть немаловажную роль в освободительной борьбе китайского крестьянства. При усилении своей работы в крестьянских организациях компартия, согласно решениям VI съезда, должна сделать особенный упор на работу среди сельско хозяйственного пролетариата, являющегося опорой партии в деревне. Учитывая большую роль женщин и молодежи в крестьянском движении, компартия должна добиваться максимального их вовлечения в революционные организации крестьянства. Весь курс партии на усиление крестьянских организаций должен проводиться при неустанной борьбе за упрочение в этих организациях руководящей роли китайского пролетариата.

С особым вниманием VI съезд должен был остановиться на обсуждении опыта партизанской борьбы, шедшей в виду необходимости изжития ряда отрицательных тенденций, выявившихся в предшествующих партизанских выступлениях. Этот опыт свидетельствовал о том, что зачастую партизанские выступления проходили без достаточной и необходимой увязки с крестьянскими массами. Частенько массы оставались в стороне, не понимали задач партизанских действий, расценивая их как чисто-бандитские выступления. С другой стороны, в партизанском движении проявлялись, тенденции в уничтожению городов, к бесцельному разгрому имений, к

повальным убийствам и т. д. Наконец, во многих случаях недостаточная организованность и распыленность партизанских выступлений обрекала их на неизбежное поражение. Все эти моменты служили основанием для решений VI съезда, направленных в сторону максимальной организации и подготовки крестьянских вооруженных выступлений.

Сущность этих решений сводится к поддержке, углублению и сплочению крестьянского партизанского движения. Партия должна стремиться ввести его в русло организованной борьбы за советскую власть и аграрную революцию. Партия должна координировать крестьянское движение с борьбой рабочего класса в городе. Партия должна обеспечить развитие крестьянского и в том числе партизанского движения на основе требований масс, на основе максимального участия их в освободительной борьбе. В районах, охваченных партизанским движением, партия должна добиваться создания регулярных частей рабоче-крестьянской Красной армии. «Успех в этом деле может оказаться одним из решающих факторов в нарастании нового революционного под'ема».

Таковы главнейшие решения VI съезда по вопросу о крестьянском движении.

Мы видим, что эти решения, основанные на учете всего опыта предшествующей борьбы, служили ответом на все наиболее злободневные вопросы, выдвигавшиеся в новой своеобразной обстановке крестьянской борьбы. Эти решения должны были послужить делу дальнейшего сплочения и мобилизации широчайших масс китайского, крестьянства под знаменами коммунистической партии.

Ближайшие задачи китайской коммунистической партии.

Коммунистический Интернационал, 1929 г., № 11, стр. 11—20.

Китайская коммунистическая партия за последние месяцы достигла известных успехов как в деле организационного укрепления своих рядов, так и в оформлении своей политической линии. Значительную роль в этом отношении сыграл VI съезд китайской компартии и VI конгресс Коминтерна, которые дали оценку общеполитического положения в Китае и наметили главнейшие направления работы коммунистического авангарда китайского пролетариата.

Решения VI съезда ККП и VI конгресса Коминтерна послужили основой для практических мероприятий, направленных к сторону повышения боеспособности китайской компартии, большей приспособленности ее тактики к современным условиям революционной борьбы. Без риска впасть в серьезную ошибку, мы можем констатировать, что теперешнее руководство китайской партии в основном восприняло линию Коминтерна по китайскому вопросу и постепенно и последовательно проводит ее в жизнь, делая эту линию все в большей мере достоянием широких партийных и сочувствующих нам масс.

Все же, несмотря на достигнутые частичные успехи, китайской партии далеко еще не удалось преодолеть всех затруднений. В очень сильной мере еще до сих пор сказывается распыленность, дезорганизация, разобщенность членской массы. Партия далеко еще не изжила резкого ослабления своих организационных связей, явившегося в результат жесточайшей реакции и бешеного террора. На ряду с этим, в рядах партии но парализована известная идеологическая растерянность, связанная с недостаточно ясным пониманием современного политического положения и линии партии при существующих условиях. Все это в сильнейшей мере препятствует развертыванию деятельности партии.

Китайская партия стоит перед неотложнейшей задачей скорейшего преодоления всяческих идеологических шатаний, понижающих общеполитический удельный вес партии и тормозящих ее рост. И раньше всего партия должна отразить опасность, идущую из среды малодушных, наименее устойчивых членов партии, утрачивающих революционную перспективу, разочаровывающихся в своей революционной деятельности и свертывающих знамена непримиримой борьбы с империализмом и туземной реакцией. Правда, нельзя сказать, что подобного рода настроения получили сколько нибудь широкое распространение среди членов киткомпартии. Ими заражены небольшие, малочисленные прослойки. Но это ни в какой мере не смягчает необходимости настойчивой и последовательной идеологической борьбы со всякого рода ликвидаторскими взглядами. Подобного рода настроения в обстановке поражения революции, депрессии рабочего движения могут перенестись и захватить часть тех рабочих и крестьян, которые во время революционного под'ема боролись под руководством коммунистической партии.

Симптомы такого процесса имеют место в практике революционного движения в Китае. Опасность их не должна быть нами преуменьшена. Тем более, что теперешнее положение в Китае создает некоторую почву для возникновения и распространения иллюзий о возможности экономического развития Китая в рамках существующего политического строя, о возможности мирной эмансипации Китая от империалистической каббалы, о полной безнадежности наступления нового мощного под'ема революционного движения. Разгром реакцией революционных организаций, подавление массового движения, опустошение партийных рядов, произведенное с помощью жесточайшего террора, формальное объединение Китая под властью нашинских заправил, — все это воспринимается в преувеличенных тонах и порождает представление о полном и безвыходном поражении революции. С другой стороны, переоценивается частичное экономическое оживление, наступившее в условиях некоторого затишья гражданской войны. И здесь эта переоценка создает иллюзии о капиталистическом стабилизации в Китае, о начале мирного здорового экономического развития, снимающего с порядка дня новые революционные потрясения. Наконец, всерьез принимаются всякого рода обещания империалистических держав признать таможенную автономию и, в лице нанкинского правительства, национальную и государственную независимость Китая.

Неправильное, извращенное представление о международном и внутреннем положении Китая приводит к совершенно ложным и опасным для судеб партии выводам, исключаящим новый неизбежный под'ем революционной волны в Китае.

Для преодоления такого рода настроений китайская коммунистическая партия должна со всей тщательностью анализировать и разъяснять членской массе действительное, не прикрашенное и не затуманенное буржуазной шумихой положение дел, складывающееся в настоящее время в Китае. 15 самом деле, дают ли новые факты экономического и политического порядка какие-либо основания для пессимистических, ликвидаторских выводов? Но нашему мнению, ни в какой мере. В справедливости этого утверждения нетрудно убедиться даже при самом беглом освещении современного состояния Китая.

Начнем с экономического положения. Было бы неправильным отрицать экономическое оживление, особенно заметное на фоне предшествующей экономической разрухи. Но мало констатировать этот факт, нужно проследить, по какой линии и в каком направлении идет это оживление. С одной стороны, оно сказывается в повышении по сравнению с 1927 г. оборотов внешней торговли, достигших к 1928 году уровня внешней торговли 1926 года. С другой стороны, это оживление идет преимущественно за счет предприятий, принадлежащих иностранному капиталу. Национальная китайская промышленность не только не дает заметного роста, но, напротив, мы имеем не мало оснований говорить о все большей «денационализации» китайского промышленного капитала, о переходе ряда китайских предприятий в руки иностранных капиталистов. Как мало все эти факты свидетельствуют об индустриализации Китая, о каком либо переломе в деле промышленного развития этой страны, можно усмотреть хотя бы уже в том что возросший внешний оборот идет за счет предметов питания и продуктов фабричного иностранного производства,

обслуживающих широкое потребление. Ввоз машин в 1928 г. упал даже по сравнению с ничтожными цифрами 1927 г.

Наконец, давая оценку экономического положения Китая, нельзя умолчать о состоянии сельского хозяйства, играющего в этой стране доминирующую роль.

Известно, что сколько-нибудь существенное и заметное развитие производительных сил в Китае, и промышленности в том числе, возможно лишь при условии расширения внутреннего рынка, лишь при условии ликвидации всякого рода остатков и пережитков феодальных отношений, опутывающих в настоящее время китайское село и тормозящих общий экономический рост. Достигла ли в этом направлении! китайская реакция хоть как-либо успехов? Нет, никаких. Даже такая полумера, как частичное снижение арендной платы, декларированная под напором революционной волны в 1927 г., в настоящее время была отменена. Иначе и не могло быть. Преобладающие прослойки китайской буржуазии всеми нитями связаны с землевладением, со всей системой феодальной эксплуатации. И они не могут и не хотят даже половинчатого частичного разрешения аграрного вопроса. Тем более это не входит в планы нанкиннского правительства, представляющего собой помещичье-буржуазный блок, действующий под сурдинку империалистических держав.

А неспособность и нежелание нанкинских заправил провести аграрную реформу, имеющую хоть сколько-нибудь существенное значение, запутывает все в большей мере в китайской деревне узлы противоречий, неразрешимых в рамках существующего строя. Переживаемый сельским хозяйством кризис не только не ослабляется, а все больше

обостряется, угрожая общим распадом сельскохозяйственной экономики.

Нельзя ведь признать случайным явлением постигший сейчас в ряде провинций неурожай. Этот недород является результатом хищнического ограбления крестьян помещиками, милитаристами и ростовщиками, результатом запущения ирригационных сооружений. А этот недород обрекает сейчас на голод и вымирание до 20 миллионов человек. Понятно, что хронический кризис сельского хозяйства не может не отразиться на общем состоянии всей китайской экономики.

Таково положение с китайской экономикой. Но может быть китайской буржуазии удастся расширить внутренний рынок, если не за счет разрешения аграрного вопроса, то за счет ослабления конкуренции иностранных товаров? Может быть, китайской буржуазии удалось добиться таможенной автономии и с помощью ее противодействовать натиску иностранных изделий? Может быть, по этой линии создались какие-либо благоприятные предпосылки развития китайской промышленности? Факты, которыми мы располагаем, и здесь не дают оснований для каких-либо перспектив самостоятельного развития китайского промышленного капитала.

Правда, некоторые империалистические державы бросают ничего не стоящие обещания о признании таможенной автономии Китаю. Правда гоминдановские верхи на этом основании трезвонят на все лады о начале новой эры мирной эмансипации Китая от господства иностранного капитала. Но весь этот шум и трескотня, способные кое-кого поймать на удочку, ни в какой мере не соответствуют действительному положению дел. Все

разговоры о таможенной автономии свелись, в конце концов, к новому тарифному соглашению. А если мы внимательно просмотрим новый таможенный тариф, вступивши в силу с 1 февраля 1929 года, мы не увидим в нем ничего нового, существенного с точки зрения потребностей развития национальной промышленности.

Характерно, ведь, что новый таможенный тариф не предусматривает повышения ввозных пошлин для бумажной мануфактуры, хлопчатобумажной пряжи, цемента, угля, спичек, бумаги. Сохранение прежнего тарифа по этим товарам достаточно красноречиво свидетельствует о том что новый таможенный тариф вовсе не преследует своей целью ограждение молодой китайской промышленности от конкуренции иностранных товаров. Но этот тариф даст увеличение ежегодных доходов нанкинского правительства, К этому сводится весь его смысл. Трудно пока установить размеры этих дополнительных поступлений. По первоначальным, очевидно преувеличенным, сообщениям, они должны были выразиться в 90 миллионов таэлей. Последующие сведения указывали на более скромную цифру, приближающуюся уже только к 30 миллионам таэлей. На деле в распоряжение нанкинского правительства, по всей видимости, будут поступать значительно меньшие суммы уже хотя бы потому, что Япония недвусмысленно добивается погашения старых необеспеченных займов за счет дополнительных таможенных доходов. Мы видим, таким образом, что ни о какой таможенной автономии говорить не приходится. Новые незначительные надбавки таможенного тарифа не представляют сколько-нибудь существенных преимуществ китайской промышленности, не устанавливают протекционистской системы. Все широко и громко-вещательные разговоры и обещания

империалистов, раздуваемые реакционной прессой, но сути сводятся к небольшой подачке, поддержке, которую иностранные державы в своеобразной форме оказывают нанкинскому правительству. За 30 миллионов серебряников ианкйнское правительство продает национальную независимость Китая международному империализму, сохраняющему и закрепляющему свои господствующие позиции в Китае.

Еще более жалкие результаты достигнуты нанкинским правительством по вопросу о пересмотре неравноправных договоров. Международный империализм в результате поражения революции не ослабил, а усилил свой зажим национальной и государственной независимости Китая. Совершенно не верной является при этом ссылка на Соединенные Штаты Северной Америки, которые будто бы всерьез идут навстречу полной самостоятельности Китая. Национальная китайская буржуазия действительно возлагает подобные надежды на американский капитал. Она сеет ИЛЛЮЗИИ, ИЛЛЮЗИИ, ЧТО ЧТО Соединенные Штаты бенечат самостоятельное капиталистическое развитие Китая. Очевидно, что эта буржуазная фразеология захватывает и некоторых наших китайских товарищей, когда они утверждают, что «основная политика Соединенных Штатов к Китаю прямо противоположна политике Англии и Японии».

Мы не имен оснований считать политику американского капитала менее империалистической по отношению к Китаю, чем политику английского или японского.

Опираясь на свою экономическую мощь, Соединенные Штаты могут прибегать к белен утонченным методам империалистической агрессии, затушевывая ее всякого

рода либеральными фразами. На этот путь Америка толкается еще тем обстоятельством, что она не имеет в Китае подобно Англии и Японии своей территориальной сферы влияния.

Она добивается поэтому финансово-экономически и дипломатически подчинить себе нанкинское правительство, превратив весь Китай в сферу своего влияния. Поэтому империалистической политике Америки вовсе не противоречит известная консолидация центрального правительства при условии превращения его в послушное орудие американского капитала. Эта политика, завуалированная лицемерной либеральной словесностью, конечно, своим результатом будет иметь еще большее колониальное порабощение Китая и еще большую утрату Китаем возможности самостоятельного экономического и политического развития.

Подведем предварительные итоги. Мы констатировали отсутствие даже первоначальных шагов в решении аграрной проблемы. Мы отмечали, что и но пиши взаимоотношения с империалистическими державами не достигнуты никакие сколько-нибудь существенные успехи. А это имеет решающее значение при определении перспектив последующего экономического и политического развития Китая. Неразрешимость основных противоречий, породивших китайскую революцию, и невозможность разрешения этих противоречий мероприятиями господствующих в Китае классов со всей исторической непреложностью предопределяет неизбежность нового революционного под'ема. Сохранение империалистической кабалы так же, как и сохранение феодальных пережитков в китайской деревне

обрекают эту страну на перманентный экономический кризис.

Этим мы не хотим сказать, что китайская экономика осуждена на полный застой.

Мастичное развитие производительных сил даже в этих условиях будет происходить.

Но оно будет совершаться мучительно медленно и в чрезвычайно уродливых формах.

На широкую столбовую дорогу самостоятельного и всестороннего развития производительных сил Китай выйдет, лишь ликвидировав господство иностранного капитала и расчистив китайскую деревню от феодальных пережитков. А пока китайской промышленности придется пробираться на извилистой и все суживающейся тропинке, сдавливаемой, с одной стороны, скалами иностранной конкуренции, а с другой—густой порослью феодальных пут.

Ставя дальнейшие перспективы развития китайской промышленности в зависимость от решения проблемы внутреннего рынка, мы указывали, что этот рынок не расширился для китайской промышленности ни за счет ослабления иностранной конкуренции, ни за счет повышения покупательной способности масс, ни за счет разрешения аграрного вопроса. Уместно обсудить эту проблему еще, с другой стороны.

Может быть, китайской буржуазии удалось «упорядочить» даже тот внутренний рынок, которым Китай сейчас располагает? Может быть, удалось под властью нанкшгкото правительства действительно объединить вею

страну, достигнуть полного государственного единства и покончить с экономической раздробленностью Китая? Не нужно быть особенно проницательным, чтобы и на этот вопрос ответить отрицательно.

Установление подлинного государственного единства является совершенно не осуществимой задачей для китайской буржуазии и гоминдановского правительства, Объединенне Китая, установление государственной самостоятельности предполагает раньше всего полное уничтожение империалистической кабалы. Понятно, что эта задача может быть решена лишь в результате победоносной рабоче-крестьянской революции.

Правда, нанкинское правительство является сейчас как будто общекитайской властью. Но это лишь внешний признак. По существу нанкинское правительство лишь на словах и формально представляет собой общекитайскую власть. Действительного объединения страны оно не добилось. Как в Манчжурии, так и в других провинциях местная власть фактически сосредоточена в руках отдельных милитаристов, ничем не отличающихся от прежних дудзюнов и совершенно не зависимых от центрального правительства. Как и Чжан Сюэ-лян, так и Ян Си-шан никому, не позволяют вмешиваться в дела своих вотчин. Фын Юй-сян, Бай Сун-чи и другие китайские милитаристические властители крепко охраняют подвластные им провинции от каких бы то ни было посягательств нанкинского центра. Справедливость требует отметить, что нанкинское правительство не особенно переоценивает свою роль, там где дело касается не газетной декларативной трескотни, а связано с практическим государственным руководством отдельными провинциями. Послушайте хотя бы нанкинского министра финансов Суп

Цзы-вся и его замечательные пояснения к проекту упорядочения финансов, представленного им на V пленуме гоминдана и свидетельствующего о полной беспомощности центрального правительства: «Я говорю здесь об объединении финансов не до той крайней степени, которая была бы неприемлемой для провинций, не говорю о неосуществимых вещах, не ставлю своей целью только напугать всех. Я говорю о минимуме этого финансового объединения, об объединении в самых узких рамках».

Это признание достаточно красноречиво свидетельствует о том, что государ-ственное единство Китая — пока что фикция, что отдельные милитаристы попрежнему самостоятельно правят различными районами и провинциями Китая. Оно и понятно.

Так будет продолжаться до тех пор, пока не будет покончено с экономической раздробленностью страны, пока с корнем не будут ликвидированы полуфеодалные отношения, порождающие китайский милитаризм, пока не будет уничтожено господство империализма, поддерживающего и использующего в своих интересах отдельные милитаристические клики.

Мы видим таким образом, что и по этой линии основные задачи буржуазно-демократической революции в Китае, тесно связанные между собой, ни в малейшей степени не разрешены. И они совершенно не разрешимы для господствующего, в лице нанкинского правительства, помещичье-буржуазного блока. Основные противоречия, раздирающие китайскую экономику и проявляющиеся на политической поверхности, заостряются во все большей мере. Мы не видим, поэтому, никаких оснований пересматривать соответствующие решения

Коммунистического Интернационала и VI съезда китайской коммунистической партии, устанавливавших неизбежность нового более широкого и более мощного революционного под'ема. Факты экономического и политического положения Китая за последние месяцы ни в малейшей степени не опровергают, а только подтверждают эту перспективу. Понятно, что в таких условиях на китайскую коммунистическую партию ложится трудная и ответственная задача по подготовке масс к новому под'ему революции. Среди членов партии уныние, разочарованность, утрата революционной перспективы не должны находить себе место. Подобного рода настроения, совершенно не оправдываемые обстановкой, должны быть решительно преодолены. Партия должна сплотить свои собственные ряды, укрепить свое влияние на трудящиеся массы, охватить в первую очередь своим руководством промышленный пролетариат, подготавливая трудящиеся массы к свержению реакционного помещичье-буржуазного блока. При наступлении революционного кризиса от степени подготовки и объединения масс, от крепости и широты влияния коммунистического авангарда будет зависеть исход предстоящих решительных классовых битв. Члены партии не должны упускать ни одной минуты, не должны упускать ни одного благоприятного случая в деле организации и мобилизации масс под знаменами коммунистической партии.

Даже если предположить более или менее продолжительный интервал между двумя волнами, если даже считаться с возможностью относительно длительной отсрочки будущего революционного под'ема в Китае, то и тогда этот промежуточный период не будет полосой мирного и спокойного экономического и политического развития Китая.

И в этом случае потрясения экономической и политической жизни будут более или менее постоянным явлением. Голод и пауперизация крестьянских масс, сопутствующие углубляющемуся аграрному кризису, будут порождать даже в этот период немало конфликтов между основными массами крестьянства и сидящими на их шее эксплуататорскими слоями. Обнищание городских масс, чудовищная эксплуатация китайских пролетариев, неизбежные кризисы отдельных отраслей китайской национальной промышленности — будут обострять противоречия между капиталом и трудом.

Усиленное давление империалистического прессы будет вызывать соответствующее противодействие со стороны трудящихся масс. Наконец, на политической арене Китая молено будет наблюдать не одно еще вооруженное столкновение между конкурирующими милитаристами. Короче говоря, меньше всего обстановка будет походить на мирную и спокойную. Задача партии не покладая рук использовать каждый конфликт для расширения своего влияния. Нельзя упускать ни одного случая насилия между международным империализмом, ни одного столкновения между капиталистами и рабочими, ни одного конфликта между помещиками и крестьянами, между солдатами и офицерами. Все эти случаи должны быть использованы партией для углубления ненависти к международному империализму, для расширения массового движения.

При этом совершенно необходимым является использование всяческих легальных возможностей для революционной работы среди масс. Но здесь партия должно избегать другой опасности, которая в практике современной борьбы начала выкристаллизовываться и которая сводится у отдельных товарищей к чрезмерному

увлечению легализмом. Эти товарищи под видом приспособления своей работы к новым объективным условиям скатываются к отказу от старых коренных задач освободительной борьбы. Раздаются, правда, пока отдельные голоса, настаивающие «на снижении политических лозунгов партии» с целью максимального использования легальных возможностей. В том же духе отдельные товарищи советуют «избегать революционной критики существующей правительственной системы», мотивируя это нежеланием преждевременно возбуждать и вооружать против себя правительственные органы.

С другой стороны, попытки выпрямления их линии, как и критика их деятельности со стороны подпольных партийных организаций, расцениваются как «несоответствующая реальным условиям», как «непрактичное и неудобное вмешательство», как «ненужное торможение практической работы». При своем развитии подобного рода настроения неизбежно приведут к отказу от коммунистического руководства, к принижению роли нелегальной партии, к отрешению от коренных задач революционной борьбы, к ликвидаторскому приспособлению к теперешним условиям работы. Изменяя формы и методы работы сообразно с новыми условиями, партия не должна урезать своих основных лозунгов, должна укреплять нелегальные свои организации, должна повышать свой авторитет и свое руководящее влияние. А для этого она должна, со всей решительностью преодолеть легалистские тенденции, граничащие с прямым ликвидаторством.

Естественно, что подобного рода ликвидаторские настроения находятся в прямой связи с явлениями разочарованности, утраты революционной перспективы, о

чем мы говорили в начале статьи. Как мало они ни были бы распространены среди членов партии, необходимость максимально быстрого их изжития диктуется всей логикой и опытом классовой борьбы. Это тем более настоятельно в дози с тем, что эти настроения подкрепляются отрывками прежней хвостистской политики по отношению к гоминдану.

Дело в том, что «правящая» сейчас в Китае гоминдановская партия на ряду с бешеным террором против коммунистов, на ряду с жесточайшим подавлением всяких попыток революционной борьбы рабочих и крестьян, немало стараний направляет на овладение своим влиянием значительных масс мелкой буржуазии и рабочего класса.

Гоминдан, используя тяжелую обстановку работы компартии, используя всю мощь государственного аппарата, не без успеха пока что сеет иллюзии о готовности его бороться против империализма за национальную свободу, о готовности его рядом со-циальных мероприятий облегчить положение рабочих и Крестьян. С этой целью разрабатываются Проекты созыва национального собрания, законопроект министра труда нанкинского правительства о социальных реформах, предполагающих сокращение рабочего дня и участие рабочих в прибылях, издаются декреты социального бюро шанхайского муниципалитета. Понятно, что все эти проекты являются словесной шелухой, лицемерной болтовней, которой никогда не суждено воплотиться в жизнь. Но это не исключает того, что на некоторое время гоминдану удастся среди мелкой буржуазии и рабочего класса найти людей, искренно заблуждающихся ролью гоминдана и идущих у него на поводу. Даже среди одиночек коммунистов можно

наткнуться на такого рода заблуждения, обрекающих этих коммунистов на капитулянтскую политику по отношению к гоминдану. Так отдельные коммунисты считали необходимым поддержать лозунг гоминдана о так называемом национальном собрании. Из уст других можно было услышать призыв о том, что «не надо расшатывать лозунги гоминдана».

Не преодолев подобных хвостистских настроений, китайская коммунистическая партия не может развернуть решительной борьбы против гоминдана. А это далеко не второстепенная задача, Ликвидация империалистического господства, как и уничтожение остатков феодализма — решение этих основных задач начального этапа китайской революции немислимо без свержения власти гоминдана, связавшего свою судьбу с международным империализмом и китайской реакцией. А подготовка масс к свержению гоминдановского помещичья-буржуазного блока предполагает самое решительное разоблачение политики гоминдана, самоотверженную борьбу со всякого рода ИЛЛЮЗИЯМИ. распространяемыми нашшнекими заправилами.

Отмеченные нами ошибки отдельных китайских коммунистов имеют общую подоплеку и отражают буржуазные веяния, привнесенные даже в коммунистическую среду.

Утрата революционной перспективы, легализм, скатывающийся к откровенному лик-видаторству. гоминдановский хвостизм — все это правые оппортунистические ошибки, пропитанные затхлым запахом реформизма. Как бы мало ни были распространены эти настроения, все же они сигнализируют о все большем

возрастании правой опасности внутри китайской коммунистической партии. Цену подобного рода оппортунистическим колебаниям китайская партия достаточно усвоила на опыте истекших классовых боев, особенно в критические дни китайской революции. Не сомневаемся, что партия сумеет во-время предупредить эту опасность, не даст ей распространиться и парализует ее с самых начальных зародышевых форм. Огнем самокритики китайская партия сумеет во-время вытравить оппортунистические шатания в своих рядах и сможет оказать им достаточное сопротивление среди социально-близких нам масс.

Борясь против правой опасности, китайская партия в то же время не должна прекращать систематической работы по преодолению «левых» уклонов, далеко еще не изжитых особенно низовыми организациями. Пережитки «левых» болезней сказываются в прорывающихся то там, то здесь пугачистских прожектах, правда, не реализуемых ни объективным причинам. Отдельные коммунисты, проявляя революционное нетерпение, ориентируются на слишком быстрое нарастание нового иода революции, переоценивая силу и глубину разложения контрреволюционного лагеря. Они строят поспешные заключения о том, что положение гоминдановского правительства уже «значительно пошатнулось» и что «реакционная власть еще скорее пойдет по пути к полному расшатыванию и развалу». Подобная переоценка темпа назревания нового иода революции приводит к выдвиганию лозунгов в роде: «Бей тухао, джентри, помещиков». А в некоторых циркулярах даже последнего времени мы находим такого рода призыв: «Все должны встречать новый год в домах джентри, тухао, помещиков».

Эти «левые» выкрики вряд ли способствуют повышению авторитета партии, вряд ли укрепляют доверие к коммунистическому руководству.

С другой стороны, «левый» уклон находит сейчас свое выражение в «нежелании вести ежедневную подготовительную экономическую и политическую борьбу», в «непризнании целесообразности борьбы за частичные лозунги». Нечего говорить, что подобное непонимание всей важности массовой работы и профработы в первую очередь, непонимание необходимости правильного революционного использования легальных возможностей создают для партии чрезвычайно серьезную угрозу отрыва ее от широких трудящихся масс. Задача завоевания и революционизирования трудящихся масс останется на бумаге, не будет реализовано, пока партия не ликвидирует этой угрозы своего отрыва от широких слоев рабочих и крестьян. Непригодность и неумение отдельных коммунистов вести в усложнившейся обстановке трудную и кропотливую работу среди трудящихся не должны оставаться препятствием к завоеванию масс — этой основной задачи киткомпартии. Эта задача должна быть осознана и реализуема всеми членами коммунистической партии.

В этой борьбе за массы партия должна учесть особенно важное значение антиимпериалистической борьбы, благодаря специфическим особенностям китайской революции. Еще VI съезд китайской коммунистической партии подчеркивал, что чрезвычайно большой ошибкой является недооценка антиимпериалистического движения и отказ от борьбы за руководящую роль в нем». Между тем китайская партия не уделяет этому движению до сих пор.

достаточного внимания. Не так давно мы были свидетелями заметного роста антиимпериалистического движения в связи с оккупацией Японией части Шаньдунской провинции. Партия не вмешалась достаточно активно в этот процесс. Последние месяцы отмечены довольно серьезным антияпонским движением в Ханькоу. И здесь партия не использовала всех возможностей.

Правда, движение в Ханькоу инспирируется в известной мере англичанами и вдохновляется определенной прослойкой китайской буржуазии. Питать большие иллюзии по-поводу результатов такого движения не приходится. Отдельные фракции китайской буржуазии, связанные с тем или другим иностранным капиталом, могут поднимать в соответствии с интересами этого капитала мнимое антиимпериалистическое движение против конкурирующей иностранной державы. При этом не исключены попытки буржуазии, при условии сохранения своего руководящего влияния, вовлечения части трудящихся масс в эту мнимую антиимпериалистическую борьбу. Конечно, буржуазия будет душить всякую антиимпериалистическую борьбу, в которой массы будут проявлять свою самостоятельность, выходя за рамки закулисных планов национальной буржуазии. Понятно, что даже при таком положении компартия не должна оставаться в стороне, не должна быть немым зрителем буржуазных затей. Вспомним, что Ленин говорил после поражения революции 1905 г. об использовании борьбы между различными фракциями буржуазии, об использовании конфликтов между либералами и черносотенными помещиками. Недооценку подобного рода явления в процессе нарастания нового революционного под'ема Ленин называл «настоящим меньшевизмом наизнанку».

«Опыт русской революции, как и опыт других стран, неопровержимо свидетельствует, что когда есть налицо объективные условия глубокого политического кризиса, то самые мелкие и наиболее, казалось бы, удаленные от настоящего очага революции конфликты могут иметь самое серьезное значение, как повод, как переполняющая чашу капля, как начало поворота в настроении и т. д.» (Ленин, Собр. соч., т. XI, ч. 1, стр. 162).

При условии «прогрессирующего накопления горячего материала» мнимая буржуазная антиимпериалистическая борьба в Китае тоже «может оказаться началом событий, идущих неизмеримо дальше» мелких конфликтов между китайской буржуазией и иностранным капиталом. Партия, конечно, не должна этим конфликтам придавать «самодовлеющее значение», не должна приспособляться к чисто-буржуазным затеям. Но «партия руководящего во всей освободительной борьбе класса безусловно обязана использовать все и всяческие конфликты, разжигать их, расширять их значение, связывать с ними свою агитацию за революционные лозунги, нести в этих конфликтах в широкие массы, побуждать их к самостоятельным и открытым выступлениям со своими собственными требованиями и т. д.» (Ленин, том же, стр. 163.).

И в Китае коммунистическая партия должна добиваться вовлечения широчайших масс в антиимпериалистическую борьбу, должна отстаивать самостоятельность масс, в этом движении, должна бороться за свое руководящее влияние, не брезгая использовать как повод мнимо-оппозиционную борьбу китайской национальной буржуазии. При этом компартия должна со всей решительностью разоблачать контрреволюционную сущность национального реформизма, должна сочетать антиимпериалистическое

движение с борьбой против гоминдана, ставшего пособником империалистической политики в Китае.

На ряду с повышением своей активности в антиимпериалистическом движении, партия должна развить более серьезную работу по завоеванию масс, должна усилить свою деятельность в массовых организациях и в первую очередь в организациях, объединяющих рабочий класс. Партия не в состоянии будет сыграть руководящую роль в китайской революции, если она не охватит своим влиянием массы рабочего класса, если она не закрепит этого влияния, если она не овладеет целиком профессиональным движением. В этой связи нам хотелось бы остановиться на явлениях, связанных с расширением стачечной борьбы и ростом желтых реформистских союзов. По неполным данным за последний год количество участвующих в стачках достигло 200 тысяч человек, при чем эти забастовки преимущественно носили стихийный характер. Эти факты свидетельствуют о некотором переломе в настроении рабочих масс в сторону изживания состояния депрессии. Конечно, не следует переоценивать эти явления. Но все же бесспорно они открывают более благоприятные, нежели раньше, возможности для работы коммунистической партии. Начало частичного перелома в настроениях рабочего класса должно активизировать и стимулировать деятельность киткомпартии среди китайского пролетариата. Серьезность этой работы усугубляется еще благодаря возросшей роли реформистских желтых союзов, пытающихся овладеть профессиональным движением и подвести его под дирижерскую палочку нанкинского гоминдана. На ряду со свертыванием под давлением жесточайшего террора революционных профессиональных организаций, желтые союзы растут как численно, так и в смысле охвата

значительных прослоек рабочего класса. Поэтому китайская партия должна обратить больше внимания на эту сторону работы. Партия должна приложить максимальные усилия к восстановлению и укреплению классовых революционных профсоюзов. Вместе с тем, борясь против гоминдановского профсоюзного фашизма, партия должна усилить деятельность своих членов внутри этих желтых объединений. Большинство рабочих этих организаций должно быть завоевано коммунистической партией. Партия должна бороться за полную профсоюзную демократию, за свободное избрание руководящих органов в желтых союзах. В профсоюзной работе партии особенно важное значение приобретает сейчас стачечная борьба. Партия должна организовать их под своим руководством, разоблачая соглашательскую и предательскую роль желтых вождей. Профсоюзы, как и отдельные предприятия, должны стать крепостями коммунистической партии.

* * *

Подведем итоги. Мы не касались в нашей статье целого ряда направлений и работе китайской коммунистической партии. Мы не говорили о таких само собой разумеющихся задачах, как об организационном оформлении и сплочении партийных рядов, о вооружении партии марксистско-ленинской теорией, без чего немислимо осуществление пролетарской гегемонии, без чего невозможна победа китайской революции. Мы также не затрагивали настойчивую потребность для партии развернуть более серьезную кампанию против новых политических образований, в роде группы-ровок Тан Пин-сяня и Чен Гун-по. В нашу задачу не входило исчерпать все многочисленные и разнообразные задачи, которые стоят сейчас перед коммунистическим авангардом китайского

пролетариата. Нам хотелось сосредоточить внимание на тех главнейших задачах, которые возникают как в связи с общеполитическим положением, так и в соответствии с новыми явлениями во внутривнутрипартийной жизни китайской компартии.

В этой связи нами подчеркивалась все возрастающая опасность правых оппортунистических уклонов среди отдельных китайских коммунистов. VI конгресс Коминтерна, выдвигая перед всеми своими секциями правую опасность как основную, в то же время отмечал исключительное положение китайской партии, где к тому времени «левые» уклоны представляли главнейшую угрозу. За это время положение существенно изменилось. «Левые» уклоны потеряли в известной мере почву и утратили свою первоначальную остроту, а правые колебания стали все заметнее проявляться в партийной практике последних месяцев. Оппортунистические ошибки не выросли пока что в стройную законченную систему, но уже сейчас они являются серьезнейшим препятствием в развертывании партийной деятельности. Они находят свое выражение в неправильной оценке общеполитического положения, в искривленном освещении роли буржуазии и гоминдана, в неверном применении тактики использования легальных возможностей, в принижении роли рабочего класса и нелегальных организаций коммунистической партии. Они дополняются соответствующими же оппортунистическими ошибками в крестьянском вопросе, о чем уместно будет поговорить в специальной статье. Неудивительно поэтому, что Коминтерн в последнем документе по китайскому вопросу, в своем письме в ЦК ККП, указывал на правый уклон «как на особенно опасный при данных обстоятельствах».

Нелегальные условия работы китайской компартии усугубляют эту растущую правую опасность. Если, скажем к примеру, германская партия через печать, через созыв специальных совещаний или другими способами может осуществлять систематическое руководство в деятельности коифракций или отдельных коммунистов, может выпрямлять ошибочную линию отдельных своих членов, то в Китае подобного рода руководство натывается на целый ряд об'ективных затруднений. Вот почему партия сразу же методами идеологического воздействия должна предотвратить правую опасность не должна допустить ее дальнейшего развития, помня о тяжелых последствиях прежней оппортунистической практики. Мы имеем все основания полагать, что теперешний Центральный Комитет партии, как и все активисты партии, последовательно проводящие решения Коминтерна и с'езда партии, реализуют и этот совет и тем самым оградят партию от вредных оппортунистических колебаний.

Крестьянский вопрос в Китае.

Коммунистический Интернационал, 1929 г., № 28, стр.
40—47.

Нет необходимости доказывать исключительную важность правильного решения крестьянского вопроса китайским пролетариатом в его борьбе за утверждение своей гегемонии. В ряде документов Коммунистический Интернационал подчеркивал ту бесспорную истину, что аграрная революция является осью китайской революции. Понятно, что это положение обязывает китайскую компартию к самому тщательному исследованию всех процессов, происходящих в сельском хозяйстве, обязывает ее к активизации своей роли в крестьянском движении, к установлению ясной и четкой тактики по отношению к различным социальным слоям китайской деревни. Как раз факты последнего времени свидетельствуют о том, что для некоторой части китайских партийцев недостаточно ясна тактика партии в крестьянском вопросе. Ошибки, допускаемые этими товарищами, чреваты серьезными последствиями. Это понуждает нас высказать некоторые соображения как о перспективе крестьянского движения, так и о тактике партии в крестьянском вопросе в современной обстановке революционного движения в Китае.

Начнем с краткой оценки теперешнего положения китайского сельского хозяйства. Анализируя общее состояние китайской экономики, нельзя не прийти к выводу

о растущем кризисе сельского хозяйства. Этот кризис вызывается рядом причин, часть из которых действует уже довольно продолжительное время, а некоторая часть сказывается лишь в последние годы. Подрыв международным империализмом старейших сельскохозяйственных китайских культур (чай, шелк), хищническое ограбление крестьян помещиками, милитаристами, ростовщиками, запущение ирригационных сооружений, все большее разрушение производительных сил сельского хозяйства приводят к огромным по своим размерам недородам и к связанным с ними голодовкам. Тяжелый и затяжной кризис сельского хозяйства предопределяет непрерывное ухудшение положения основных масс крестьянства, их все большую пауперизацию.

Китайская реакция совершенно не в силах задержать эти процессы, не в силах ослабить переживаемый сельским хозяйством кризис. Известно, что сколько-нибудь существенное и заметное развитие производительных сил сельского хозяйства в Китае возможно лишь при условии ликвидации всякого рода остатков и пережитков феодальных отношений, опутывающих в настоящее время китайское село и тормозящих общий экономический рост этой страны. Известно также, что в этом направлении китайская реакция не достигла никаких успехов. Это понятно. Преобладающие прослойки китайской буржуазии всеми штырями связаны с землевладением, со всей системой феодальной эксплуатации. Помещичьо-буржуазный блок в лице нанкинского правительства доказал свою неспособность и нежелание даже половинчатого, частичного разрешения аграрного вопроса.

Правда, паикииское правительство сейчас готовит некоторые аграрные реформы. Этим делом занята сейчас комиссия под председательством Ху Хан-мипа. Но несомненно, что эти реформы являются лишь фактором, ухудшающим положение основной массы крестьянства. И трудно предугадать, что вся тяжесть проектируемого нового земельного налога будет переложена на плечи крестьянской бедноты (арендаторов и полуарендаторов). С другой стороны, так же несомненно, что предполагаемая скупка земли по назначаемой правительством цене превратится в руках командующих классов в новое орудие экспроприации мелкого самостоятельного крестьянства. Во всяком случае гоминдановские проекты в смысле некоторой отдушины для развития капитализма не сыграют даже роли столыпинских аграрных реформ в России, они в какой мере не будут способствовать ослаблению сельскохозяйственного кризиса и, скорее всего, если им и суждено осуществиться, они сведутся к пересмотру земельного налога и послужат лишь средством еще большего разорения и закабаления крестьянских масс.

Неспособность и нежелание нанкинских заправил провести аграрную реформу, имеющую хоть сколько-нибудь существенное значение, запутывает все в большей мере в китайской деревне узлы противоречий, неразрешимых в рамках существующего строя. И вся практика гоминдановской крестьянской политики сводится к усилению экономического нажима на крестьянство при сохранении его полного политического бесправия. В самом деле, торжество теперешней китайской реакции означало для крестьян — усиление налогового гнета, новые дополнительные сборы (производимые джептри и помещиками на содержание минтуаней), карательные отряды, жестокие репрессии, так называемые «чистки

деревень» и т. д. Такого рода практика совершенно разрушает какие бы то ни было иллюзии насчет возможности смягчения сельскохозяйственного кризиса и роста благосостояния крестьянских масс при сохранении власти в руках буржуазно-помещичьего блока.

А ухудшение экономического и политического положения крестьянских масс на фоне растущего сельскохозяйственного кризиса неизбежно будет усиливать классовую борьбу в китайской деревне, будет углублять и обострять конфликты между основными массами крестьянства и сидящими на их шее эксплуататорскими элементами, будет создавать предпосылки нового мощного под'ема крестьянского движения, будет стимулировать рост крестьянских организаций, будет способствовать быстрому революционизированию широчайших масс крестьянства.

Такого рода перспектива уже сейчас находит свое подтверждение в непрекращающихся крестьянских выступлениях, имеющих место в разных провинциях Китая.

Мусульманское крестьянское движение в Гапсы приобрело по своему размаху весьма, серьезное значение. Возобновляется активность «красных пик», «малых ножей» и др. тайных и мистических организаций в деревне. Партизанские отряды Мао Дзс-дуна и Джу Дэ, несмотря на неоднократные попытки их подавления со стороны реакции, не только сумели сохранить свои кадры, но за последнее время достигли известных успехов в провинции Фудзян. Вооруженные выступления крестьян происходят и в других местах. Так, в марте этого года вспыхнуло крестьянское волнение под габо в провинции Чжецзян, в местечке Цзыбей, охватившее до 70000 крестьян. Поводом

к этому восстанию было возмущение крестьян против новых налогов. В апреле в провинции Гуандун, в уезде Фынчун, вновь разгорается крестьянская борьба, в результате которой в целом районе из 7 сел утверждается советская власть. Необходимо отметить, что даже в непосредственной близости к Шанхаю не так давно прокатились серьезные крестьянские восстания. Несмотря на то, что значительная часть этих выступлений возглавляется реакционными элементами, это ни в какой мере не должно притуплять активность партии, а, наоборот, обязывает ее к более решительной борьбе за овладение руководством этих стихийных, об'ективно-революционных движений крестьянства за землю и против милитаристских поборов.

Мы не хотели бы быть понятыми таким образом, что все приведенные нами факты свидетельствуют о уже наступившем мощном под'еме революционной волны и крестьянского движения, в частности. Нет, такой вывод не соответствовал бы действительному положению. Указывая на все эти факты, нам хотелось этим самым лишь подчеркнуть, что перед китайской компартией попрежнему сохраняется чрезвычайно благоприятная перспектива для работы среди эксплуатируемых масс крестьянства. Партия должна использовать эту об'ективную обстановку для пропаганды своей аграрной программы, для восстановления революционных организаций крестьянства, для подготовки к грядущему под'ему революции, для мобилизации масс под знаменами непримиримой борьбы с империализмом и китайской реакцией, для разоблачения Гоминдана, обрекающего огромное большинство крестьянства на вымирание, нищету, разорение в интересах помещичьего землевладения.

Но успешная борьба партии за завоевание крестьянских масс невозможна без установления правильного отношения к различным социальным слоям китайской деревни. И здесь нам в первую очередь приходится поставить вопрос о тактике по отношению к кулаку, поскольку именно в этом вопросе некоторые китайские товарищи допускают наиболее существенные ошибки. Самый вопрос об отношении к кулаку но является новым для китайской коммунистической партии. Этот вопрос обсуждался и на последнем Т ??? с'езде КПК. Уже тогда, анализируя соотношение классовых сил в стране, VI с'езд КПК, говоря о союзе пролетариата со всем крестьянством, выделил из этого союза кулака, играющего зачастую открыто или скрыто контрреволюционную роль в движении. В соответствии с этим, VI с'езд решал — «прочная опора пролетариата в деревне — беднота, середняк — крепкий союзник». Чем объяснялась необходимость выделить китайского кулака из общей массы крестьянства? Этот вопрос для многих китайских товарищей остается не ясным и поныне. Механически воспринимая ленинскую постановку вопроса об отношении рабочего класса к крестьянству на буржуазном демократическом этапе революции, они продолжают причислять китайского кулака к союзникам пролетариата.

На деле же ленинская формула союза пролетариата с крестьянством остается в силе и для Китая. Однако никогда Ленин, не предлагал заключать союз с кулаком. Правда, Ленин еще в 1905 г. применительно в нашей революции говорил и затем многократно повторял, что — «Сначала вместе со «все» крестьянством против монархии, против помещиков, против средневековья (и постольку революция остается буржуазной, буржуазно-демократической). Затем вместе с беднейшим крестьянством, вместе с

полупролетариатом, вместе со всеми эксплуатируемыми против капитализма». (Ленин, т. XV, стр. 508.). Но, говоря о союзе пролетариата со всем крестьянством, Ленин не забывал постоянно предупреждать о противоположности классовых интересов между сельскохозяйственным пролетариатом и зажиточным крестьянством, не забывал призывать батраков к самостоятельной организации и к сплочению с городским пролетариатом. Уже тогда, касаясь вопроса о зажиточном крестьянстве, Ленин писал, что «этот слой не может существовать без найма батраков и поденщиков. Этот слой, несомненно,- враждебен крепостничеству, помещикам, чиновничеству, он способен стать демократом, но еще более несомненна его враждебность по отношению к сельскому пролетариату. Всякая попытка затушевать, обойти эту классовую враждебность в аграрной программе и тактике есть сознательное или бессознательное оставление социалистической точки зрения... Наша задача — никогда не сходить с классовой точки зрения и организовывать теснейший союз городского и сельского пролетариата. (Ленин, т. VI, стр. 114.)

В соответствии с этим пункт 4 резолюции III съезда большевиков по вопросу «б отношении к крестьянскому движению констатировал, «что социал-демократия, как партия пролетариата, должна во всех случаях и при всех обстоятельствах неуклонно стремиться к самостоятельной организации сельского пролетариата и разъяснять ему непримиримую противоположность его интересов интересам крестьянской буржуазии». (Ленин, т. IX, стр. 702.)

Из приведенных нами ленинских формулировок видно, что большевистская постановка вопроса о тактике

пролетариата по отношению к крестьянству в условиях буржуазно-демократической революции вовсе не предполагала союза с кулачеством. Из этого же видно, как неправы те китайские товарищи, которые делают вывод о правильности лозунга «союза с кулачеством», пытаясь при этом опереться на ленинскую постановку вопроса. Тем более этот вывод неверен по отношению к Китаю, и это особенно ясно, если принять во внимание специфические условия, отличающие социальную природу китайского кулака от русского. В России кулак, хотя в известной мере и не брезгал использовать докапиталистические формы эксплуатации, все же в основном выступал как носитель капиталистических отношений и до разгрома революции 1905 г. противопоставлялся помещичьему классу, строившему свою экономическую мощь на применении в основном феодальной системы эксплуатации. В Китае же кулак в меньшей мере практикует капиталистическую форму эксплуатации и в большей мере выступает как представитель помещичьей феодальной системы эксплуатации. Китайский кулак, это — в большинстве случаев маленький помещик, прибегающий к еще более кабальным, к еще более жестоким формам эксплуатации основных масс китайского крестьянства.

Такого рода социальная природа китайского кулака складывается в результате ряда причин. Не малую роль при этом играет самый факт господства иностранного капитала в Китае. Известно, что последний уживается, поддерживает, использует и в подчиняет себе самые отсталые полуфеодальные формы производства в Китае. этой полуколониальной стране. Тормозящая роль иностранного капитала в деле всестороннего капиталистического развития Китая приводит к тому, что классовая дифференциация, сопровождающая развитие товарно-

денежных отношений в деревне, протекает (как и все капиталистическое развитие), в свою очередь, в чрезвычайно уродливых формах, на основе сохранения в значительной мере полуфеодальных отношений. К этому добавляется своеобразие китайских земельных отношений. В силу которых применение наемного труда зажиточными, разбогатевшими крестьянами оказывается менее выгодным, нежели применение полуфеодальных способов эксплуатации основных масс крестьянства. Сдавая земли в аренду, занимаясь ростовщичеством, китайский кулак избегает крупных капиталовложений, необходимых (особенно в ирригационные сооружения) при самостоятельном ведении хозяйства, он гарантирует себя от разрушительных последствий непрерывных милитаристических войн, он боится себя от часто повторяющихся стихийных бедствий, перекладывая все тяготы, создаваемые этими условиями на плечи арендаторских масс. Аграрное перенаселение, полная необеспеченность земель основных масс крестьянства позволяют кулакам, как и помещикам, путем кабальной аренды и ростовщического грабежа с большей выгодой использовать свои капиталы и свою земельную собственность. Вот почему в Китае чрезвычайно тонка прослойка кулаков, ведущих свое хозяйство, приарендовывающих землю с производственными целями и прибегающих к производственному использованию наемного труда. Значительно более распространенным в Китае является другой тип кулака — полупомещиков.

И те китайские товарищи, которые пытаются опереться и оппортунистически истолковать ленинскую постановку вопроса о союзе пролетариата со всем крестьянством, не учитывая к тому же специфических особенностей китайского кулака, допускают серьезную ошибку,

обрекающую партию на неправильную линию в исключительно важном для Китая крестьянском вопросе. Эта ошибка приобретает тем большее значение, что после поражения китайской революции кулацкие элементы в деревне, как правило, везде открыто выступают на стороне реакции против революционной борьбы крестьянских масс.

Бесспорно, что известным основанием для неправильного толкования тактики партии в крестьянском вопросе послужили недостаточно четкие и непоследовательные формулировки в резолюциях VI съезда КПК. Так, в политической резолюции предлагалось не заострять борьбы против кулака в той мере и в том случае, когда это может привести к затушевыванию и стиранию основного противоречия между крестьянством и помещичьим классом. Основная, и совершенно правильная, мысль этого положения сводилась к тому, что центральной фигурой эксплуататоров в китайской деревне и главным врагом является помещик и милитарист, что в своей тактике партия не должна и в какой мере упускать из виду этого обстоятельства, должна избежать ошибок, связанных с забвением основного противоречия китайской деревни на данной стадии революции между крестьянством и помещичьим классом. Именно, связи с этим VI съезд для ближайшего этапа выдвинул требование не всеобщего передела, а лишь конфискации помещичьей земли.

Однако формула незаострения борьбы с кулачеством в политической резолюции съезда не отразила действительного смысла решения крестьянского вопроса, а, наоборот, оторванная от своего обоснования и превращенная в самостоятельный лозунг дала основание для неверных политических выводов. В частности, эта формула открывала возможность истолковать решения VI

с'езда о конфискации помещичьей земли таким образом, что это постановление не распространяется на кулацкие земельные владения, что на самом деле является неверным. С другой стороны, еще более непоследовательная формулировка содержалась в специальной резолюции VI с'езда КПК по крестьянскому движению, в которой, наряду с борьбой против реакционной части кулачества, давались указания на нейтрализацию зажиточных слоев китайской деревни и даже на вовлечение части кулаков, не исчерпавших, по мнению VI с'езда, революционных возможностей в антимилитаристическую и антиимпериалистическую борьбу. Все эти формулировки послужили мостиком к тому, чтобы интерпретировать решения с'езда по крестьянскому вопросу в явно оппортунистическом духе, в духе необходимости, якобы, заключения союза с кулаком.

Подобная точка зрения разделялась только отдельными товарищами, но — что важнее — в ряде резолюций п официальных документов партии мы наталкиваемся на такого рода толкования тактики партии на союз с кулаком. В качестве примера можно привести выдержки из одного письма руководящего партийного центра, адресованного Мао Дзе-дун. В нем мы читаем:

«Следуя общей тактической задаче (борьба с. классом помещиков) необходимо заключить союз с богатым крестьянством; будет неправильно, если вы начнете умышленно раздувать борьбу с богатыми крестьянами-кулаками».

Или в другом месте:

«Тем не менее, партия не должна оставлять классовой борьбы бедняцкого крестьянства против кулаков и богатых крестьян на том только основании, что наша генеральная тактическая линия требует союза с богатым крестьянством».

В этой выдержке особенно примечательны последние слова. Генеральная линия против на буржуазно-демократическом этапе революции на союз с середняком при опоре на бедняка была заменена оппортунистической линией на «союз с кулачеством». Отдельные китайские товарищи, вместо того, чтобы исправить нечеткие формулировки резолюций VI с'езда, углубили ошибку, пытаясь теоретически оправдать необходимость союза пролетариата с кулаком.

Такого рода ошибка представляет собой серьезную опасность, особенно в настоящих условиях революционного движения Китая. Прежде в условиях проведения аграрной революции, в обстановке первого большого под'ема крестьянского движения, в условиях открытой вооруженной борьбы против империализма и китайской реакции, в условиях мощного развития партизанского движения, в условиях существования многочисленных советских очагов и наших коммунистических армий была понятна забота о том, чтобы не создавать дополнительных затруднений в отношении к мелко-собственническому крестьянству и зажиточной его части в том числе, конфликты с которыми отходили на задний план перед лицом обостреннейшей борьбы с империализмом и помещичьим классом. В тех условиях имел известные основания и лозунг «незаострения борьбы с кулачеством», поскольку все революционные силы должны были концентрироваться в первую очередь для

нанесения удара более серьезным и основным врагам китайской революции. Но уже тогда, поскольку кулачество выступало на стороне реакции, эта формула создавала почву для ошибочной тактики.

В настоящее же время, в обстановке поражения революции, когда нужно заново строить свои организации, заново создавать опорные пункты своего влияния, мобилизуя крестьянских масс и деревенской бедноты в первую очередь невозможно без решительной и безбоязненной борьбы против всяческих форм угнетения и эксплуатации. Усиление влияния партии среди деревенской бедноты абсолютно невозможно без выдвижения классово-выдержанных лозунгов борьбы. А это предполагает руководство борьбой широких масс сельскохозяйственного пролетариата и деревенской бедноты против помещичьего и кулацкого угнетения и эксплуатации.

Неправильная тактика по отношению к кулаку одновременно означает и неверную тактику по отношению к крестьянской бедноте и батрачеству. Совершенно понятно, что при установлении тактики на союз с кулаком, невозможна серьезная работа партии по организации сельскохозяйственных рабочих, по усилению их борьбы, по поднятию классового сознания этих наиболее отсталых слоев пролетариата, представляющих в то же время опору влияния партии в деревне. Наоборот, успешная борьба деревенских рабочих за улучшение их экономического и правового положения под руководством компартии возможна лишь в том случае, если партия со всей решительностью преодолеет весьма вредные оппортунистические колебания в вопросе о кулаке. При сохранении линии на союз с кулаком или даже на незаострение борьбы против него, компартия не сможет

возглавить классовой борьбы деревенской бедноты, партия неизбежно будет притуплять активность бедняцких масс в угоду кулацко-эксплуататорским слоям китайской деревни.

Напротив, в большей мере, чем когда либо, перед партией стоит сейчас задача не развертыванию движения деревенского пролетариата, но объединению бедняцких слоев деревни. Эта задача должна разрешаться «без оглядки» на кулака, без опасения, что он «отойдет от революции». Такого рода опасения совершенно непонятны при теперешней обстановке, когда кулачество не без успеха используется Гоминданом в деле подавления крестьянского движения.

Борьба крестьянских масс должна быть тесно увязана с революционной борьбой городского пролетариата. С другой стороны, тактика китайской компартии в деревне должна соответствовать работе партии по завоеванию городского пролетариата в процессе его повседневной экономической борьбы. Поэтому отнюдь не обязательно начинать крестьянское движение непосредственно с призывов к проведению аграрной революции, с партизанской войны и восстаний. Напротив, нынешняя обстановка в Китае диктует партии задачу использования частных и мелких конфликтов, их разжигания, расширения повседневной борьбы основных масс крестьянства против всех видов эксплуатации. Нынешняя обстановка диктует партии задачу использования всякого рода конфликтов между крестьянством, с одной стороны, и помещиками, джентри, милитаристами, кулаками, с другой стороны, с целью поднятия крестьянского движения на более высокую политическую ступень. Борьба за улучшение условий труда батраков, борьба против налогов, против поборов, борьба против новых милитаристических войн, борьба с

ростовщичеством и особенно борьба за уменьшение или неплатеж аренды,—все это должно быть тем посредствующим звеном, ухватившись за которое партия сумеет поднять на борьбу миллионные массы, упрочить свое влияние и притти к новому под'ему крестьянского движения.

Ясно поэтому, что партия ни в какой мере не должна смягчать и притуплять борьбу деревенской бедноты против кулаков полупомещиков. И в Китае существуют не только кулаки полупомещики, но и менее распространенный тип кулаков, ведущих свое хозяйство. Какова должна быть тактика партии по отношению к этому типу китайских кулаков? Должна ли партия по отношению к ним допускать какие-либо исключения в своей линии на разжигание всяческих классовых конфликтов в китайской деревне. Нам кажется, что и по отношению к этому типу кулаков киткомпартия не должна сдерживать классовую борьбу батрацких масс, не должна ни в какой мере подчинять свою деятельность позиции, занимаемой такого рода кулаками в освободительном движении, ие должна уступками кулачеству связывать свою активность. Даже в случае участия таких кулаков в антиналоговом или антимилитаристическом движении киткомпартия не должна изменять своей общей линии по отношению к кулачеству, она должна бороться с ними за руководство крестьянскими массами, не давая кулакам возможности использовать массы в своих интересах.

Организация сельскохозяйственного пролетариата, как и объединение бедняцких слоев деревни, является необходимой предпосылкой в борьбе за руководящую роль пролетариата по отношению к основным массам крестьянства в буржуазно-демократической революции.

Работа среди батрачества поэтому должна преследовать также задачу вовлечения батраков в ряды активных борцов антиимпериалистической и аграрной революции. При этом не следует забывать, что батрак является безземельным крестьянином и что он не может и не должен оставаться в стороне от борьбы всего крестьянства за землю и против всевозможных феодальных институтов. При этом также не следует забывать, что, хотя крестьянская буржуазия и кулаки полупомещики стали союзниками китайской реакции в деле подавления крестьянского движения, все же социальной базой и основной опорой Гоминдана и китайской реакции в деревне остаются помещики, джентри, тухао, господство которых в деревне не сломлено. Поэтому, не затемняя ни в малейшей мере сознания классовой противоположности между сельскохозяйственным пролетариатом и кулачеством, необходимо перед батрацкими массами, как и перед всем крестьянством, выпятить центральную фигуру деревенского эксплуататора—помещика, джентри, милитариста и стоящего за их спинами иностранного капиталиста. Необходимо борьбу за частичные требования сочетать с пропагандой основных лозунгов партии, с разъяснением контрреволюционной сущности гоминдановской политики.

С другой стороны, осуществление гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции предполагает самую решительную борьбу за середняка, за отрыв его от влияния буржуазии и кулачества, за разоблачение в его глазах реакционности буржуазного национал-реформизма всех оттенков. От чанкайшистского до тапписяновского — одинаково враждебных действительным интересам основных подавляющих масс крестьянства Китая. Китайская партия должна поэтому искать путей к упрочению союза с середняком, вовлекая его

в активную борьбу против милитаристов и помещиков. Одновременно развертывая работу среди батрачества, партия должна учитывать, что довольно широкие слои среднего крестьянства прибегают к временному найму рабочей силы, главным образом сезонных рабочих.

Заканчивая рассмотрение вопроса о тактике партии по отношению к различным социальным слоям китайской деревни, нам хотелось бы предостеречь от совершенно неверных, чисто-троцкистских выводов о социалистическом характере китайской революции, к которым могут прийти отдельные товарищи, неправильно истолкующие изложенное нами мнение об отношении к кулаку. Уточнение решений VI съезда КК по вопросу об отношении к различным социальным слоям деревни, как и указание на неверность и оппортунистичность лозунга «союза с кулачеством», отнюдь не изменяет и не колеблет установившегося понимания характера предстоящего этапа китайской революции, как этапа буржуазно-демократического. Поскольку остаются неразрешенными основные противоречия буржуазно-демократического этапа революции, поскольку не разрешены задачи уничтожения феодально-помещичьего землевладения, ликвидация господства иностранного капитала, уничтожения милитаризма и подлинного объединения страны, поскольку буржуазно-демократический характер сохраняет свою силу и для начального периода предстоящего подъема революционной волны в Китае. Но в то же время необходимо, конечно, отметить, что объединение пролетариата с деревенской беднотой и упрочение руководящей роли пролетариата над всем крестьянством, происходящее уже на дайной стадии освободительной борьбы наряду с другими обстоятельствами, в свою очередь, должно будет

благоприятно сказаться на темпе перерастания буржуазно-демократического в социалистический этап революции.

Подводя итоги сказанному нами о тактике партии в крестьянском вопросе, мы не можем не прийти к выводу о необходимости самого срочного преодоления оппортунистических колебаний в вопросе о кулаке, имеющих место в рядах китайской коммунистической партии. Паи приходилось уже указывать, что за последние месяцы в рядах китайской партии выросла в новой и угрожающей форме правая опасность, казадающаяся как в неправильной оценке некоторыми коммунистами империалистической политики, так и в неверном, искаженном представлении об экономическом и политическом положении Китая и роли Гоминдана и китайской буржуазии. У лее тогда нами указывалось, что товарищи, страдающие этими неверными оценками, скатываются к чисто ликвидаторским выводам, утрачивают революционные перспективы, чрезмерно увлекаются легализмом и обрекают себя на хвостистскую политику по отношению к Гоминдану. Теперь пе трудно убедиться, что эти правые оппортунистические ошибки дополняются искривлением партийной линии в крестьянском вопросе. Попятно, конечно, что все эти оппортунистического характера ошибки имеют общую подоплеку и отражают влияние буржуазного национал-реформизма, принесенного в ряды коммунистического авангарда китайского пролетариата. Также понятно, что китайская партия смолсет усилить свою практическую работу в деревне, сможет использовать благоприятную обстановку для работы среди крестьянства, сможет обеспечить ускорение мощного под'ема крестьянского движения, сможет упрочить свою руководящую роль лишь при том условии, если она выправит линию партии в крестьянском вопросе и

со всей решительностью преодолает оппортунистические колебания как в этом, так и в других вопросах своей политики и деятельности.

Говоря о тактике партии по крестьянскому вопросу, нам хотелось бы бегло коснуться ряда чистопрактических задач, стоящих сейчас перед китайскими коммунистами, работающими в деревне. И, в первую очередь, мы считаем необходимым указать, что практическое разрешение задачи по организации крестьянских масс вокруг коммунистической партии, вокруг ее основных и частичных лозунгов, настоятельно требует, наряду с самостоятельными организациями сельскохозяйственных рабочих, создания революционных крестьянских комитетов, в качестве низовых органов революционной борьбы крестьянства, деревенской бедноты, — в первую очередь, против помещиков, джентри, ростовщиков, тухао и кулаков. Крестьянские комитеты не должны являться верхушечными организациями, а, наоборот, тесно связавшись с основными массами крестьянства и сельскохозяйственным пролетариатом па основе повседневной их борьбы за ближайшие требования, они должны стать действительно могучими центрами, концентрирующими революционную энергию крестьянских масс. Па основе этой борьбы крестьянские комитеты должны вовлекать крестьянские массы в революционные крестьянские союзы и укреплять, таким образом, их массовую базу. Одновременно крестьянские комитеты должны сыграть роль основного рычага по завоеванию крестьянских масс, находящихся в реакционных организациях.

Но успешное развитие деятельности крестьянских комитетов, как и успешное развертывание всей

крестьянской работы, возможно в свою очередь лишь при том условии, если партия сумеет создать крепкую сеть партийных ячеек в деревнях, если партия сумеет палатить работу коммунистических фракций в массовых крестьянских организациях. Уже это обстоятельство выдвигает перед партией задачу по подготовке специальных кадров работников крестьянского движения. Практиковавшаяся до последнего времени система посылки на работу в деревню городских работников интеллигентов, не находивших себе применения в городе, не может обеспечить успешное выполнение огромной работы среди крестьянства. Подготовка активистов в течение ближайших месяцев будет реальным шагом вперед в деле развития крестьянского движения.

Особенно необходимо в кратчайший срок бросить ряд ответственных партийных работников в районы больших мусульманских крестьянских восстаний, проходящих сейчас вне всякого участия, а тем более руководства, киткомпартии. В борьбе за завоевание на свою сторону мусульманских повстанческих масс китайская партия, в первую очередь, должна учесть ярко выраженный национальный характер движения и соответственно с этим должна выработать свою платформу и лозунги борьбы для угнетенных национальностей в Китае. В других районах партизанского движения руководящие органы партии должны обеспечить лучшую связь и руководство со своей стороны этими движениями.

Кризис китайской реакции и новый революционный под'ем.

Большевик, 1930 г., № 10, стр. 102—114.

За истекшие три года освободительная борьба в Китае прошла через самую трудную полосу. Это были тяжелые годы разгрома пролетарских организаций, годы жесточайшего террора китайской контрреволюции, неистовства международного империализма, вымещавшего трудящимся массам за все тревожения недавнего революционного шквала. Это были годы бешеного наступления капиталистов на нищенский и до того жизненный уровень рабочего класса, годы карательных экспедиций, непосильных податей и прогрессирующего разорения крестьянских масс. Это были годы физического истребления рабочих вожakov, годы частичного разброда и дезертирства (особенно вначале) в рядах китайской коммунистической партии.

Но рабочий класс и крестьянство Китая выдержали удары реакции. Оправилась и киткомпартия. На все более организованный отпор с их стороны натывается китайская контрреволюция. Растет рабочее движение, втягивающее в свой круговорот все более широкие массы. Отдельные мелкие потоки, по которым шло вначале рабочее движение, сливаются сейчас во все более многоводные ручьи. Наряду с этим все более мощный размах приобретает крестьянская борьба. Все это происходит на фоне усиливающегося развала в лагере китайской контрреволюции.

Еще недавно правые оппортунисты писали — вслед за советниками американского империализма — о капиталистической «стабилизации» Китая. Правые деколонизаторы после VI конгресса усиленно расписывали картину мирной деколонизации и индустриализации колоний и полуколоний империализма. Пеппер, Ловстон усиленно кричали о расширении колониальных рынков, о «расширении базы капитализма». Брандлер, Рой, Ловстон и сейчас на все лады расписывают «здоровый капитализм», о кризисе которого может говорить лишь Коминтерн в целях сохранения «сталинского режима» и т. д.

Но и «левый» контрреволюционер Троцкий очень быстро разоблачил себя, присоединившись открыто к праволиквидаторскому гимну. И правые имеют полный резон, когда ставят вопрос о «пересмотре взглядов и тактики» в отношении Троцкого и троцкистов. Международный «августовский» явно контрреволюционный блок правых и троцкистов — несомненный факт. Но как жалки «армии» этого блока.

Неудержимо нарастает новый под'ем революцией, новый под'ем, вдребезги разбивающий правооппортунистические и троцкистские ликвидаторские пророчества.

Еще не так давно Троцкий писал о «стабилизации буржуазного режима» в Китае. Это ему принадлежат слова о том, что «превращение революционной ситуации в буржуазную стабилизацию не только не «невозможно», но совершенно неизбежно (подчеркнуто Троцким). Более того, оно совершается, оно в известных пределах уже произошло». Это он в том же пасквиле от 4 октября 1928 года писал, что:

«Нужно ясно понять, что революционной ситуации в Китае сейчас нет. Она сменилась контрреволюционной ситуацией, которая переходит в межреволюционный период неопределенности и виной длительности... нужно считаться и сообразовываться с тем, что именно в Китае революция отодвинута сейчас в неопределенное будущее».

Троцкому вторил правый Чень Дучю о том, что китайский капитализм стабилизировался и что он «сможет в ближайшем будущем развиваться гигантскими шагами». Оба они в один голос вещали о длительном и прочном торжестве китайской реакции, об отсутствии каких-либо симптомов или признаков нового революционного подема. Оба они отодвигали революционный подъем в неведомую даль. Чень Ду-сю в полном соответствии со всей троцкистской установкой — и общей установкой международных правых — в последних своих творениях заявлял о том, что современная борьба китайских рабочих носит оборонительный характер и является «полной противоположностью революционному под'ему». Именно он поучал, что «революционного под'ема сейчас быть не может» и что всякие разговоры о его симптомах являются чистейшим пугчиизмом.

События последнего времени в Китае, весь ход освободительной борьбы до конца разоблачают ликвидаторство правых и троцкистской платформы и целиком подтверждают правильность коминтерновских решений, устанавливавших неизбежность нового революционного под'ема в Китае. Не прямооппортунистические, не троцкистские, а коминтерновские прогнозы претворяются в жизнь.

Неудержимо нарастающий новый под'ем революции не является чем-то неожиданным и случайным. Изю дня в день он подготовлялся в течение этих трех лет. И всей своей практикой китайская реакция не мало послужила в деле его ускорения. В этом не трудно убедиться даже при кратком ознакомлении с итогами трехродичной реакции, даже при беглом освещении современного экономического и политического положения в Китае.

Начнем с сельского хозяйства, играющего доминирующую роль в этой стране. Удалось ли господствующему контрреволюционному блоку Хоть сколько нибудь ослабить хронический кризис сельского хозяйства и смягчить противоречия в китайской деревне? Нет, ни в какой мере. Напротив, китайская реакция углубила и обострила эти противоречия. Усилилось хищническое огрпбление крестьян помещиками и ростовщиками. В результате непрекращающихся милитаристических войн увеличилось налоговое бремя и всевозможные поборы, подрывающие производительные силы сельского хозяйства и предопределяющие все большую пауперизацию крестьянских масс Ирригационные (оросительные) сооружения подвергаются все большему разрушению. Непрерывно ухудшается положение основных масс крестьянства. Недороды и связанные с ними голодовки захватывают все новые и новые территории, все новые и новые миллионы крестьянских дворов. Таков «красочный» итог аграрной «политики» буржуазно-помещичьей контрреволюция.

Об этом итоге можно судить по количеству голодающих в Китае. Так, по данным комитетов помощи голодающим в Китае последних насчитывалось,

в 1927 г. — 9 миллионов человек;

» 1928 г. — 27 » »

» 1929 г. — 57 » »

Десятки миллионов крестьян обречены на голодное вымирание. В провинциях затронутых недородом, людоедство, продажа жен и детей стали заурядными явлениями. Иностранцы корреспонденты, об'езжающие эти провинции сообщают, что голодающие едят конский помет, дерутся из-за человеческих трупов, выкапывают и варят старые кости. По разным провинциям бродят голодные толпы крестьян, устилающие дорои своими усохшими трупами.

Каковы же перспективы перед китайским сельским хозяйством? Китайская буржуазная пресса возлагала большие упования на урожай 1929 г. Сведения, которыми мы располагаем, не подтверждают этих надежд. Оно и понятно. Даже при благоприятных природных условиях, которыми характеризовался 1929 г., сказался недостаток семенных материалов у крестьян, сказалось неизбежное сокращение посевных площадей, происходящие в результате усиленного разрушения производительных сил китайского сельского хозяйства. «Чайниз Экономик Бюллетень» опубликовал следующую таблицу о состоянии урожая в Китае в 1929 г,

Сбор хлебов в Китае по 22 провинциям.

(в %% к нормальному сбору.)

Название провинций.	Летний сбор		Осенний		
	Бобы.	Пшеница.	Ячмень.	Рис.	
Маис.	(в процентах)				
Хэйлуньцзян.	—	99,8	89,1	84,8	84,3
Гирин.	—	99,8	60,5	100,2	96,7
Ляонин.	99,9	104,3	100,8	97,5	103,8
Чахар.	98,6	85,0	100,3	—	42,1
Сучюань.	54,9	104,5	—	—	—
Шэньси.	80,0	55,1	44,5	—	—
Шаньси.	48,2	83,9	79,0	79,1	93,6
Хэбэй.	90,5	81,2	97,6	81,2	107,4
Шаньдун.	99,6	79,6	85,7	—	114,6
Хунань.	83,7	38,6	28,2	—	—
Цзэнсу.	100,1	57,1	81,8	98,1	87,9
Лньхуй.	—	76,0	73,6	105,3	95,5
Чжецзян.	—	82,2	100,0	40,1	53,8
Хубей.	54,2	89,1	96,6	77,0	74,7
Хэнань.	79,7	100,0	—	91,5	100,0
Цзянси.	—	123,6	88,1	55,1	89,6
Сычуань.	—	100,0	—	89,9	74,0

Юньнань.	88,0	—	72,2	85,9
87,3				
Гуйчжоу.	100,0	—	91,5	100,0
—				
Фуцзянь.	124,0	28,2	60,0	105,0
—				
Гуандун.	—	—	72,0	76,4
—				
Гу ней.	—	—	65,9	96,2
85,0				
=====				
Средний %	80,8	79,2	57,9	99,7
98,9				
по всем провинциям.				

Эти цифры заслуживают внимания. По всему Китаю в 1929 г. Было собрано 57,9% риса, 79,2% ячменя, 80% пшеницы. И это по отношению к так называемому нормальному урожаю, при котором далеко не все крестьянство обеспечивало себе мало-мальски сносное существование, далеко не все выбивались за голодную черту. Конечно, урожай 1929 г. не внес какого-либо улучшения в положение основных масс крестьянства. Если исключить 3 манчжурские провинции, то в остальных положение явно неблагополучное. И хуже всего в провинции Шаньси, где собрано всего 55,1% пшеницы, 44,5% ячменя, 48,2% маиса; в Хунани, где урожай пшеницы составил лишь 38.6%, ячменя 28,2% по отношению к так называемым нормальным годам. К этому следует добавить, что перспективы весеннего урожая 1930 г. в связи с резким сокращением посевных площадей еще более неблагоприятны.

Мы не станем приводить подробных цифр насчет упадка технических культур и возрастающего ввоза в Китай продуктов питания. Известно, что мировой аграрный кризис весьма чувствительно ударяет по

сельскохозяйственной экономике Китая. Укажем, что цены на китайский шелковый сырец, составляющий 20% экспорта Китая, упали с 6 долл. 35 центов за 1 англ. фунт в 1926 г до 4 долл. 80 центов в 1929 г. То же самое с китайским экспортным чаем С 29 6 центов за фунт китайского чая в 1926 г. цена упала до 18,4 пента в 1929 г. Одновременно увеличился ввоз в Китай пшеницы и муки. С 13,23 млн. бушелей в 1926—27 г. он поднялся до 37,24 млн. бушелей в 1928—29 г. (1) Все эти цифры достаточно ярко характеризуют современное положение сельского хозяйства. Они красноречиво свидетельствуют об углубляющемся кризисе сельского хозяйства в Китае, о процессе прогрессирующего обнищания основных масс крестьянства.

Понятно, что китайская контрреволюция не смогла задержать эти процессы Она оказалась не в состоянии хоть сколько-нибудь ослаб и™ переживаемый сельским хозяйством кризис. Решение этого вопроса упиралось и упирается в необходимость полной ликвидации всякого рода остатков пеожитков Феодалных отношений, густой сетью опутывающих сейчас китайскую депевню. Но этот путь для китайской реакции был закрыт. Буржуазно-помещичий блок в лице нанкинского правительства за истекшие три года доказал свою неспособность и нежелание даже половинчатого, частичного разрешения аграрного вопроса. В деле подема производительных сил сельского хозяйства китайская реакция оказалась, как и следовало ожидать, полным бандротом.

Одно время правла ство не скупилось на широковещательные обещания улучшить положение крестьянских масс. Нмечось вначале в виде опыта в провинции Чжецзян снижение на 25% арендно платы.

Разрабатывались проекты переселения больших масс крестьянства котонизации окраин. Возникали сказочные планы постройки новых каналов, ГосГельных сооружений. Создана была даже специальная комиссия под председательством Ху Хан-мина для разработки аграрных реформ. Но все, это было блефом. Снижение арендной платы было отменено. Гоминдан испугался что «помещик очутится в критическом положении», а, с другой стороны ч'т снижение послужит «поводом к разжиганию новых конфликтов между помещиками и арендаторами». Чжецзянский опыт был похоронен, так как как цинично говорилось в резолюции ЦК Гоминдана) «такая серьезная, епл как снижение арендной платы на 25%, требует длительной подготовки в б иминистративном отношении в области самоуправления и точного, продуманного плана выполнения». Остальные проекты постиглата же участи Не был обнародован хуханминовский земельный закон, хотя он никак уллучишний не^улил крестьянам. На бумаге остались и другие прожекты. Господствующий блок всеми своими экономическими интересами был прикованк помещицъему землевладению. Отсюда полная бесплодность всех (жалких к тому же) смягчить положение крестьян, удержать продолжающйся распад китайского сельского хозяйства.

В этом отношении интересна параллель с аграрной политикой русского самодержавия в годы реакции. Известно, что столыпинщина не устранила а впубила кризис русского сельского хозяйства, делая ставку на кулака при со хранении помещицъего землевладения, она увеличила гнет латиг^ндий, ухудшила юложение основных масс крестьянства, усилила их недовольство. Известно что «единственным вполне реальным результатом» столыпинщины быаа готовка 30-ти млн. человек. Но

столыпинщина открывала «последний клапан» какой только имелся в руках помещичьего самодержавия, давала некоторую «отсрочку» старому порядку и старому крепостническому земледелию.

Характерно, что даже такого рода клапана не оказалось в распоряжении к тайского буржуазно-помещичьего контрреволюционного йпока. вымирание обрекает он миллионные массы крестьян. А этот голод не мо не революционизировать широкие крестьянские массы.

Вспомним, что говорил Ленин по поводу голода в 1912 году в России.

«Голод погубит миллионы жизней, но он погубит также остатки дикой, варварской, рабьей веры в царя, мешающей понять необходимость и неизбежность революционной борьбы против царской монархии, против помещиков. Только в уничтожении и помещичьего землевладения могут найти крестьяне выход. Только в соержении царскоп монархии, этого оплота помещиков, лежит выход к сколько-нибудь человеческой жнзни, к избавлению от голодовок , от беспросветной нищеты.» (Ленин, т. XII, ч. 1, стр. 54.)

Политика китайской реакции не может не толкать миллионные массы крттгьян на борьбу против международного империализма, против феодалов- милитаристов, на борьбу за ликвидацию империалистического гнета и помещичьего землевладения, на борьбу протио гоминдановской контрреволюции.

[106] ?

* * *

Переходим к обзору положения китайской поомышдрн.

Перед партией сейчас встают огромные задачи руководства революционным под'ечом в архи-сложных условиях, требующих большевистской четкости в линии и решимости пролетарской партии наряду с гибкостью ее политики, учитывающей исключительно своеобразные условия развития китайской революции. Этого партия может достигнуть и достигнет лишь в неуклонной борьбе за правильную ленинскую линию против правого уклона как главной опасности, и его «левых» пособников.

Борьба за гегемонию пролетариата в колониальной революции.

(*Большевик*, 1934 г., № 19—20, стр. 84—96.)

Гегемония пролетариата — решающая прелпосылка успешности революционно-осроболительной борьбы грудящихся масс колониальных и полуколониальных стран. Так как колониальные революции входят составной частью в общий процесс мировой пролетарской революции, вопрос о гегемонии пролетариата в колониальной революции неразрывно связан борьбой за социализм во всем мире.

Конкретный ход национально-освободительных движений в послеоктябрьский период целиком подтверждает первостепенное значение вопроса о гегемонии пролетариата. Опыт этих движений показывает историческую невозможность под главенством буржуазии или мелкой буржуазии добиться самостоятельного экономического развития колоний и их полной экономической и госуларственной независимости. Вот почему VI конгресс КИ указывал, что «гегемония пролетариата — основная стратегическая цель коммунистического движения при буржуазно-демократической революции».

В настоящей статье мы хотели бы подвести некогорые итоги борьбы за гегемонию пролетариата в наиболее развитых колониальных и полуколониальных странах за последние голы.

Прежде всего — об условиях, в которых шла борьба пролетариата за гегемонию в национально-освободительных движениях.

Мировой экономический кризис и связанная с ним возросшая агрессия империалистической буржуазии перекладывающей в известной мере тяготы кризиса на плечи трупящихся масс колониальных и полуколониальных стран, привели в этих странах: 1) к глубочайшему потрясению всех основ колониальной экономики; 2) к жесточайшему наступлению иностранных и туземных капиталистов на жизненный уровень рабочего класса, к массовой безработице; 3) к эксплуатации, разорению и чудовишному обнищанию миллионов колониальных производителей —крестьян и ремесленников; 4) к обострению противоречий между некоторыми слоями колониальной буржуазии и буржуазией метрополий, хотя преобладающей остается тенденция к 20 стижению сотруничества, к капитуляции колониальной буржуазии перед иностранным капиталом; 5) к возрастанию роли колоний как источника конфликтов между империалистами, как объекта новой мировой войны за передел колониальных рынков.

Переход к депрессии особого рода в странах развитого капитализма не принес существенных изменений в экономическом положении колониальных и полуколониальных стран, ибо переход к депрессии в переловых капиталистических странах в большой мере произошел за счет ограбления, усиления эксплуатации колониальных и полуколониальных стран. Это усиливает затяжной характер кризиса в колониальных и полуколониальных странах. Поэтому, несмотря на некоторое улучшение в отдельных странах и в отдельных

отраслях хозяйства, в общем теперешнее состояние экономики колониальных и полу колониальных стран не дает оснований для вывода что переход к депрессии особого рода в империалистических метрополиях совершается в алэкватных формах и в колониальных и полуколониальных странах — процесс здесь знанительно сложней. Более того, в этих странах прололжает углубляться аграрный кризис, и, поскольку сельское хозяйство играет в колониях доминирующую роль, это не может не определять общего состояния экономики этих стран.

Если бесчеловечная эксплоатация трудящихся масс колониальных и полуколониальных стран породила и раньше борьбу против угнетателей, понятно, что в теперешних условиях эта борьба не может не разгораться еще сильнее. Действительно, последние годы принесли новые доказательства усиления революционной борьбы грулящихся масс колониальных и полуколониальных стран.

Полностью подтвердились указания VI конгресса о возросшем значении колоний и полуколоний как факторов кризиса мировой империалистической системы и о том, что «гигантский мир колоний и полуколоний превратился в неугасимый очаг революционного массового движения». За годы, истекшие со времени VI конгресса, знаменательные победы одержаны советской революцией в Китае; массовые вооруженные антиимпериалистические выступления имели место в Индо-Китае; мощный размах приобрело освободительное движение в странах Южной и Центральной Америки, особенно на Кубе; в Корее прокатилась знаменитая гензанская стачка; не меньшее значение имела стачка нефтяников в Персии и т. д.

Уже один этот перечень революционных событий последних лет достаточно красноречиво свидетельствует о растущем возмущении трудящихся масс колониальных и полуколониальных стран. Но нужно отметить не только расширение фронта антиимпериалистической борьбы, но и классовые сдвиги, происшедшие внутри революционного лагеря. Какими же новыми явлениями характеризуется революционно-освободительное движение колониальных и полуколониальных стран за последние годы?

Новым является то, что пролетариат добивается все больших успехов в завоевании гегемонии в национально-освободительных движениях. Прежняя безраздельная гегемония буржуазии, характеризовавшая национально-освободительное движение в первые годы после войны, уступает место — и чем дальше, тем в большей мере — гегемонии рабочего класса, выступающего застрельщиком в борьбе за национальное и социальное освобождение трудящихся масс колониальных и полуколониальных стран. Прочно завоевана гегемония пролетариата в Китае. В Индо-Китае в момент наивысшего подъема борьбы, в 1930—1931 гг., компартия выступила вождем всего антиимпериалистического и антифеодального движения. Все успешнее оспаривает Гегемонию у национальной буржуазии индийский пролетариат.

Отмеченные нами успехи борьбы пролетариата за гегемонию находят свое выражение и в росте коммунистических партий в колониальных и полуколониальных странах. Нет необходимости подчеркивать все значение этого обстоятельства. Завоевание гегемонии пролетариатом немислимо без создания крепких, связанных с массами коммунистических партий, боевых революционных партий нового типа. В этом

деле Коминтерн достиг-за последние годы несомненных успехов. Компартия Китая за эти годы превратилась в мощный политический фактор и является признанным гегемоном китайских трудящихся в их борьбе за национальное и социальное освобождение. Образовалась компартия в Индии, создана компартия в Индо-Китае, прошедшая уже через серьезные испытания. Шесть новых компартий со времени УП конгресса возникли в странах Южной и Карибской Америки (в Сальвадоре, Панаме, Коста-Рике, Перу, Венесуэле и Пуэрто-Рико). Оформились компартии на Филиппинах, на Фиджи и в других странах.

Острой и неотложной остается задача дальнейшей большевизации компартий и превращения их в подлинно массовые.

В связи с ростом компартий, ростом их влияния и в связи с успехами пролетариата в борьбе за гегемонию выступает новое явление — наметившееся слияние двух потоков колониальной революции, а именно антиимпериалистической и аграрной революции. В первом туре освободительных движений буржуазия всячески старалась удерживать антиимпериалистическую революцию в рамках верхушечной национальной революции. Лишь гегемония пролетариата открывает иные перспективы переколониальной революции.

Говоря о наиболее важных новых явлениях в революционной освободительной борьбе трудящихся масс колониальных и полуколониальных стран, мы должны остановиться на вопросе о конкретной форме этих движений. Лозунг советов не является уже чем-то новым в колониальных странах. Этот лозунг проникает в гущу трудящихся масс колониальных стран и овладевает

массах. Советы существуют и побеждают в Китае, что дает огромный резонанс во всех колониальных и полуколониальных странах. Советы существовали в Индокитае. Под советским знаменем шла борьба нескольких десятков тысяч вооруженных рабочих и крестьян в Индонезии. Советы существовали в Чили. Лозунг советов как лозунг практического, революционного действия выдвигался на Кубе. Перечисленных примеров достаточно, чтобы увидеть, как идея советов проникает в широчайшие массы трудящихся колониальных и полуколониальных стран.

* * *

Завоевание гегемонии пролетариатом предполагает самоотверженные выступления рабочего класса, которые должны играть роль главного средства для революционной раскачки масс и объединения их вокруг пролетариата. Статистика стачек по 17 странам за последние годы (см. помещаемую ниже таблицу) свидетельствует о большом удельном весе стачек в колониальных и полуколониальных странах, особенно в Китае и Индии по более массовому их характеру даже по сравнению с капиталистически развитыми странами.

Число стачек и участников конфликтов по 17 странам за годы кризиса в 1929 по 1933 г. (в тыс.).

(Австрия, Германия, Франция, Польша, Чехословакия, Австралия, Бельгия, Болгария,

Швейцария, Венгрия, Дания, США, Канада, Китай, Япония, Мексика, Новая Зеландия)

1929 г. 1930 г. 19а г. 1932 г. 1988 г.

Число Число Число Число Число

Чиело Число Число исло Чисх

КОН% | участ- | КОНФ- | участ. | КОИФ- | участ. | КОМФ-
| участ. | *б+Ф- | учит.

ЯНВ ников | дикТОВ| ников | АИКТОВ| н

стачек | И СТ@- | стачек | № СТ8-

чек чек

Ло 17 странам. | 59414 | 3440 | 6931 | 2576 | 5946

Из ник:

Китай.....| 300 750 635 357 391 730

в.| 68| 22 | 13 | 28 25

Индия. 141 531 118 196 166 203 16

В аа 2 15 2 8 3 8 8

Япония| 671 77| 906 81 | 998 в ы

в. 7... | 9 3| 13 4| 16 2| 31 42 6

Итого по восточ-

ным странам.] 1012] 1358 | 1689 | 634

1655 | +97 | 2662 ы 2013

В 16 30 24 25

26 \8 448] | 381 а

Из приведенной таблицы мы видим, какой большой процент падает на Китай и Индию. В 1929 г. — 37% общего количества стачечников приходилось на эти две страны. В 1930 г. — 21%, в 1931 г. — 36%, в 1932 г. — 46,1%, т. е. почти половина общего количества стачечников пришлась на Китай и Индию. В 1933 г. удельный вес несколько снизился, но все же он составил 35,3%.

Необходимо указать на массовый характер стачек в Китае и Индии. Так, в 1929 г. лишь 5% общего количества стачек приходится на Китай, но они охватывают 22% участников стачечного движения 17 стран. На Индию в 1929 г. пала 2% стачек и 15% участников. Это соотношение мы наблюдаем и в последующие годы.

За последние годы произошли крупнейшие стачечные бомы и в Индии и в Китае. Достаточно напомнить всеобщую стачку текстильщиков в Бомбее в 1928 г., охватившую 150 тыс. рабочих и продолжавшуюся 6 месяцев. Стачки джутовых рабочих в Калькутте в августе 1929 г. в общей сложности охватили 270 тыс. рабочих. Во второй всеобщей стачке в Бомбее в 1929 г. участвовало 110 тыс. рабочих, и она проползала около полугопа. В 1934 г. всеобщая стачка текстильщиков в Бомбее охватывает не меньше 130 тыс. рабочих, причем индийская пресса констатирует исключительную активность и боевой дух бастующих.

Китай также может служить примером мощного пол'ема стачечной волны. Здесь стачечное движение играло и продолжает играть исключительно важную роль в развертывании общенародной революционно-освободительной борьбы. Известна роль стачек в Гонконге в 1922 г., на Пекин-Ханькоуской ж. д. в 1923 г., в Шанхае и Гонконге в 1925—1926 гг. Эти стачки придавали силу и познмали все национально-освободительное движение на более высокую ступень. Эту же роль стачки китайского пролетариата продолжали выполнять и в последние годы. Напомним хотя бы такие выступления китайского пролетариата, как всеобщую стачку мукленских и аньдунских рабочих в ответ на оккупацию Манчжурии или всеобщую стачку рабочих японских предприятий в Шанхае во время японской интервенции. Но кроме этих крупнейших стачечных боев в Китае за последние годы неоднократно проходили всеобщие стачки шелковиков, горняков, крупные стачки текстильщиков, железнодорожников, табачников и т. д.

Рост стачечного движения за последние годы мы наблюдаем и в Корее, и в Южноафриканском союзе, и в странах Южной и Карибской Америки, и в других колониальных и полуколониальных странах. Конечно, эти страны меньше по своему масштабу, там невелика и общая численность пролетариата, но и там стачечное движение приобретает с каждым годом все больший размах. Так, в Корее, где раньше ежегодно бастовало от 3 до 5 тыс., в 1929 г. участвовало в стачках 19 тыс. рабочих, в 1930 г. — 15 тыс., в 1931 г. — 27 тыс., в 1932 г. — 16 тыс., в 1933 г. — 14 300 рабочих. Если учесть, что в Корее примерно всего около 100 тыс. промышленных рабочих, то получается, что за последние годы в среднем от одной пятой до одной

четвертой всего количества рабочих вовлечено в стачечную борьбу.

Громальный рост стачечной борьбы охватил также и страны Южной и Карибской Америки. Крупные бом в 1932 г. прокатились в Бразилии. Ча Кубе мощное стачечное движение в июне-июле 1933 г. переросло во всеобщую политическую стачку, завершившуюся вооруженной борьбой против диктатуры Мачадо. В 1934 г. в этой же стране свыше 250 тыс. рабочих приняло участие во всеобщей стачке против правительства Менлиетты.

Привеленных примеров достаточно, чтобы придти к выводу о том, что этот рост стачечной борьбы, эти героические выступления колониального пролетариата являются вылающей важности событиями не только для колониальных и полуколониальных стран, но и в истории международного рабочего движения они представляют собой далеко незаурядные явления. Эти выступления способствуют росту классового самосознания пролетариата, ускоряют организацию его рядов и полтверждают наличие в колониальных и полуколониальных странах революционного класса, способного вести за собой трудящиеся массы.

Было бы, конечно, неверно, если бы мы этот размах стачечной борьбы приписывали исключительно роли коммунистических партий. Не следует преуменьшать слабости революционного движения и существующие трудности, кагорые стоят перед коммунистическими партиями в организации сил и борьбы колониального пролетариата. Достаточно учесть некоторые типичные черты рабочего класса колониальных и полуколониальных стран. Они сказываются прежде всего на его составе. Там

по преимуществу преобладает женский и детский труд. труднее подлающийся организации, Система оплаты рабочих через подрядчиков и так называемыми бонусами — нагальными — сохраняет еще много черт патриархальщины. Колониальный пролетариат сравнительно молод: очень большая прослойка среди рабочих — это неловно разорившиеся крестьяне и кустари, не разделавшиеся еще окончательно с мелкобуржуазной идеологией. Большим влиянием пользуются еще национал-реформисты. Сказываются малограмотность большинства рабочих, многоязычие и другие моменты, затрудняющие организацию колониального пролетариата. Во всех этих странах вовсе отсутствуют либо чрезвычайно слабы профсоюзы. Рабочему клубу, лишенному этих организаций, приходится вести борьбу при полном отсутствии стачечных фондов, в условиях массовой безработицы, в условиях, когда угроза получения расчета сулит перспективу голодной смерти. Но бесчеловечная эксплуатация, которой подвергается рабочий класс этих стран, вызывает растущее сопротивление пролетариата и толкает его на все более решительную борьбу.

Отсюда понятно, какое исключительное значение приобретает в этих странах вопрос о едином фронте, какую важность имеет работа коммунистов во всех массовых рабочих организациях, насколько актуальна задача использования легальных и полуполитических возможностей и насколько необходима упорная и систематическая борьба коммунистов за самостоятельное возглавление и организацию стачек и всемерное укрепление революционного профдвижения.

Таковы общие условия, в которых коммунистическим партиям колониальных и полуколониальных стран приходится вести борьбу за организацию пролетарских рядов.

Теперь коротко остановимся на опыте крестьянского движения колониальных и полуколониальных стран. Что нового в этой области мы наблюдаем за последние годы? Во-первых, нужно отметить громадный размах крестьянского движения в колониальных и полуколониальных странах. Нет сейчас ни одной страны, которая не была бы захвачена аграрными конфликтами.

Приведем несколько примеров. Возьмем Корею. Раньше в среднем ежегодно в корейской деревне происходило до 30 конфликтов, а в 1932 г. вспыхнуло около 600 крестьянских конфликтов, в течение же 1933 г. в корейской деревне имели место 724 выступления. В 1930 г. свыше 3 тыс. крестьян выступило под руководством коммунистов в уезде Данчен, в результате чего 40 человек было убито и около 2 тыс. арестовано. В 1931 г. произошли серьезные волнения нескольких тысяч крестьян против налогов и повышения арендной платы в уездах Хончуэн и Менчэн. В конце 1931 и в начале 1932 гг. выступило почти все крестьянство под руководством коммунистов уезда Енхин. Число крестьянских конфликтов растет из году в год и в других странах. В Персии, по данным персидских газет, с 1928 г. по 1933 г. включительно, помимо более крупных выступлений, произошло 98 вспышек так называемого «аграрного бандитизма».

Второе новое явление — это переход от низших, пассивных форм к активным наступательным формам борьбы. Вооруженные схватки становятся все более частым

явлением в колониальной деревне. Так, в 17 странах негритянской Африки с 1928 г. по первые месяцы 1934 г. произошло 86 вооруженных выступлений крестьян.

Кочечно, эти вооруженные выступления негритянского крестьянства были разной силы, разной продолжительности и носили далеко не однородный характер. Позолем аля выступлений служили отчуждение земли, возросшее бремя налогов, принудительный труд, террор и гнет империалистов ит 4, Примечательно, что в 46 случаях сил полиции и местных гарнизонов оказалось недостаточно для подавления этих вооруженных выступлений. В 46 случаях империалистам пришлось прибегнуть к авизции, к высадке лесантов морской пехоты, к переброске крупных войсковых частей, а в 4 случаях пришлось открыть совместные действия британских, французских и бельгийских частей.

Переход к активным вооруженным Формам борьбы имел место в эти годы ив Индо-Китае, примером чего могут служить известные события 1930—1931 гг.

Можно было бы привести немало подобных примеров, свидетельствующих с нарастании активных форм крестьянской борьбы.

Как новое и весьма важное явление можно отметить приобщение национальных меньшинств и угнетенных племен к аграрно-крестьянскому лвижению. В Китае, в провинциях Гуанси и Гуйчжоу, некитайские племена начали принимать участие в общекрестьянской борьбе. То же мы наблюдаем в Инло-Китае. В Персии за последние годы произошли восстания белулжистанских племен, арабского племени чбени туруф», племени «насар». луров, курдских племен и т. д. Конечно, в известных случаях эти

выступления не носят революционного характера и инспирируются империалистами и их агентами. Но значительная часть выступлений национальных меньшинств, несомненно, прямо отражает влияние и служит дополнительным симптомом нарастающей аграрной и антиимпериалистической революции в колониальных и полуклониальных странах.

Надо подчеркнуть влияние нарастающей аграрной и антиимпериалистической революции на армию, на солдатскую массу в первую очередь. Известны довольно многочисленные случаи перехода нанкинских гоминлановских частей на сторону красной армии Китая; известны также отдельные случаи перехода манчжурских частей на сторону партизан. Такие факты имели место не только в Китае. В Индо-Китае именно восстание целого гарнизона придало мощный размах и, в известной мере, общенародный характер революционно-освободительной борьбе, способствовало пол'ему всего движения на более высокую ступень, создав аля него вооруженную опору. В Индонезии в феврале 1933 г. восставшие туземные и европейские мопяки захватили броненосец «Де севен провинсиен». В странах Южной и Карибской Америки произошли восстание 5-го полка в Перу, военные восстания на севере Бразилии, революционные выступления в парагвайской и боливийской армиях. революционные волнения в отдельных аргентинских частях; имел место целый ряд отказов сальвадорских солдат от участия в подавлении батрацко-крестьянского восстания в январе 1932 г.; в 1931 г. вспыхнуло известное восстание всего чилийского флага; революционное движение охватило и армию Кубы, где солдатам удалось после свержения Мачадо выбросить ненавистных им офицеров.

Нельзя недооценивать революционное значение всех этих событий. Все эти факты достаточно красноречиво говорят о том, что революционный под'ем начал расшатывать зооруженную опору господствующих кдассов; они говорят о благоприятных возможностях для работы коммунистического авангарда колониального пролетариата в солдатской массе по завоеванию ее на свою сторону.

Последнее обстоятельство, на котором мы хотели бы остановить внимание, заключается в том, что крестьянская борьба продолжает сохранять по преимуществу неорганизованный стихийный характер. Наибольшие успехи в организации под пролетарской гегемонией крестьянской борьбы имеются в Китае. Китайский опыт прелставляет аля нас интерес, поскольку он показывает перерастание от низших к высшим формам крестьянской борьбы и доказывает возможность прямого привлечения трудовых крестьянских масс под коммунистическое руководство, возможность для коммунистов организации вооруженного революционного крестьянского движения и координирования его с борьбой пролетариата.

Подведем теперь некоторые итоги тому, что мы говорили о крестьянском движении в колониальных и полуколониальных странах. Создаются условия для постепенного преодоления неравномерности движения, отставания крестьянского движения от революционной борьбы пролетариата. Наметился переход от пассивных и низших к активно наступательным, высшим формам борьбы. Сохраняется по преимуществу стихийный характер крестьянского движения, и в большинстве стран пролетарские организации делают лишь первые прпытки установления связи с ним. Однако беспспорно, что идейное

и организационное влияние пролетариата на колониальное крестьянство будет усиливаться, поскольку все большие массы крестьян колониальных и полуколониальных стран пробуждаются к борьбе и логика этой борьбы толкает их на союз с организованным пролетариатом. Задача заключается в том, чтобы коммунисты в этих странах целиком использовали создавшуюся обстановку.

Гегемония пролетариата в колониальной революции требует самого энергичного включения рабочего класса как руководящей силы в антиимпериалистическую борьбу. Пролетариат колониальных стран должен показать трудящимся массам, что он ведет самую энергичную, самую самоотверженную, самую упорную и последовательную борьбу против империализма — этого главного врага поработенных народов колониальных и полуколониальных стран.

В этой связи мы укажем на опыт борьбы китайских и индийских коммунистов. В Индии наши коммунистические группы и отдельные коммунисты, страдая в недалеком прошлом сектантским уклоном, самоустраивались от антиимпериалистической борьбы и предоставляли тем самым руководство антиимпериалистическим движением буржуазному Национальному конгрессу. В Китае же коммунистическая партия стремилась использовать каждый конфликт, каждый акт насилия империалистов, каждое антиимпериалистическое выступление масс для расширения антиимпериалистической борьбы под руководством компартии. Этим активным участием в антиимпериалистическом движении несмотря на отдельные промахи и слабости коммунистическая партия Китая сумела завоевать руководящие позиции в общенародной антиимпериалистической борьбе и превратиться в мощный

политический фактор, опирающийся на крепкое советское государство, ведущее по советскому пути народы Китая к полному национальному и социальному освобождению.

В борьбе за возглавление и дальнейшее усиление антиимпериалистического движения коммунистические партии колониальных стран должны парализовать влияние национал-реформизма, дезорганизующего революционную борьбу масс. Не завоевав на свою сторону масс, еще идущих за национал-реформистами, коммунистические партии не могут достичь решающих успехов в борьбе с империалистическими угнетателями. Возможности для завоевания масс на свою сторону у коммунистов сейчас выросли. Националреформизм переживает сейчас серьезный кризис и оказывается как бы между молотом и наковальней. С одной стороны, в условиях возросшей империалистической агрессии усиливается нажим империалистов на националреформизм, все более настойчиво предъявляются требования полной его капитуляции перед иностранным капиталом. С другой стороны, в этих странах все более мощный размах приобретает борьба трудящихся масс против империализма.

Однако это не означает утрату национал-реформизмом маневроспособности. Чтобы прикрыть сврю капитулянтскую практику и, с пругой стороны, под завлением растущего массового движения, национал-реформизм пускается на различные маневры. К числу последних нужно отнести, например, декларацию «Сарикат Ислама» в Индонезии об отстаивании им якобы социалистического пути развития и о желательности насаждения колхозов (правда, с помощью японского капитала!).

Почти во всех странах на смену скомпрометированным официальным организациям национал-реформистов создаются новые якобы социалистические организации так называемых «левых» национал-реформистов.

Гегемония пролетариата в колониальной революции не может быть завоевана без разоблачения всех маневров национал-реформизма. Особенно нужно предвидеть предательское поведение национал-реформистов в условиях большой войны, возможность спекуляции отдельных национал-реформистских групп на военных осложнениях. Всем памятен опыт империалистической войны 1914 г., когда большую помощь империалистам оказали национал-реформисты. Они облегчили империалистам возможность использования колоний как источника необходимого сырья для военных нужд, как лополнительную базу аля легкой промышленности, как поставщика солзатской массы и вспомогательной рабочей силы для военно-промышленных и саперных работ. Во время войны 14-го года и в Индии, и в Южноафриканском союзе, и в арабских странах национал-реформисты заняли позицию гражданского мира аля защиты «своей» империи. Сейчас, когда нависла угроза новой войны, национал-реформисты активно участвуют в идеологической подготовке антисоветской интервенции. Они ведут клеветнические кампании против Советского союза. Они распространяют всякие вымыслы о «красном империализме», о преслепованиях национальных меньшинств, о притеснении мусульман, о полавлении религии, о принудительном труле и т. д., причем их кампании совпадают с каким-нибудь обострением отношений между Советским союзом и империалистичегким миром и с геми кампаниями которые ведутся на столбцах буржуазной прессы против страны

диктатуры пролетариата. Так они стараются. оказать посильную помощь империалистам в обработке общественного мнения в подготовке к войне против Советского союза. Перед коммунистами колониальных стран стоит серьезнейшая задача — разоблачать всю политику и деятельность национал реформистов, связанные с угрозой войны, разоблачать все их клеветнические выпады против Советского союза.

Мы уже говорили о довольно многочисленных национальных меньшинствах в колониальных и полуколониальных странах и с необходимостью вовлечения их в общий фронт антиимпериалистической борьбы.

Гегемония пролетариата в колониальной революции требует также установления правильной тактики по отношению к городской мелкой буржуазии для использования и направленного невольства разоряющихся широких слоев городской мелкой буржуазии в русло рукотворимой пролетариатом антиимпериалистической и аграрной революции.

Но коммунистические партии в колониальных и полуколониальных странах не смогут сыграть своей исторически важной роли, если они окажутся не в состоянии осмыслить основные процессы, происходящие в своих странах, правильно анализировать конкретные особенности развития своих стран разработать применительно к условиям своих стран лозунги и требования отвечающие назревшей действительности, если они в борьбе на званном фронте не будут отстаивать классовую чистоту своей линии и последовательное претворение ее в жизнь. Первоочередное значение имеет правильное представление об аграрных отношениях и об особенностях

капиталистического развития колониальных и полуколониальных стран.

О том, что в годы империалистического господства в колониальных и полуколониальных странах шло развитие капитализма спору не может быть. Там разрушался старый, отсталый общественно-экономический уклад, росли товарно-денежные отношения, росла товарность сельского хозяйства, его специализация, создавались целые районы технических культур возникала и развивалась, хотя и медленно, местная промышленность, выросли такие центры, как Шанхай, Бомбей, Калькутта, Ухань и т. д. Вопрос заключается в определении особенностей капиталистического развития в этих странах.

Колонии были и являются придатком империалистической метрополии. Все свое влияние монополистический капитал использован для того, чтобы сохранить колонии на положении аграрно-сырьевого придатка. А это положение колоний создавало целый ряд особенностей капиталистического развития этих стран. Развитие товарно-денежных отношений служило на пользу главным образом промышленному развитию метрополий быстрый рост производительных сил на почве разрушения натурального хозяйства в колониях происходил не столько в самых колониях сколько опять-таки в метрополиях. Складывающийся рынок в колониях являлся не столько рынком для туземной промышленности сколько рынком для иностранного капитала. Происходила громадная утечка капиталов в виде колониальной дани, оплодотворившей хозяйство метрополий.

Процесс товаризации в колониальных и полуколониальных странах приобретал форму

односторонней специализации сельского хозяйства. В этих странах происходила задержка в развитии промышленности и эта заторможенная в своем развитии промышленность не-была, конечно, в состоянии дать работу разоряющимся крестьянам, кустарям ит. д. Замедленное развитие промышленности привело к задержке вытеснения торгово-ростовщического капитала, продолжающего играть огромную роль в эксплуатации непосредственных производителей.

Маркс и Ленин указывали на обезлюение деревни как на толчок к развитию и применению техники в сельском хозяйстве. В колониальных же и полуколониальных странах, где быстрому, стремительному процессу пауперизации не соответствует рост промышленности, характерны огромные относительное перенаселение, острейшая земельная нехватка, зрелое землепользование, характерны условия, при которых помещикам и кулакам менее выгодно строить свое хозяйство на чисто капиталистический лад, менее выгодно прибегать к найму рабочей силы и применять машинную технику, а значительно выгоднее сдать мелкими, карликовыми участками свои земельные владения в аренду и подвергать чудовищной эксплуатации крестьянские массы.

Все эти особенности капиталистического развития не могут не накладывать соответствующего отпечатка на процесс классовой дифференциации, сопровождающей капиталистическое развитие.

Более подробно нужно остановиться на вопросе о земле. В этом отношении чрезвычайно интересно эволюцию колониальной экономики сопоставить с развитием капитализма в России. Анализируя пореформенную

экономику 40-революционной России, устанавливая направление экономической эволюции, Ленин подчеркивал уменьшение аворянского землевладения (с 73 млн аесятин в 1877 г. до 53 млн. десятин в 1905 г.) и указывал на пинию развития капиталистического земледелия, заключающуюся в превращении мелких по площади хозяйств в крупные по производству. Две генленции, направленные к ликвидации феодальных отношений и чапактеризовавшие борьбу общественно-политических сил в России, получили у Ленина наименование «прусского» и «американского» путей развития. Как обегоит дело в колониях и полуколониях? Мы позробнее зазержимся на этом вопросе, ибо это послужит ключом к пониманию осчовных особенностей капиталистического развития колониальных и полуколониальных стран.

Начнем с вопроса о землевладении в Корее. Посевная площадь, находящаяся в руках помещиков, увеличилась с 2377 тыс. то в 1928 г. до 2515 тыс. то в 1932 г. Помещики, влалеашие в 1928 г. 54,1% посевной площади, сейчас елалеют 56,4%. В то же время соответственно увеличилось количество арендаторов, безземельных крестьян с 1191 тыс. дворов в 1926 г. до 1393424 дворов в 1931 г. Поднялся их удельный вес. В 1926 г. они составляли 43,3%, а в 1931 г. уже 48.4% к общему количеству дворов.

Возьмем данные о землевладении в Египте. (1)

Чисые ааеадении ПИ лошадь эемли , Среднчи площадь

Группы яладений

Пры-

при-

{2 акрах) 1905 г, 1932 г. PE 1906 г. 1932 г. < рт 1905 г. | 1932 г,

До5..... 110157105 [3 И 316 | 109.0 | 1 263 033 | 1 764 434 | 39,8 1,25 (1,83

От 54010.... 77.6. 84 621 9,0 | 541824 712 494 6,1 УД 0.75

„ Ю.5- .. 49 305 ба 318 8.0 | 402323 | 827811 3.2 | 16,3% 15,80

.30.5.... 861 9427 9.0 1 331501 361 337 9,С | 38,56 38.30

Свыше 50.... 12415 12 492 0.1 | 2 356 602 | 2 290 617 2.8 | 159.0 | 183.00

Если присмотреться к кривой помещичьего землевладения в Египте, то она одно время шла книзу. затем поднималась, но за последние 27 лет, как это видно из вышеприведенной таблицы, по существу сколько-нибудь больших изменений с земельной площадью, находящейся в руках крупных помещиков, не произошло. Если к площади владельцев свыше 50 акров прибавить 500 тыс. акров церковных и династических земель и 400 тыс. акров обрабатываемых и сдаваемых в аренду государственных земель, то около половины всего земельного фонда падает на долю феодально-помещичьего землевладения. Однако, если не произошло существенных изменений с крупным помещичьим землевладением, то за эти же 27 лет

значительно выросли поместья мелких и средних помещиков, выросли кулацкие земли. В то же время происходит резкая парцелляция мелко крестьянской собственности. Число бедняцких владений возросло больше чем вдвое и средний размер земельной площади этого хозяйства сократился с 1,26 до 0,83 акра.

О стремительном процессе парцелляции землевладения в Египте сообщает интересные данные «Эжипшиен газет» (13 апреля 1934 г.):

«Следующие цифры характеризуют пауперизацию египетского крестьян-

ства. Парцеллярные собственники, имеющие меньше 5 акров, составляли в 1894 г. — 77,6% общего числа египетских земельных собственников, в 1914 г. — 90,6%; в 1932 г. — 93%. В 1894 г. под мелкими парцеллами (до 5 акров) находилось 19,8% всех земель, в 1932 г. — 30,3%».

Так идет в колониальных и полуколониальных странах процесс обезземеления крестьян и параллельно с этим процесс роста паразитического помещичьего землевладения. И ни для кого не секрет, что в этих колониальных и полуколониальных странах помещики преимущественно сами своего хозяйства не ведут и приналежащие им земли сдают небольшими участками в аренду на кабальных условиях.

В связи с этим небезынтересно остановиться на вопросе о землевладении в Японии, где аграрные отношения имеют много сходного с положением в колониальных и полуколониальных странах. Площадь помещичьей земли в Японии за последние 50 лет, т. е. за годы быстрого капиталистического развития, увеличилась с 36 до 46% по

отношению ко всей обрабатываемой площади. За эти же годы кабальная аренда — полукрепостническая эксплуатация — не только распространилась на новые слои крестьянства, но и приняла более тяжелые формы. Так, если принять ставку арендной платы в 1886 г. за 100, то в 1909—1913 гг. она равнялась 113, а в 1917—1921 гг. она достигла 117.

(1) Данные из «Ежемесячника с.-х. и экономической статистики Египта» за ноябрь 1933 г. в из «Статистического ежегодника» за 1926--1927 гг. [94]

По официальной японской статистике получается, что в последние четверть века число мелких помещиков и кулаков (от 10 до 16 га) увеличилось на 16%, число помещиков, владеющих свыше 50 га, увеличилось на 40%. Все остальные группы собственников численно уменьшились, за исключением самой низшей (группа владеющих в среднем по 1/3 га), которая увеличилась на 11%. Таким образом и здесь происходит быстрая концентрация земли в руках крупных помещиков и отчасти кулаков за счет экспроприации мелких и средних собственников. И здесь не прекращается процесс дробления землевладельческих участков до таких мелких размеров, что прокормиться на них становится невозможным.

Этот рост помещичьего землевладения, происходящий наряду с капиталистическим развитием, характерен и для Индии и для стран Южной и Караибской Америки. Так, в Мексике 90% всей частновладельческой земли принадлежит помещикам и иностранному финансовому капиталу. В Аргентине, в этой наиболее развитой в Южной

и Караибской Америке стране, почти 95% всей обрабатываемой земли находится в руках помещиков и иностранного капитала.

Коротко оstayовимся еще на землевладении в Индонезии. С одной стороны, мы наблюдаем там резкое сокращение числа деревень с общинным землевладением. В 1882 г. их было 23600, а в 1927 г. — 11 тыс. Возрастает денежная часть крестьянского бюджета. В 1901 г. она составляла 48%, а в 1924 г. уже 56%. Все это, несомненно, является показателем капиталистического развития. Но и здесь, в Индонезии, разрушение натурального хозяйства, развитие капиталистических отношений сочетаются и переплетаются с усилением полуфеодальных методов эксплуатации. Мобилизация земли в руках помещичьих и торгово-ростовщических элементов, как правило, не сопровождается организацией более крупного капиталистического хозяйства, а большей частью служит источником усиленной эксплуатации в докапиталистических формах обезземленного и малоземельного крестьянства. До какой степени доходит раздробленность крестьянского землепользования, видно уже по тому, что арендуемые 18 млн. участков составляют общей площадью 6 млн. га, т.е. что средний размер арендуемого участка не превышает 1/3 га. Как видим, и здесь груз докапиталистических пережитков становится все более тяжелым, и здесь помещики пожирают остатки крестьянского землевладения, и здесь в тяжелейших для масс формах идет капиталистическое развитие колониального типа.

Рассмотрение вопроса о землевладении в колониальных и полуколониальных странах нет необходимости дополнять материалами о Китае. В ряде работ, в частности Яо Син-

нуня и Чэнь Хань-сэна, достаточно освещен процесс разсрения, пауперизации, обезземеления китайских крестьян при одновременном росте помещичьего землевладения и полуфеодальной кабалы. В китайской гоминдановской деревне мы в свою очередь наблюдаем уменьшение размеров крестьянских дворов, сокращение рабочего скота и других средств производства и т. д. Нужно лишь подчеркнуть, и это имеет огношение не только к Китаю, но и ко всем колониальным и полуколониальным странам, что мировой экономический кризис не изменил отмеченного нами направления развития колониальной экономики, а лишь гигантски и катастрофически ускорил все эти процессы.

* * *

Богатейший опыт китайской советской реполюции полволяет установить характерные особенности демократического этапа колониальной револуции, наметить перспективы дальнейшего перерастания этой револуции и правильно оценить все значение в этом деле гегемонии пролетариата. Правда, пока еще нет возможности на основе китайского опыта строить скольконибуль законченные обобщения. Нет таких возможностей, ибо китайская револуция еще не выявила все свои творческие способности, она не могла еще полностью развернуть всю свою программу созилательных работ. Китайская советская револуция охватывает пока еще часть страны и притом сравнительно отсталые районы, к тому же эти районы окончательно еще не стабилизировались и вся деятельность внутри них протекает в условиях непрерывной гражланской войны Но целый ряд полезных уроков из китайского опыта можно извлечь уже сейчас.

По своему основному содержанию советская революция в Китае в настоящее время носит буржуазно-лемократический характер. Кигаийские советы на деле подтвердили правильность ленинской установки Коминтерна на революционно-лемократическую диктатуру пролетариата и крестьянства. Но уже на этом, буржуазно-демократическом этапе китайская советская революция характеризуется наличием социалистических элементов, составляющих здесь специфическую особенность революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

Пролетарские черты в китайской революции сказываются уже в том, что пролетариат выступает как руководящая сила как авангард пвижения. Далее, революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства в Китае: 1) является властью антиимпериалистической, 2) приобретает наиболее целесообразную советскую форму (опирающуюся на массвые организации и являющуюся демократией для трудящихся и суровой диктатурой по отношению к эксплуататорским классам), 3) характеризуется сосредоточением руководящей роли в правительстве и во всех массовых организациях в руках компартии, 4). располагает своими вооруженными силами в лице рабоче-крестьянской красной армии и 5) проводит наряду с основными демократическими мероприятиями некоторые мероприятия в зародышевой форме сониалистического характера. К числу последних относятся: руководство предприятиями находящимися в руках революционного государства; контроль нап Производством; государственные мероприятия по регулированию цен и организации вывоза и ввоза и снабжения населения предметами первой необходимости; проведение кампаний,

направленных к поднятию сельскохозяйственного производства (посевная, уборочная кампании, кампания по оказанию помощи инвентарем и семенами); помощь и стимулирование кооперативного движения и т. д.

Означает ли сказанное выше, что в китайской революции стираются всякие граи между революционно-демократической диктатурой и социалистической диктатурой пролетариата? Нет, эти грани стирать нельзя, ибо в одном случае мы имеем диктатуру одного класса — пролетариата, а в другом случае — революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства. Руководство в правительстве и в общественных организациях принадлежит китайским коммунистам, однако они должны исходить из того, что созрело в экономике и в сознании масс. Коммунисты действуют не в безвоздушном пространстве. Когда мы говорим, что коммунисты руководят там правительством, то нужно учитывать, что руководят они не в условиях диктатуры пролетариата, а в условиях революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. А это ставит их деятельность в соответствующие рамки.

С другой стороны, признаком пролетарской революции являются скержение буржуазии и строительство социализма, в то время как при буржуазно-демократической революции (что имеет место и в теперешнем Китае) капитализм остается как основа; применительно к китайским условиям основой остается мелкотоварное производство. Правда, развитию капитализма на базе этого мелкотоварного производства с самого начала противостоят экономические и политические позиции революционного государства, которое их использует и всемерно будет укреплять в интересах

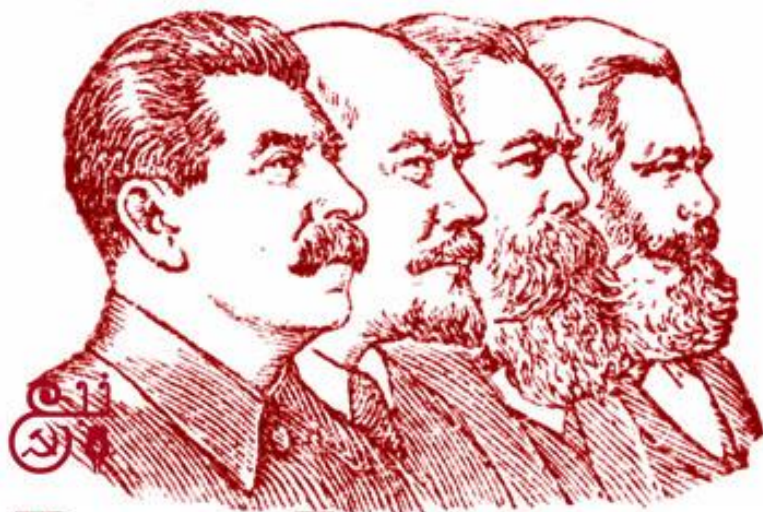
некапиталистического развития. Однако революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства в Китае не может ставить сразу же перед собой задачи вытеснения капитализма из всех пор общественных отношений.

Мы видим таким образом, что основные признаки буржуазно-демократической революции остаются в силе и для данного этапа советской революции в Китае. Но возможности, создаваемые фактом существования революционного советского государства, реализуемые на советских территориях в Китае, несомненно, облегчат весь последующий процесс перерастания революции в Китае в социалистический этап.

Благоприятные перспективы дальнейшего развития китайской революции складываются и по другим линиям. Уже на демократическом этапе китайской революции создаются при советах группы бедноты. Несомненно, что по мере дальнейшего развития революции будет возрастать организованность деревенской бедноты и все более тесной будет становиться её связь с городским пролетариатом. Это имеет громадное значение в смысле перспектив последующего перерастания революции.

Таковы внутренние предпосылки перерастания китайской революции, такова роль гегемонии пролетариата не только в поведении до конца демократических задач революции, но и в обеспечении последующего продвижения к социализму. Эти условия дополняются наличием исключительно благоприятного внешнего фактора в лице СССР и растущего международного пролетарского движения, так что перспективы развития китайской революции при правильной политике

киткомпартии не могут вызвать сомнений. Это развитие китайской революции будет освещать перспективы революционно-освободительной борьбы трудящихся масс остальных колониальных и полуколониальных сгран.

Дорога Большевизма

<https://dbarabe.yolasite.com>